Словесница Искусств

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ №2 (32) 2013

Путешественник – перелетная птица

Фото Евгения Балашова

Словесница Искусств

№ 2 (32) 2013

Культурно-просветительский журнал
Издается в Хабаровске с 1998 года
Выходит 2 раза в год

Лауреат конкурса среди провинциальных изданий, пишущих о культуре, проводимого АНО «Единство культуры и журналистики» совместно с Фондом Форда (1999)

Лауреат Всероссийского конкурса журналистов «Золотой Гонг-2001»

Лауреат Всероссийского конкурса журналистов «Лица российской провинции» (2004)

Лауреат Хабаровского краевого фестиваля духовной культуры «Святой России край» (2007)

Серебряная медаль Дальневосточной выставки-ярмарки «Печатный двор-2008»

Гран-при IX Всероссийского смотра информационной деятельности домов (центров) народного творчества (2012)

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор — Елена ГЛЕБОВА

Художественно-технический редактор — Галина ПЕРШИНА

Корреспондент — Глеб МОРДОВЦЕВ

Выпускающий редактор — Наталия РОДИНА

Интернет-версия журнала — Алексей МАРТЫНЕЦ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Федосов Александр Вячеславович
председатель, министр культуры Хабаровского края
Глебова Елена Викторовна
главный редактор журнала «Словесница Искусств»
Дубинина Нина Ивановна
(Дальневосточный государственный гуманитарный университет)
Мельникова Татьяна Владимировна
(Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова)
Федосеев Олег Александрович
(КГАУК «Краевое научно-образовательное творческое объединение культуры»)
Черепанова Светлана Юрьевна
(Хабаровский краевой благотворительный общественный фонд культуры)

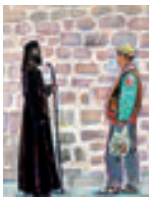
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ27-0025 от 7 декабря 2011 г.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Хабаровскому краю и ЕАО
Учредитель: Хабаровский краевой благотворительный общественный фонд культуры (680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 17).
КГАУК «Краевое научно-образовательное творческое объединение культуры» министерства культуры Хабаровского края (680000, г. Хабаровск, ул. Запарина, 88).
Издатель: Государственное учреждение культуры «Краевое научно-образовательное творческое объединение культуры» министерства культуры Хабаровского края

Адрес издателя и редакции:
680000, Хабаровск, Фрунзе, 69а
Тел. (4212) 30-44-12. E-mail: slovoart@mail.ru
www.slovoart.ru, www.fkhv.ru

Отпечатано в ОАО «Хабаровская краевая типография»
680038, Хабаровск, ул. Серышева, 31
Тираж 1 300 экз.
Подписано в печать 06.11.2013
Цена свободная

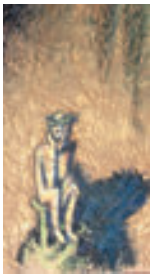
На первой странице обложки:
Александр Гуриков. На берегу.
1984. Холст, масло. Картинная галерея им. А.М. Федотова, Хабаровск

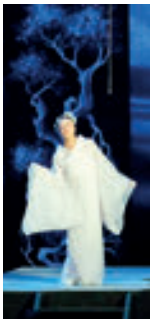
СОДЕРЖАНИЕ



ОТ РЕДАКТОРА
2 Елена ГЛЕБОВА.

ГЛАВНАЯ ТЕМА: ПУТЕШЕСТВЕННИК – ПЕРЕЛЕТНАЯ ПТИЦА
4 Нелли ЖАБИНА. ***Адвокат ительменов***
16 Татьяна КИРПИЧЕНКО. ***Записки о «розовом городе»***
26 Елена ГЛЕБОВА. ***Живое слово***
27 Елпидифор ТИТОВ. ***Северная Даурия***
32 Елена ГЛЕБОВА. ***Письма Арсеньева***
36 Наталья ПОЗИНА. ***Исследователь живых языков***
40 Марина САМЫНИНА. ***Северные фантазии Николая Менцера***
44 Валерий ТОКАРСКИЙ. ***Визит к шаману***
48 Игорь СИМОНОВ. ***Праздник Белого медведя***
50 Сергей ДЫМИНСКИЙ, Иван ШИШИГИН. ***Попытка узнать свою страну***
58 Валерий ТОКАРСКИЙ. ***В сотый раз подняться на вершину***
62 Александр ЛЕПЕТУХИН. ***Путешествие в двух измерениях***
72 Марина ЦВЕТНИКОВА. ***Под синим шелком иерусалимских небес***
77 Виктория ШИШКИНА. ***Аюттая – средневековая столица Сиама***

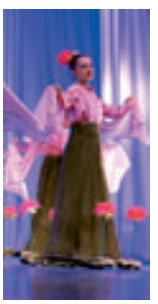




ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ
СОБЫТИЕ
84 Глеб МОРДОВЦЕВ. ***Путешествие по ночной библиотеке***
ВЫСТАВКИ
86 Ольга ПРИВАЛОВА. ***Голоса художников***
БЕСЕДЫ В МАСТЕРСКОЙ
90 Глеб МОРДОВЦЕВ. ***Шахназар Шахназаров: «Керамика – это все!»***
ПАМЯТЬ
93 Евгения БЫКОВА. ***Дары Софьи Витухновской***
97 Татьяна ДАВЫДОВА. ***Григорий Зорин. Честная летопись***
МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ
105 Наталия СТАРУН. ***«Краснушки» и «чернушки» со святыми образами***
МУЗЫКА
108 Марина ДУБИНИНА. ***Нашей юности оркестр***
112 Герман ПЕЧОРИН. ***Эра биг-бендов на Дальнем Востоке***
ТЕАТР
116 Татьяна КОПЫТИНА. ***«Мадам Баттерфляй», или Попытка полета***
117 Глеб МОРДОВЦЕВ. ***Успеть на последний трамвай***
ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ РЯДОМ
119 Нина БУЛАНОВА. ***Открывающая клады и талантливых людей***

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ
ЛЕТОПИСЬ
124 Татьяна КИРПИЧЕНКО. ***Визит августейшей особы***
130 Любовь КРИВЧЕНКО. ***Архив Людмилы Дземешкевич***
ПО ЛАБИРИНТАМ ПАМЯТИ
137 Олег КОЛЕСНИКОВ. ***Размышления исследователя***

ЛИТЕРАТУРА
ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКИ
140 Любовь КРИВЧЕНКО. ***Охотничьи тропы Сергея Кучеренко***
ВСТРЕЧИ
144 Александр РЕУТОВ. ***В Переделкино, к Анастасии Цветаевой***
СТРОКИ
147 Сергей ЗИМИН. ***Авдотька – кулик болотный***



ДОМ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА
О ГЛАВНОМ
162 Варвара ДАНИЛОВА. ***В ожидании Года культуры***
СОБЫТИЕ
164 Елена КОСТЮЧЕНКО. ***Шекспир, Лопе де Вега, «Дальневосточный бенефис...»***
166 Надежда КИМОНКО. ***Феерия «Бубна дружбы»***
ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО
168 ***Фантазии из ярких картинок***
ИЗ ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ
169 Татьяна ТРИШКИНА. ***«...И оживают куклы»***
175 **АВТОРЫ**

Путеводная звезда

Почему-то так сходятся звезды, что рисунок судьбы одного человека абсолютно понятный и ровный – где родился, там и пригодился, у другого же он немыслим по переплетениям событий, маршрутов, стран. Как будто среди небесных светил есть одна зовущая, манящая, освещающая путь.

А ведь именно так писал о своем приезде на Дальний Восток Арсеньев: «Путеводная звезда, руководившая мною, привела меня в город Владивосток…». И еще в одном из своих писем Владимир Клавдиевич сравнил путешественника с перелетной птицей. Так родилась главная тема этого выпуска журнала «Словесница Искусств», которую мы посвятили всем отважным и неутомимым, кто отправлялся в далекие путешествия и сложнейшие экспедиции в неизвестные земли, чтобы добавить в копилку мировой культуры новые знания. И всем, кто сегодня поднимается на вершины, спускается по рекам, собирая драгоценные камешки нашей истории.

Мы вспоминаем Георга Стеллера, чья судьба оказалась и яркой, и трагичной. Он оставил нам замечательный труд «Описание земли Камчатки» – глубоко научный, разносторонний, с уникальными подробностями о жизни практически неизвестного в первой половине XVIII века полуострова, а главное, созданный автором с глубоким уважением к культуре местных народов. Стеллер, будучи человеком скромным и неприхотливым, действительно служил науке, и это подтверждают строки из путевого дневника академика И.Г. Гмелина, хорошо его знавшего: «Он никакой одеждой себя не обременял… довольствовался очень малым… имел всего один горшок, заполнявшийся всеми продуктами, которыми он располагал… Готовил все сам, и по обстоятельствам в его горшке находились суп, овощи, рыба… При этом мы заметили, какой бы беспорядочный образ жизни он ни вел, в работе был пунктуальным и все выполнял неутомимо. Исследования были для него легки, и он мог работать целый день без пищи и питья, когда он рассчитывал на успех в своих научных занятиях».

То же стремление познать новые территории, невзирая на трудности и лишения, встречаем у адмирала Иосифа Биллингса, возглавившего во второй половине XVIII века Северо-Восточную географическую экспедицию, которая длилась десять лет – с 1785 по 1795 год и известна как экспедиция Биллингса – Сарычева. На одном из ее этапов Биллингс с небольшим отрядом (к слову, в него вошел и молодой рисовальщик из Петербургской Академии художеств Лука Воронин) отправился 13 августа 1791 года на оленях в Нижнеколымск через чукотскую землю, чтобы обследовать ее северное побережье. Историки называют это путешествие беспримерным: отряд Биллингса продвигался по суровому краю в течение 179 дней, преодолев 1 277 верст. Им приходилось ночевать в чукотских жилищах, питаться непривычной пищей, но именно такое близкое общение давало возможность узнавать новый народ. И сегодня, изучая редкие «мемории» участников той экспедиции, в том числе Иосифа Биллингса, открываешь для себя целый мир, уже исчезнувший, но оставшийся в исторических пластах памяти Дальнего Востока.

От материала к материалу главной темы номера – читая письма Арсеньева, в которых он делится с академиком Д.Н. Анучиным своими размышлениями о сохранении культуры приамурских этносов и описывает этнографические «уники», собранные им во время экспедиций, пробираясь по северной Даурии вместе с Елпидифором Титовым, отправляясь в гости к старику-шаману на реку Керби или на праздник Белого медведя в чукотско-эскимосское село Уэлькаль, осматривая с высоты птичьего полета Курилы вместе с фотографом Владимиром Голубцовым, – мы и сами становимся путешественниками, познающими и восхищенными. И, как перелетные птицы, движемся дальше – в новый год, к новым идеям, проектам, встречам.

Елена ГЛЕБОВА

Якутия. Река Лена. Барханы
Фото Владимира Маратканова

Путешественник – перелетная птица

Адвокат ительменов

Нелли ЖАБИНА

Георг Вильгельм Стеллер прожил тридцать семь лет: 1709–1746 годы. Его научные исследования связаны со Второй Камчатской, или Сибирско-Тихоокеанской, экспедицией, проект которой был разработан Сенатом, Адмиралтейств-коллегией и Академией наук. Ее справедливо называют Великой. Она и была такой по длительности (1733–1743), составу участников (более шестисот человек), по своим разносторонним задачам и результатам. Многочисленные сухопутные и морские отряды провели комплексные исследования огромной территории от Урала до Тихого океана, от южносибирских степей до побережья Ледовитого океана, совершили плавания к берегам Америки, Японии, к Алеутским, Командорским и Курильским островам. Непосредственным руководителем экспедиции был капитан-командор Витус Беринг.

Особым Указом Сената создавался Академический отряд (руководители – профессора Г.Ф. Миллер и И.Г. Гмелин), которому «надлежало астрономические, географические и физические обсервации делать, а также натуральную историю о плодах земных, каменьях и минералах вместе с обычаями, языками и древностями тамошних народов разыскивать». Такая широта исследований обусловила исключительное значение «академической экспедиции»: впервые была поставлена и блестяще выполнена задача комплексного научного изучения Сибири и северо-востока России.

Работа Академического отряда определялась инструкциями-программами, написанными профессорами: по астрономии, географии и физике – И. Делилем; о наблюдениях барометрных, термометрных, гидрометрных, о приливах и отливах – Д. Бернулли; по истории народов, политической истории – Г. Миллером; по истории натуральной – И. Гмелиным.

В январе 1737 года во Вторую Камчатскую экспедицию адъюнктом натуральной истории был назначен Георг Вильгельм Стеллер (правильнее – Штеллер, но в русскоязычных текстах утвердилось первое написание).

Как оказался в России сын кантора и органиста из небольшого немецкого городка Бад-Виндсхайма? Чтобы объяснить это, нужно понять и другое: почему Стеллер, пять лет изучавший теологию в университетах Германии, в России не служит пастором, а становится ученым-путешественником?

Маршрут плавания кораблей Второй Камчатской экспедиции В. Беринга и А. Чирикова в 1741 году

«Не каждая жизнь, – писал известный писатель-биограф И. Стоун, – приемлема для этого жанра. Мы знаем много жизней – значительных и важных по своим результатам, – которые в то же время раздроблены настолько, что их нельзя подвести под биографическую повесть. И наряду с этим есть и такие жизни, чьи герои как будто постоянно участвовали в построении драматического произведения». Вот к таким героям, о которых говорят: «Жизнь, как роман», и относится Г.В. Стеллер.

Судьба была щедрой и благосклонной к нему: он притягивал к себе людей не просто замечательных, но личностей, в которых ярко и мощно выражался дух его времени, эпохи раннего Просвещения. И эта особенность, пожалуй, была стержневой в бурном потоке его жизни.

В 1729 году, после окончания латинской школы, Стеллер поступил на теологический факультет Виттенбергского университета, получив стипендию магистрата Виндсхайма. И (кто знает!) стал бы священником, собирал бы в своем приходе цветы и травы, занимался гербариями, если бы не случился в его родном городке пожар,

ущерб от которого был так велик, что выплата стипендии прекратилась.

Для продолжения образования двадцатидвухлетнему студенту нужно было самому зарабатывать на хлеб и кров. Это стало возможным в Галле, где он получил должность учителя немецкого языка в Сиротском доме-приюте и изучал теологию в местном университете. Но с гораздо большим интересом слушал Стеллер лекции по естественным наукам на медицинском факультете.

Студентам университета еще в 1697 году было разрешено частным образом читать лекции, и Георг Вильгельм открыл в университете свой ботанический класс, который охотно посещали сокурсники.

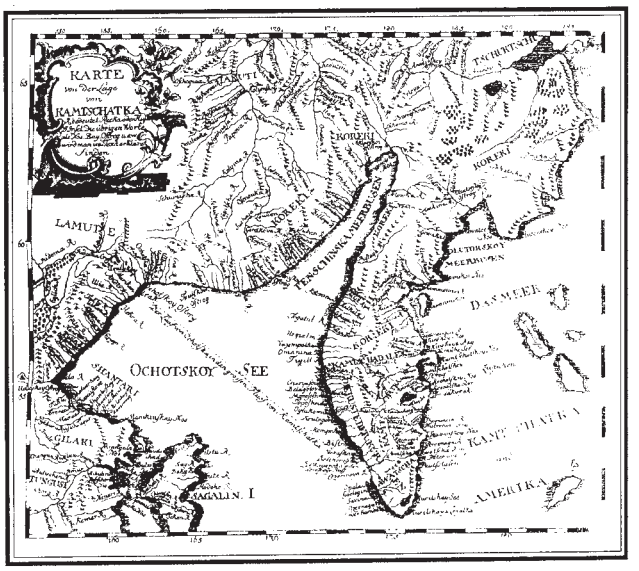
Курс ботаники в Сиротском доме курировал один из лучших европейских медиков профессор Ф. Хофман. Он покровительствовал Стеллеру, увидев в нем великие способности к наукам. По его настоянию Стеллер сдает квалификационные экзамены в Берлине, в Медицинской обер-коллегии и у известного ботаника М. Лудольфа. Хофман надеялся убедить прусского короля в необходимости должности профессора ботаники для университета Галле. Но Фридрих Вильгельм с доводами Хофмана не согласился.

Стеллер в Галле решил не возвращаться: научного будущего там у него нет. И он сделал свой выбор: наука – его призвание, и именно наука будет его профессией. Ведь не случайно, слово Beruf имеет двоякий смысл: означает и «профессия», и «призвание».

Да, чем бы Стеллер-ученый ни занимался в своей жизни – собирал ли гербарий в окрестностях Иркутска, наблюдал ли за «капустником» (морской коровой) на острове Беринга, слушал ли обрядовые песни главного камчадальского праздника, притворившись для того спящим, – во всем присутствовали то упоение, та страсть и то вдохновение, которые и свидетельствуют: наука для него – призвание.

Конечно, любой выбор индивидуален и является внутренним личностным решением, особенно если это решение – резкий жизненный поворот. Но и внешние, общественные обстоятельства мотивируют его. Город Галле в то время был признанным центром пиетизма. Сиротский дом, в котором учительствовал Стеллер, основал знаменитый педагог-пиетист А.Г. Франке. Этот теолог и лингвист разработал систему образования, которая применялась во многих странах, в том числе и в России. Философия пиетизма, соединившего протестантизм с просветительской верой в человеческий разум, в способность научного знания практически переустроить мир, воспитала у Стеллера убежденность в том, что служение науке и есть его божественное предназначение.

Между университетом Галле и Петербургской академией наук (она была основана в 1724 году по приказу Петра I) развивались самые различные связи и отношения. Молодые немецкие ученые, у которых возможности научной карьеры в Германии были ограничены, с большими надеждами приезжали в Петербург, в Академию, где наукам было обещано покровительство государства. На академической печати были выбиты слова: «Здесь безопасно пребывает» (на латыни). Государственная поддержка позволила создать обсерваторию, физический кабинет (в нем было около четырехсот самых совершенных приборов и инструментов), анатомический театр, мастерские, типографию, библиотеку, архив, ботанический сад.



Карта Камчатки

Хотя при академии были открыты гимназия и университет для подготовки отечественных ученых, своей задачи они не выполняли, и первыми русскими профессорами (лишь через двадцать лет после открытия академии) стали М.В. Ломоносов и В.К. Тредиаковский, которые в Петербургском университете не обучались. Поэтому ака-

Авачинская бухта

демия в то время охотно приглашала иностранных ученых и заключала с ними контракты.

Из бесед с доктором Хофманом, который переписывался с некоторыми российскими академиками, Стеллеру было известно о перспективах, открывающихся в России для науки. Ожидаемое место профессора ботаники, решил он, можно получить там быстрее, чем в Галле. Денег у него нет, но есть крепкие и здоровые ноги. И летом 1734 года он пешком идет в Данциг, где устраивается врачом на русский военный корабль с ранеными, плывет на нем в Кронштадт, а затем приезжает в Петербург. И здесь ему невероятно повезло: или волею случая, или благодаря провидению он был приглашен домашним врачом к архиепископу Новгородскому и Ладожскому Феофану Прокоповичу. Везение – в личности Феофана. Это величественная и парадоксальная фигура в отечественной истории: ближайший советник Петра I в делах просвещения, главный реформатор православной церкви был одним из образованнейших людей петровского времени. В семнадцать лет Феофан, студент Киево-Могилянской академии, изучавший теологию, прерывает учебу и путешествует по Европе, продолжая образование: коллеж Святого Афанасия в Риме, университеты Лейпцига, Галле, Иены – и возвращение в Киев. Он назначается профессором духовной академии, читает курсы поэтики, риторики, метафизики, теологии, пишет трактаты и стихи.

После победы русской армии под Полтавой Феофан Прокопович, тогда уже ректор академии, произносит знаменитую проповедь в Софийском соборе, которую слушал Петр I. Он пригласил Феофана в Москву, а затем в Петербург, назначил вице-президентом Синода.

«Просветитель в рясе», Феофан создает «ученую дружину», литературно-философский кружок, объединявший просветителей того времени – Я. Брюса, В. Татищева, А. Кантемира. Все они полагали, что наука и знание и есть та сила, от которой зависит «беспечалие» и благополучие народа, сила и престиж Российского государства: «Когда же у всех великое умножится к учениям доброхотство, то всей России не малая прибудет слава: пронесется бо в народех, в коликой цене и чести Россия имеет любомудрие». Феофан не только писал о необходимости просвещения. В 1723 году он обратился к Петру I с просьбой сохранить ему жалованье в Синоде, которое высочайшим указом отменялось: «А сим деньгам было бы у меня иное место: ребят маленьких учу, кормлю и одеваю, да и библиотеку порядочную собираю». В 1730-е годы в этой школе получали образование до ста шестидесяти детей бедных родителей и сирот. Их обучали не только риторике, физике, математике, философии, но и музыке, пению, рисованию. Школьная певческая капелла была одной из самых знаменитых в Петербурге. Наиболее способных учеников Феофан рекомендовал в академическую гимназию и университет. Этот путь прошли известные в России академики – математик С.К. Котельников, медик А.П. Протасов, литератор и музыкант Г.Н. Теплов.

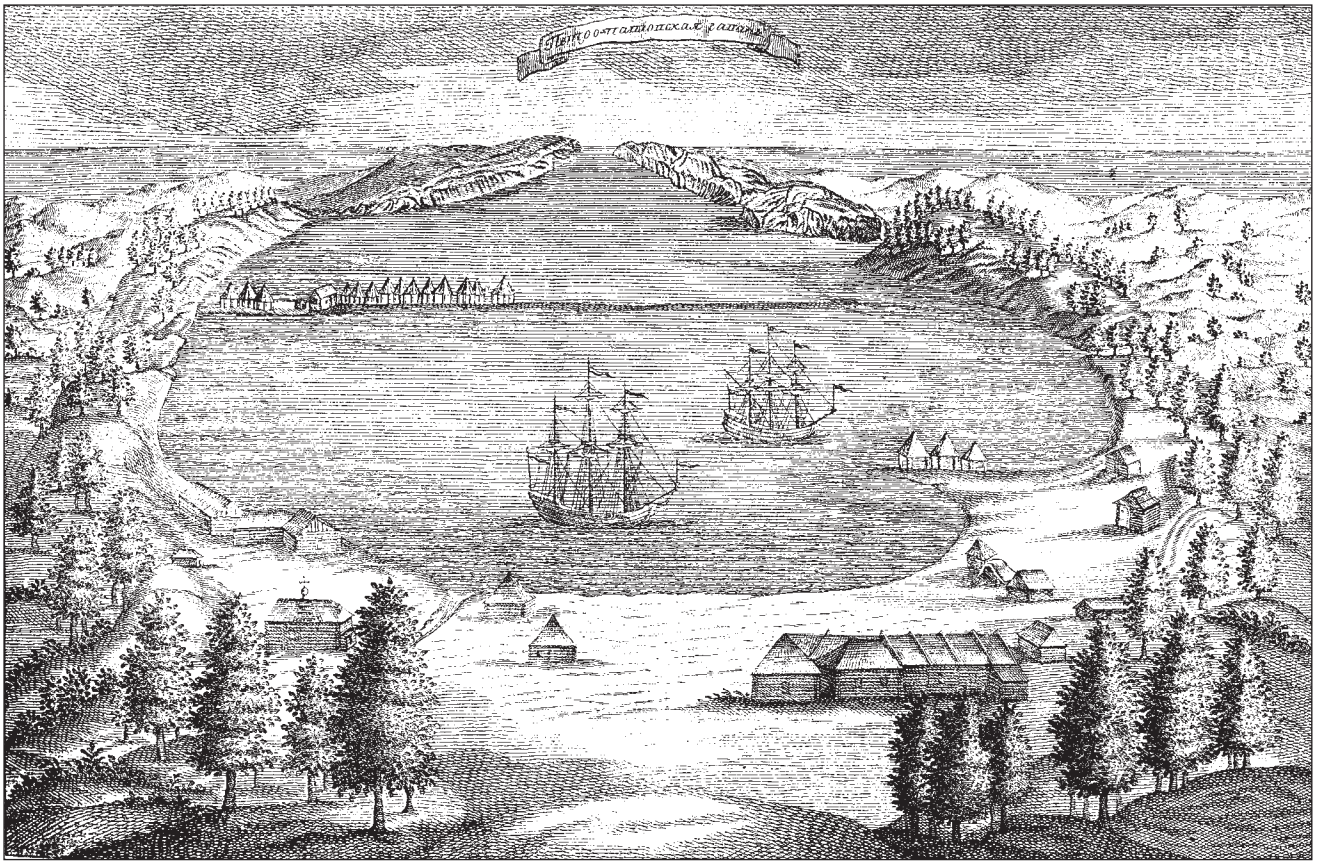
Когда в 1736 году Феофан Прокопович умер, императрице Анне Иоанновне было представлено прошение кабинета о сохранении школы: «Феофан при жизни своей особливым своим тщанием, собирая сирот, учредил семинарию и содержал оную в весьма добром порядке со многим иждивением своего персонального имения и учредил наследниками семинаристов». И тогда же был объявлен высочайший указ, чтобы «те ребята, которые в его доме учились, учились по-прежнему и были б содержаемы в таком же довольстве, как и при живом архиерее».

Когда Стеллер стал домашним врачом Прокоповича, у того уже позади были годы реформаторских трудов, требующих «пушистого лисьего хвоста и крепких волчьих зубов». Они сошлись: молодой врач-протестант и стареющий, не очень здоровый православный архиепископ. Свободного времени у Стеллера оставалось немало. Он помогал профессору ботаники И. Амману составлять академический гербарий, изучал флору петербургских окрестностей. Феофан снисходительно относился к частым ботаническим экскурсиям своего врача и даже написал шутливое стихотворение на латыни «На промедление стеллеровских целебных растений»: «Пока Стеллер ищет целебные травы для больного, тот умирает. Покойника уже похоронили, а врача все нет. Наконец он появляется, рассерженный на судьбу за то, что она его опередила». В этих стихах и характер Стеллера, и его беспредельное, страстное увлечение ботаникой. Таким его увидел Феофан, таким он и был в жизни.

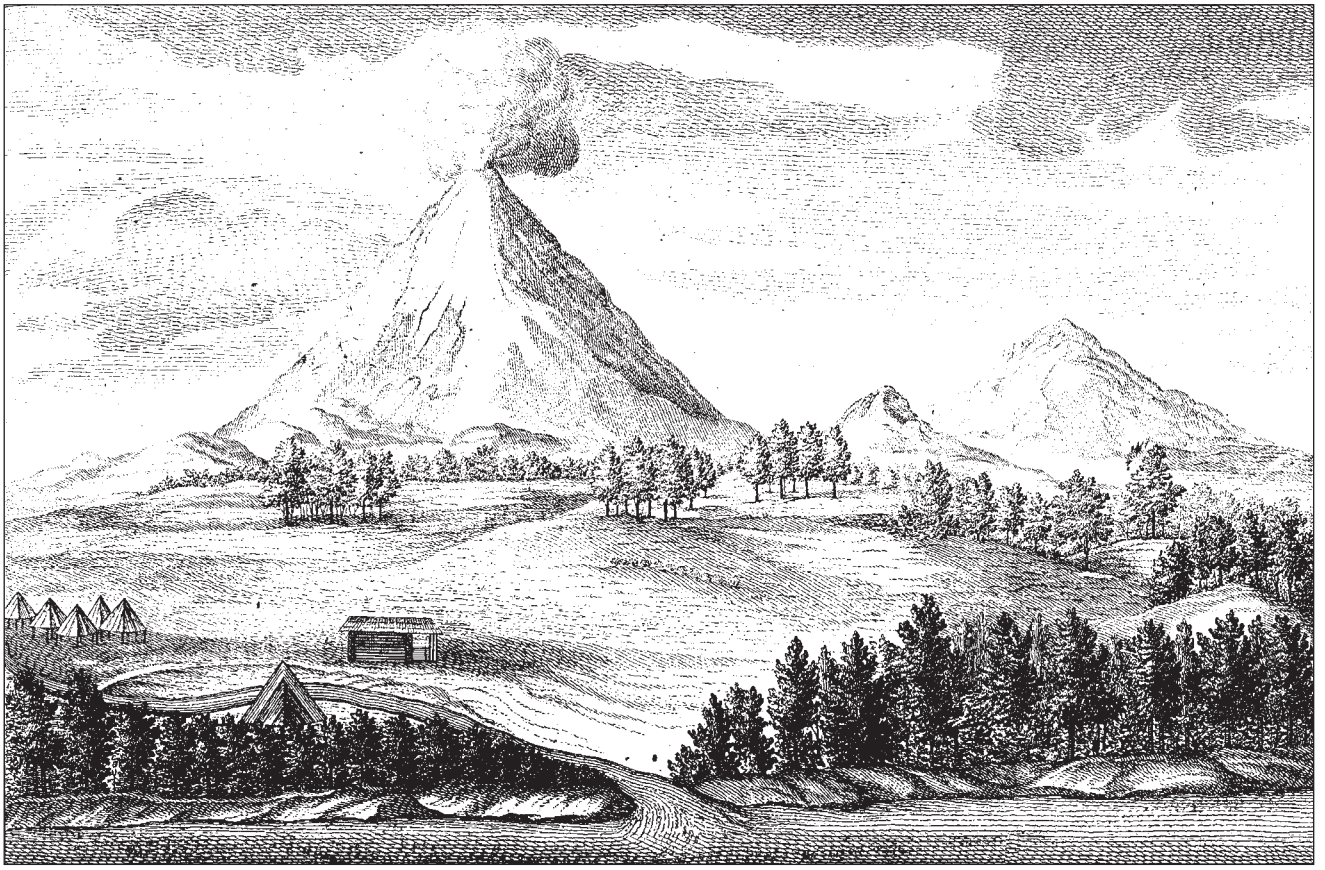
Годы в доме Прокоповича – это, безусловно, время самообразования для Стеллера. Феофан собрал самую большую в России своего времени частную библиотеку – до тридцати тысяч томов: древнерусские летописи, все сколько-нибудь значительные политические, философские и научные труды европейских мыслителей, географические хроники и описания, книги на различных восточных языках.

Прежде всего Стеллер изучает географические работы. Уже началась Вторая Камчатская экспедиция, и он надеется с помощью Феофана в ней участвовать. В доме Прокоповича он познакомился с доктором медицины Д.Г. Мессершмидтом, который семь лет (1720–1727) был в Сибирской экспедиции. Ученый-универсал (географ, историк, ботаник и этнограф) был приглашен Петром I и послан в Сибирь, «чтобы приискивать всякие раритеты (могильные древние вещи, шайтаны медные и железные, калмыцкие глухие зеркала) и потребные травы, цветы, коренья и птиц» – все, что «может послужить к пополнению и украшению царской библиотеки и музея». За долгие и трудные годы путешествия Мессершмидтом были выполнены маршрутные описания сибирских рек и городов, собраны зоологические, ботанические, этнографические и археологические коллекции. Итогом экспедиции стало «Описание Сибири, или Картина трех основных царств природы» и «нарисованный музей» (в поездках ученого сопровождал живописец К. Шульман, зарисовавший многие коллекционные предметы и древние наскальные рисунки. Мессершмидт к каждому описанию прилагал свой рисунок. Так и был создан «музей»). Позже, на Камчатке, Стеллер использовал этот опыт, а пока изучал материалы Мессершмидта, много разговаривал с ним и учился.

В январе 1737 года прошение в Сенат и академию об участии во Второй Камчатской экспедиции было удовлетворено, и в декабре он уезжает из Петербурга с женой (ею стала вдова Мессершмидта). Но дальше Москвы Хелена-Бригитта ехать отказалась, а Стеллер отправился в Сибирь. Началось его служение России и науке.



Гавань святых Петра и Павла



Камчатская огнедышащая гора

К нему неприложимо сложившееся представление о немце-ученом. Традиционная немецкая пунктуальность и аккуратность сочетались в нем с бурным горячим темпераментом, неуемной взрывной энергией, неумеренностью и беспорядочностью в житейском поведении. Эту особенность заметил И. Гмелин и написал о ней в своем «Путешествии по Сибири»: «Мы могли сколько нам угодно представлять Стеллеру о всех чрезвычайных невзгодах, ожидавших его в этом путешествии, – это ему служило только большим побуждением... Поскольку нужно было везти с собой все домашнее хозяйство через Сибирь, то он взял с собой только все самое необходимое. Его сосуд для пива был и сосудом для меда и водки. Вина он вообще не требовал. У него был только один горшок, из которого он ел и в котором приготавливал все блюда, для чего ему не требовался повар. Он все варил сам и просто... Он всегда в хорошем расположении духа, и чем беспорядочнее у него все происходило, тем больше он радовался... С ним необычайно легко было проводить время, поскольку он всегда был весел. При этом мы заметили, какой бы беспорядочный образ жизни он ни вел, в своих исследованиях он был чрезвычайно точен и неутомим. Он мог проработать весь день без пищи и питья, если мог сделать что-нибудь полезное для науки».

В Сибири по приглашению Г. Миллера и И. Гмелина он заехал к ним в Енисейск и получил предписание отправиться на Камчатку, где должен был вместе со студентом С. Крашенинниковым завершить описание полуострова.

Стеллер охотно согласился и начал готовить и обустраивать экспедицию. Официальная переписка Стеллера (его промемории, рапорты, или репорты, доношения в Иркутскую провинциальную канцелярию, Якутскую воеводскую канцелярию, канцелярию Охотского порта) обнаруживает многие реальные трудности подготовки и проведения Второй Камчатской экспедиции и, следовательно, исследования Сибири и Дальнего Востока. Сколько сил и времени отнимала у Стеллера канцелярская и хозяйственная деятельность: выбивание у местной администрации для себя и других членов отряда положенного денежного и хлебного довольствия, которое постоянно задерживалось на годы, транспорта – подвод, лошадей, плотов, речных судов, даже бумаги для гербариев и записей наблюдений.

Из документов экспедиции:

«В команду мою включен живописец Иоганн Христиан Беркган для рисования, да студент Алексей Горланов для вспоможения мне в чинимых мною наблюдениях, а особливо в географических и до политической истории касающихся исследованиях, а также для переписки с канцеляриями, да бергаур Григорий Самойлов для обыску руд, да стрелок Дмитрий Гиляшев и якуцкий служащий Федот Климовской...

...Понеже в 1737 году отправлен от господ профессоров на Камчатку студент Степан Крашенинников, но в 1739-й и 1740 год Ея Императорского Величества жалованья не получал, и по полученному от него репорту претерпевает он немалую нужду, того ради требую, чтоб соблаговолено было на него отправить жалованье по его окладу... итого сто девяносто восемь рублев.

...Куплено полфунта чернильных орешков, квасцов четыре фунта, 1 450 булавок, сетка для ловли насекомых, слюды для хранения инсектов, порох, свинец, винтовка для стреляния птиц и зверей...

Чтоб по требованию моему даваны мне были работные ремесленные и промышленные люди, и иноземцы, и толмачи для выспрашивания всяких касающихся известиев, а ежели где я водою ехать похочю, то даваны мне были удобные суда, а сухим путем подводы, а на них прогонные деньги без излишества и давали б проводников знающих и чрез опасные места конвой, и принимали б у меня репорты и отсылали, куда надлежит, неудержно».

Что вдохновляло и воодушевляло ученого-путешественника в этих тяжких трудах и заботах? «Незнаемые земли, – писал он, – двояким образом сыскиваются, из которых первое – любопытство, то есть вящее сферы и земли познание, второе – польза, которая наибольше в науках и в торгу состоит, откуда многие в пользу государственную прибыли и доходы бывают». Ключевые слова его писем, служебных документов, полевых дневников – долг, служение, честность, общая польза, справедливость.

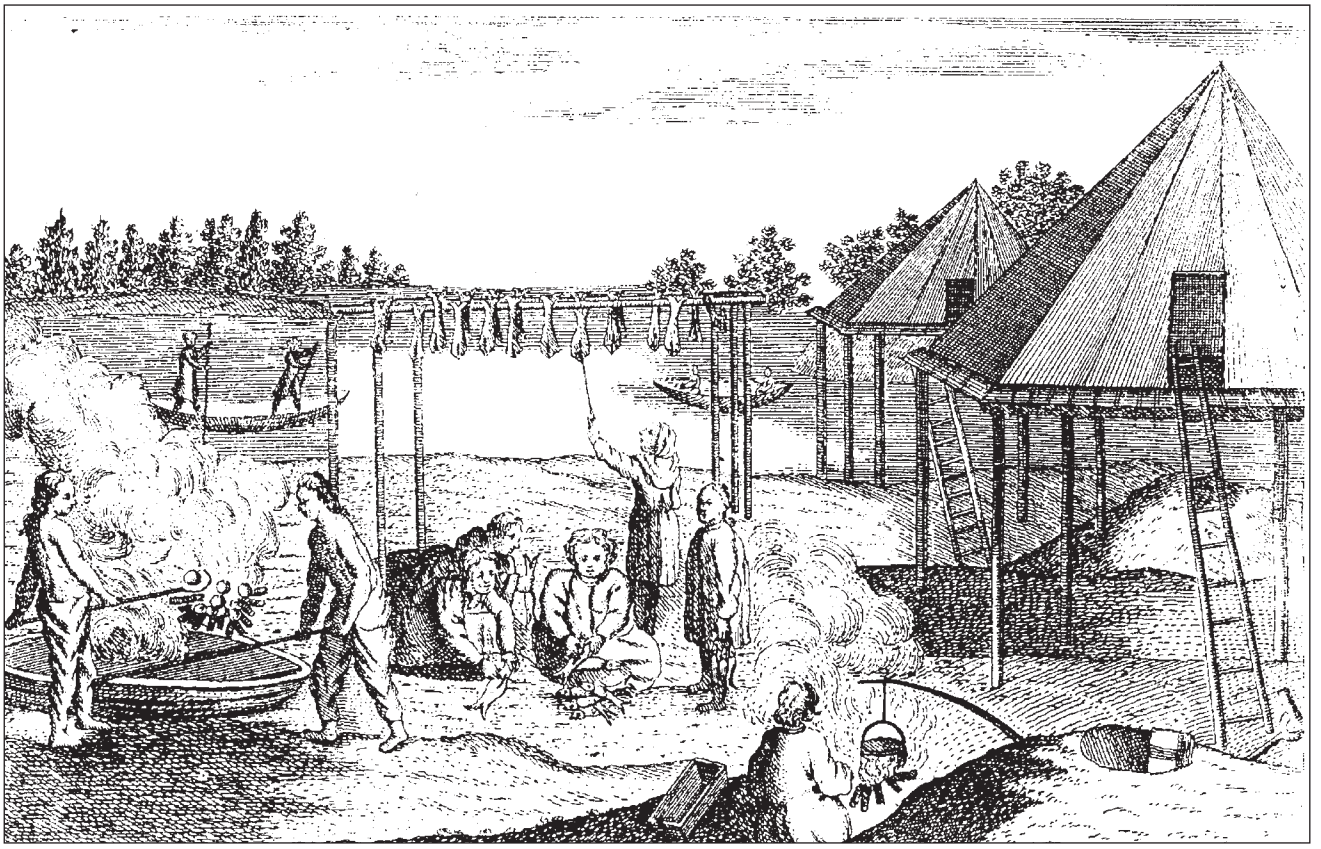
При всей своей «легконравности» Стеллер становился крайне неуступчивым и бескомпромиссным, без страха шел на конфликт с теми, кому формально обязан был подчиняться, но только если дело касалось долга и правды.

В январе 1740 года он получил от И. Гмелина, которому формально, как адъюнкт, должен был подчиняться, такой ордер: «Велено вам ехать не в Охотск, а вниз по Лене; отложить поездку на Камчатку на год и ожидать меня в Якутске, чтобы потом ехать вместе со мной, если мне разрешено будет по состоянию здоровья возвратиться в Петербург».

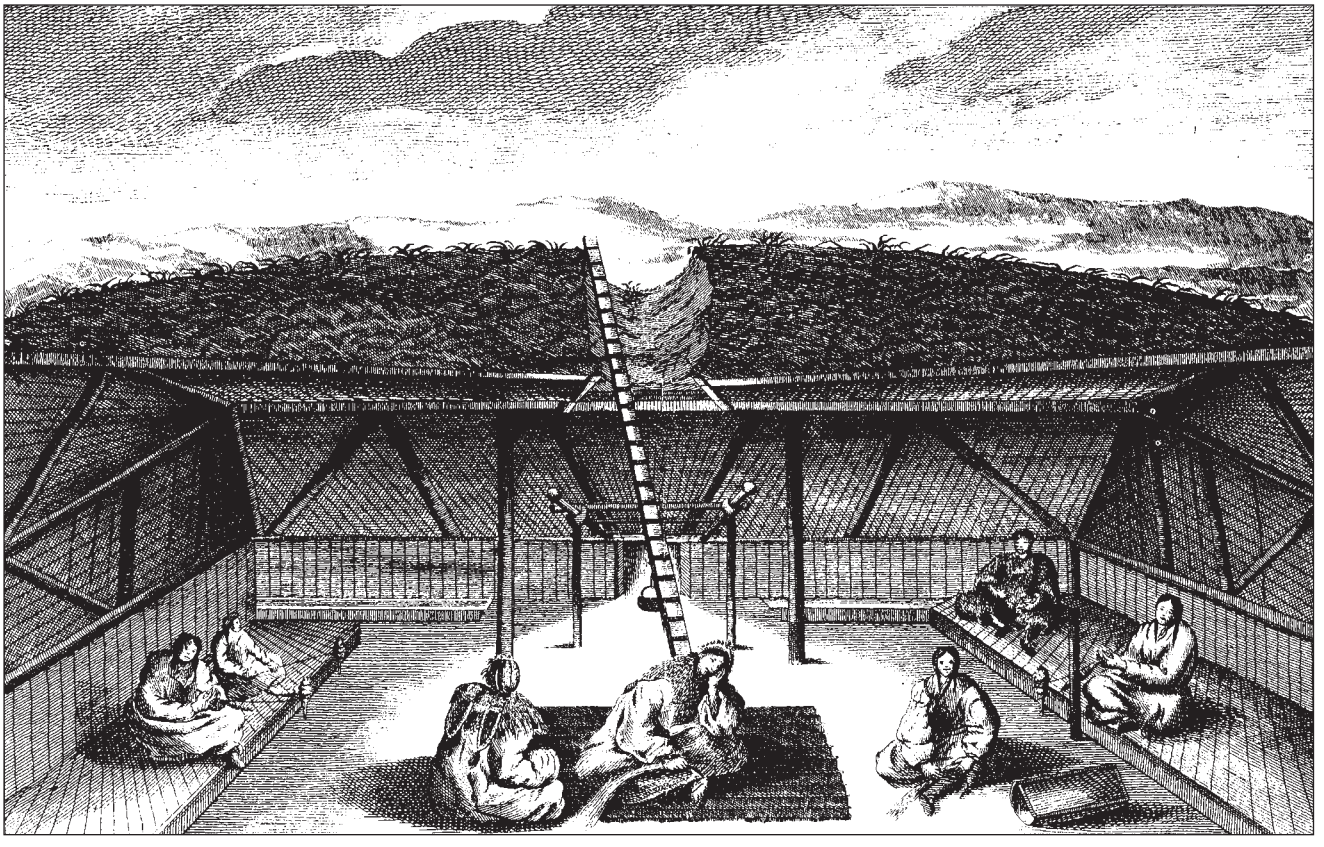
Возмущенный тем, что с его собственными планами и маршрутами профессор не считается, Стеллер не выполнил предписание. «Я подчиненный господина доктора, но не его подданный... и не нуждаюсь в снисхождении, так как имел честь читать публичные лекции в Галле и Виттенберге и без степени, мои успехи в изучении естественных наук признаны Берлинским обществом и соответственным образом аттестованы».

Готовя продовольствие и транспорт для путешествия на Камчатку, Стеллер на год задержался в Иркутске, изучая близлежащие районы – Байкал и Забайкалье. За это время он написал «Иркутскую флору» (она высоко оценивается современными ботаниками) и «Описание города Иркуцка и окрестностей».

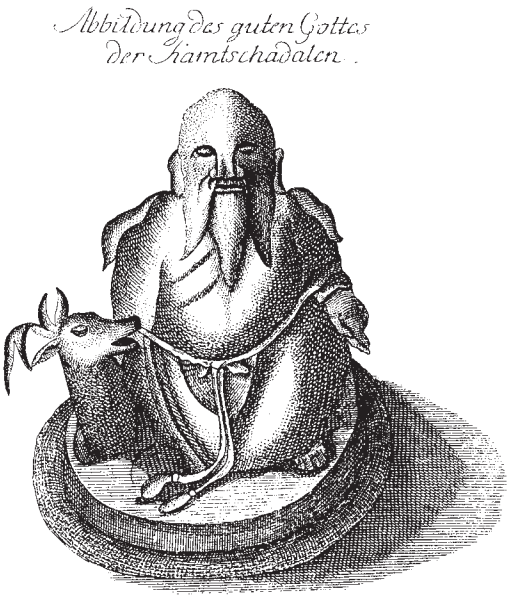
Стеллер обладал редким даром восхищаться талантливыми и трудолюбивыми людьми, кем бы они ни были: крестьянами, казаками, туземцами. Описывая местное население, он выделяет «промышленных», о которых пишет с уважением и симпатией: «Они прибыли сюда из Архангельской провинции и городов Устюг, Вологда, Соль Вычегодская, Арзамас, Ярославль и Рязань. Обосновавшись здесь, они занимаются промыслами. Почти все ремесленники в Иркутске – промышленные. Иногда трудно определить, в Москве или Иркутске выполнена работа золотых и серебряных дел мастеров... Они изготавливают даже математические инструменты – квадранты, астролябии, циркули, – и так умело, что скорее можно было бы предположить, что они сделаны в Англии, нежели в Сибири русскими... Туда же следует добавить портных, не уступающих в своем ремесле петербургским собратьям, сапожников, скульпторов, которые вырезают и расписывают прекраснейшие французские украшения



Камчадальское летнее жилье



Внутреннее строение зимней камчатской юрты



Изображение доброго бога камчадалов

Первое изображение злого бога камчадалов

на зданиях... Промышленные очень трудолюбивы, высоко ценят себя и свои умения. Они содержат, снабжают и охраняют Иркутск, поскольку являются рыбаками, крестьянами, ремесленниками, а по первому знаку становятся хорошими солдатами».

В сентябре 1740 года Стеллер со студентом А. Горлановым и живописцем И. Беркганом уже на Камчатке, в Большерецком остроге, где принял под свою команду С.П. Крашенинникова, послав ему ордер: «Понеже по силе, данной мне от господ профессоров Гмелина и Миллера инструкции велено по приезде моем... принять вас в мою команду и пересмотреть у вас всякие вами с приезду вашего на Камчатку до сих пор чиненные наблюдения и исследования по данной вам от оных господ профессоров инструкции и письменным наставлениям; которые мне сомнительны покажутся ваши наблюдения, те исправить, чтоб никакого сомнения не осталось». «Господин студент» Крашенинников исполнил то, что ему предписывалось инструкцией. В рукописях Стеллера сохранились его бумаги – «Латинские обсервации до истории натуральной касающиеся, чиненные на 24 листах» и «Русское географическое описание Камчатки и других мест... на 33 листах». Много позже этот факт стал причиной обвинения Стеллера в том, что он, «нарушив научную этику», «лишил Крашенинникова результатов его научного труда», «заимствовал для своей книги структуру студенческого отчета».

Но все материалы экспедиции переписывались и копировались по нескольку раз. А главное – достаточно ознакомиться с ее документами (в частности, указами Сената и инструкциями академии), как обнаруживается мифологичность подобных выводов. Вся корреспонденция и материалы академического отряда (наблюдения, описания, доношения, частные письма, коллекции) в обязательном порядке отправлялись в Сенат, а потом в академию. Этому правилу строго следовали и профессора, и адъюнкты, и студенты.

И. Гмелин и Г. Миллер, в свою очередь, требовали от Стеллера и Крашенинникова: «Вам репортовать к нам немедленно о всем, что при вас чинилось, не только об обсервациях, рисунках и вещах, но и всем, что до пути вашего касается, и мимо нас ничего не высылать». С. Крашенинников отправил пятнадцать рапортов, в которых были и наблюдения, переданные для редакции Стеллеру.

Из доношения И. Гмелина в Сенат 8 июня 1740 года: «Получены мною посланные из Камчатки два репорта студента Крашенинникова – осьмой да девятый... А из вышеписанных репортов все, что на русском языке, по снимании с того, что до моих исследований касается, копиев отослано от меня к г-ну профессору Миллеру для репортования в Высокоправительствующий Сенат».

На Камчатке в начале 1741 года капитан-командор В. Беринг пригласил Стеллера в «морской вояж» к Америке в качестве натуралиста и «для сыскания металлов и минералов». Стеллер охотно согласился. С самого начала плавания между ним и офицерами пакетбота «Святой Петр», на котором он находился вместе с Берингом, сложились неприязненные отношения. Почему? В «Дневнике плавания с Берингом к берегам Америки» Стеллер объясняет: «Они грубо и саркастически отвергали все предположения и предложения, как бы обоснованны и своев-

ременны они ни были. Офицеры воображали, что имеют дело со служилыми и несчастными арестантами... Всем нам было сказано: «Вы ничего не понимаете. В конце концов, вы – не моряки». Все это время мы постоянно видели признаки того, что идем вдоль суши; я советовал повернуть на север, чтобы мы скорее достигли земли. Но, как и другие офицеры, капитан-командор считал постыдным и смешным принимать от меня совет... При таких условиях мы достигли земли через 6 недель после отплытия из Авачи, хотя легко могли бы достичь ее за 3–4 дня».

Когда наконец был обнаружен остров Каяк близ американского побережья, Беринг, которого уже тревожило обратное возвращение, не разрешил Стеллеру отправиться на берег. Натуралист возмутился: «Все были единодушны лишь в одном: нам следует набрать пресной воды. Поэтому я заметил: «Мы пришли сюда лишь для того, чтобы увезти американскую воду в Азию». Я попросил послать и меня, на просьбу последовал отказ, и сначала была сделана попытка запугать меня ужасными рассказами об убийствах. Но я ответил, что никогда не вел себя как женщина и не вижу причин, по которым мне нельзя разрешить сойти на берег. Попасть туда – означало, в конечном счете, следовать своей основной задаче, профессии и долгу. До сих пор я преданно служил Ее Величеству в соответствии со своими способностями и стремился сохранить за собой честь такой службы еще на много лет. Я заявил, что если по причинам, противоречащим цели экспедиции, я не смогу высадиться, то сообщу о таком поведении в выражениях, которых оно заслуживает.

Тогда меня назвали диким человеком, которого не удержать от работы, даже угостив шоколадом, который как раз в это время готовили. Когда я понял, что против своей воли буду принужден к непростительному пренебрежению долгом, я оставил все уважение и обратился с особой мольбой, которая немедленно смягчила капитана-командора, и он позволил мне отправиться с доставщиками воды».

За шесть отпущенных Берингом часов Стеллер описал более ста шестидесяти видов растений, многих животных, собрал предметы аборигенной культуры жителей острова, которые скрылись при виде пришельцев.

Страшные и трагические обстоятельства обратного плавания Стеллер зафиксировал с документальной точностью: «Каждое мгновение мы ожидали, что наше судно потерпит крушение. Невозможно было ни сидеть, ни лежать, ни стоять. Никто не мог оставаться на своем посту, и мы находились во власти Божьей во всякий миг, когда небеса пожелали бы взять нас. Половина наших людей лежали больные и слабые, а вторая половина совершенно обезумела от ужасающих волн и качки судна... К тому же мы не могли готовить пищу, а холодного у нас ничего не было, кроме подгоревших сухарей, которые тоже подходили к концу. В такой ситуации ни в ком нельзя было найти ни мужества, ни помощи... Пусть никто не думает, что опасности этой ситуации преувеличены».

В конце концов экипажу «Святого Петра» удалось высадиться на безлюдный и безлесный остров, названный позже именем Беринга. Через три недели буря сорвала пакетбот с якоря, и он, сев на мель, пришел в совершенную непригодность. В землянках, сооруженных среди песчаных береговых валов, остаткам команды пришлось зимовать. В земле острова Беринга навечно остались четырнадцать человек, в том числе и сам капитан-командор. В том, что остальные выжили и вернулись, немалая заслуга Стеллера. Как и всем, ему приходилось быть сапожником, портным, плотником, мясником и поваром. Он ухаживал за больными, разыскав на скалистом острове целую аптеку. «С приближением весны у нас появилось много съедобных и вкусных растений и кореньев; употребление их давало разнообразие и лекарство нашим истощенным телам. Прежде всего, среди них была камчатская сладкая трава, клубни камчатской лилии-сараны, корни дикого сельдерея. Кроме того, мы ели листья медуницы, побеги кипрея, корни горца. Вместо чер-

Камчатский шаман. Художник Иоганн Готлиб Георг

ного чая мы приготовляли настой из листьев брусники, а вместо зеленого чая – из листьев грушанки, а позднее – вероники. Для салата мы использовали ложечную траву, веронику и сердечник».

Он помогал людям и своим веселым открытым характером, и мужеством. «Следующими словами ободрил я своего больного и слабого казака, с чего началась наша будущая дружба, потому что он считал меня причиной своих злоключений и упрекал за мое любопытство, которое и ввергло меня в эти невзгоды. «Крепись! – сказал я. – Бог поможет нам. Даже если это не наша земля, у нас по-прежнему есть надежда туда вернуться. От голода ты не умрешь. Если ты не сможешь работать и служить мне, я буду служить тебе. Я знаю твое честное сердце и помню, что ты для меня сделал. Все, что у меня есть – твое...» Но он отвечал: «Не надо. Я с радостью буду служить вашей милости. Но вы ввергли меня в эти невзгоды. Кто заставлял вас идти с этими людьми. Разве не могли вы благополучно жить на Большой реке?»

Я от всего сердца посмеялся над его прямотой и сказал: «Благодаря Богу мы оба живы. Если я и вверг тебя в невзгоды, то в моем лице ты нашел верного товарища и покровителя. У меня добрые намерения, Фома. Пусть будут добрыми и твои».

До последнего часа заботился Стеллер об умирающем капитане-командоре.

«Он, несомненно, был бы жив, если бы достиг Камчатки и получил теплую комнату и свежую пищу. Теперь же он умер скорее от голода, холода, жажды, паразитов и горя, чем от болезни.

Как бы ни было больно наблюдать его уход из жизни, его самообладание, серьезные приготовления к смерти и сам его избавительный конец, который наступил, пока он еще полностью владел разумом и речью, достойны восхищения.

Хотя он знал, что открыл неизвестную землю, которая станет его могилой, он, тем не менее, не желал еще более лишать мужества других, сообщая им об этом раньше времени; было видно, что теперь его волнует только благополучие команды и не заботит собственная жизнь. Он ничего не желал более, чем нашего отплытия с этой земли и, от всего сердца, собственного полного избавления от страданий. Возможно, он не нашел бы лучшего места, чтобы подготовить себя к вечности, чем его смертное ложе под открытым небом.

Мы похоронили его тело на следующий день рядом с нашим пристанищем по обряду, принятому нашей церковью. Там он и лежит между своим адъюнктом, комиссаром и гренадерами. При отплытии мы поставили деревянный крест, чтобы отметить его могилу, который, по обычаю русских в Сибири, в то же время является знаком новой земли, ставшей владением Русской империи».

Надежда на возвращение на Камчатку временами покидала Стеллера: «Я был один, под открытым небом, должен был сидеть на земле; мне мешали холод, дождь, снег и часто беспокоили песцы; у меня не было нужных инструментов, и притом я не был уверен, что моя работа когда-нибудь станет известной и принесет пользу». Работа – это его научные исследования. Он собрал на острове несколько коллекций, гербарий из двухсот восемнадцати видов растений, из которых пятьдесят одно – новые или мало известные, открыл несколько редких видов птиц и животных. Стеллер – единственный натуралист, наблюдавший в естественных условиях морскую корову (в научном обиходе – стеллерову корову).

Менее чем за тридцать лет «капустник» был истреблен. Сохранилось только несколько скелетов в музеях, зарисовка живописца. Ф. Плениснера да описание Стеллера.

«Самые крупные из этих животных имеют от четырех до пяти саженей в длину и три с половиной сажени в толщину. Сверху до пупа они схожи с сухопутными животными; от него до хвоста – с рыбой. Череп нисколько не отличается от лошадиного, но когда еще покрыт шкурой и мясом, то напоминает голову буйвола, особенно губами.

На месте зубов у него во рту широкие кости, со множеством борозд и гребней, с помощью которых они перетирают водоросли, свою обычную пищу... Глаза животного, не имеющие век, не больше глаз овцы... Голова соединяется с туловищем короткой и неразличимой шеей.

Ниже, на груди, можно рассмотреть две примечательные вещи. Во-первых, ноги имеют окончания, напоминающие лошадиные копыта... С помощью передних ног оно плавает, обрывает водоросли со скал на дне...

Вторая любопытная вещь находится под этими передними ногами, а именно, груди с черными морщинистыми сосками в два дюйма длиной... которые дают огромное количество молока, по вкусу, содержанию жира и сладости оно превосходит молоко сухопутных животных».

Охота на этих малоподвижных животных, которые паслись на морских отмелях и совершенно не боялись людей, была предельно проста, а главное, их жир и мясо были не только питательны, но и целебны. «Было очевидно, что все, кто ел его, испытывали ощутимое прибавление сил и здоровья. Это особенно было заметно у некоторых матросов, которые до сих пор не могли выздороветь. Этим завершились все сомнения относительно того, какой провиант нам следует взять с собой в плавание; с помощью морских животных Богу было угодно укрепить нас, потерпевших бедствие от моря».

Построив из остатков пакетбота новое небольшое судно, участники экспедиции в августе 1742 года возвратились на Камчатку. Стеллер из Петропавловска вместе с казаком Фомой Лепехиным (он был с ним в морском вояже) идет пешком в Большерецк, «к своим». Это камчатская группа академического отряда: студент А. Горланов, живописец И. Беркган, служилые Данилов, Антонов, О. Аргунов.

В отсутствие адъюнкта студент А. Горланов продолжал исследования, следуя его инструкции: «Велено мне быть в той Петропавловской гавани и собирать растущие травы и прочее, написать вокабуляриум в дополнение студента господина Крашенинникова, выспрашивать о нравах и обычаях камчадалов и прочих живущих в здешних краях народов, и что еще студентом, господином Крашенинниковым, не исполнено, то велено исполнить».

Сам ученый-путешественник, сожалея, что вернулся из плавания с Берингом, как он полагал, «с немногочисленными результатами и полезными открытиями», до своего отъезда с Камчатки работает без устали, увлеченно, до самозабвения. Он все время в дороге, в трудах: исходил и объездил весь Камчатский полуостров, побывал практически во всех острогах, неделями жил среди ительменов и коряков, изучая их жизнь и язык, собирал коллекции. Стеллер организовывал исследования и других малоизвестных районов: отправил служилого О. Аргунова на реку Вилюй и предписал собирать камни, травы, птиц, рыб, а также разузнать о народах, живущих там. Начальнику Охотского порта послал рапорт, в котором просил сообщить сведения о Шантарских островах, об истоках реки Уды и расстоянии от ее устья до устья Амура, об Амурском лимане, о народах, живущих в тех местах. Такая «промемория» была составлена и отправлена Стеллеру. В Большерецке он открыл на свои средства школу, сам преподавал в ней, пока не нашел хорошего учителя.

Будто предчувствуя, что жизни ему отпущено всего четыре года, он приводит в порядок свои путевые дневники, составляет каталоги растений, много пишет и практически заканчивает свою главную книгу – «Описание земли Камчатки». Самое ценное и интересное в этой за-

мечательной работе – уникальные сведения о культуре и образе жизни ительменов, этого странного, ни на кого из ближайших соседей не похожего народа, предки которого «в древности жили за Амуром, в Мунгалии».

Коренные жители Камчатки, описанные Стеллером, не жалкие, грубые дикари, не идеализированные дети природы, а реальные люди. Пребывая в естественном состоянии, «они не знают никакой культуры духа и морали». Но при всей своей ограниченности и непросвещенности ительмены вызывают уважение и восхищение ученого.

«Что касается обычаев ительменов с древних времен, то они все свое старание направляют на то, чтобы жить в своей бедности всегда веселыми и вполне довольными. Работают они ровно столько, сколько требуется, чтобы прокормить себя и семью. Если они имеют достаточно пищи, то уже больше ничего не ловят и не собирают, даже если бы рыба сама шла им в руки, а лесные звери подошли бы к самому их жилищу. Корыстолюбие и страсть к собственности совершенно им чужды…

...Они ходят друг к другу в гости, развлекаясь танцами, пением, комедиями, темы которых – новые нравы, манеры чужеземцев или забавные истории и приключения самих ительменов...

...Этот веселый народ умеет сочинять песни на все случаи жизни и благодаря своим музыкальным способностям имеет такие прекрасные мелодии, что приходится только удивляться. Их напевы очень певучи, хотя песни не блещут богатством содержания. Они поют о необычных предметах или о бабочке, летучей мыши, сравнивая их с предметом любви. И текст, и мелодия обычно сочиняются женщинами и девушками».

Веками, приспосабливаясь к природным (часто экстремальным) условиям жизни, ительмены создали удивительно удобные жилища, одежду, а их нарты с собачьей упряжкой «сделаны так разумно, согласно правилам механики, что лучше бы не сделали ни Архимед, ни Христиан Вольф...

...А знание растений, семян и кореньев у них так велико, что удивляться надобно. Камчадалы знают все особенности растений, знают, где они растут, когда и как их собирать. Они умеют употреблять растения для лечения, а камчадалки заготавливают для всевозможных целей до ста различных растений».

Простая и легкая рыбная пища, очищающая кровь, по мнению Стеллера, – главная причина того, что ительмены – очень здоровый народ. «Они пьют много холодной воды, охотно едят снег и лед и никогда при этом не простужаются. Бегают быстрее всех известных народов и не знают одышки. О зубной боли ительмены вообще ничего не знают. Цинга легко излечивается рыбой, диким чесноком, луковицами лилии-сараны. Очень многие доживают до 70–80 лет, не теряют работоспособности и памяти».

В «Описании земли Камчатки» немало ярких живописных картин жизни и характеров ительменов. Вот проводник, в чьей собачьей упряжке едет Стеллер. Он не разводит огонь, чтобы сварить пищу или согреться, – подобно своим собакам, этот ительмен ест только сушеную рыбу. На самом жестоком морозе, натянув на себя кухлянку, опираясь на камни, он сидит в снегу, как птица, и сладко спит. И возможно, кухлянку он приобрел хитростью. Сказал соседу: «Сегодня мне снилось, что я спал в твоей кухлянке». И тот сразу же отдал ему свою одежду, так как твердо верит снам.

А это ительмен, поющий о своем горе: «Я потерял жену свою и душу; печальный, пойду в лес, стану сдирать кору с деревьев и есть, а потом встану рано утром, погоню утку аангичь с земли на море, буду смотреть по сторонам, нет ли где моей милой».

А потрясающий древний танец ительменок! «Женщины и девушки усаживаются в круг, потом одна из них вскакивает и выходит из круга; запевает песню, размахивая плеткой из травы, привязанной к средним пальцам обеих рук, и быстро кружится, причем все ее тело дрожит, точно в лихорадке. Ловкость ее движений поразительна и не поддается описанию. Она кричит голосами различных зверей и птиц так хитро, что в одном голосе три разных слышится».

В августе 1744 года, узнав о завершении Второй Камчатской экспедиции, Стеллер через Охотск и Якутск выехал в столицу. С собой он вез рукописи и шестнадцать ящиков с гербариями и коллекциями. Но вернуться в Петербург ему не было суждено.

Судьба – это характер. Некоторая «самодержавность» Стеллера, строптивость, горячность, обостренное чувство справедливости стали причиной его сибирских злоключений. Ученого называли «адвокатом ительменов». В Иркутске он оказался под следствием. Еще в Большерецке Стеллер освободил нескольких арестованных ительменов и сообщил в Сенат, что мичман Хмелевский, державший их под стражей, не исполняет правительственных распоряжений и притесняет туземцев. Мичман не остался в долгу и послал в тот же Сенат свое доношение о том, что Стеллер самочинно освободил бунтовщиков и даже снабдил их оружием, что было неправдой. В Иркутск был послан правительственный указ, чтобы Стеллер был допрошен «по всей строгости».

Вообще в то время, по определению историка В.О. Ключевского, «донос был самым могучим охранителем права и порядка: доноситель доносил на приказного, другой доноситель доносил на доносчика губернаторам, третий на этих самых губернаторов высшим персонам, пока за правдивое доношение не бывал награждаем милостивым государевым жалованьем, а за неправдивое – не клал голову на плаху». Строптивого ученого не наградили и не наказали. Он был вызван в канцелярию вице-губернатора, сумел оправдаться, и ему было разрешено ехать дальше.

Но движение Стеллера в столицу замедлилось и его собственной волей, и обстоятельствами. В апреле 1746 года он уже за Уралом, в Соликамске, в доме Г. Демидова, баснословно богатого человека, образованного ботаника, собирателя растений. Стеллер, задержавшись здесь на несколько месяцев, принимает приглашение Демидова совершить путешествие по Каме и Уралу. Это его самое лучшее лето с давних пор: без всяких лишений, без забот о пропитании, о лошадях, вместе с внимательным собеседником, которого ему так недоставало в Сибири и на Камчатке. Он не знает, что это его последнее лето.

Когда в середине августа Стеллер возвратился в Соликамск, его ожидал курьер Сената с предписанием «безотлагательно сопроводить его в Иркутск». Известие об оправдании ученого еще не дошло до столицы, и там

решили, что он скрылся от следствия. Недоумевающий и растерянный Стеллер отдает рукописи возвращающемуся из Сибири адъюнкту П. Фишеру (свой багаж он еще раньше отправил в Петербург), пишет о своем аресте в академию, отдает в ботанический сад Демидова восемьдесят живых растений, которые в горшочках вез из Сибири, и садится в телегу. Снова путь на восток.

В Таре его нагнал другой курьер с распоряжением Сената – освободить Стеллера. Нужные бумаги получены, недоразумение в конце концов разъяснилось. Стеллер торопится в Петербург, но доехал только до Тюмени: поздняя осень, сибирские холода, у него началась горячка. А главное – этого мужественного человека как будто покинула свойственная ему душевная стойкость. Он говорит всем, что ему не хочется жить: научная карьера не задалась, ни одного печатного труда, будущее туманно.

Его беспокоила и затянувшаяся ссора с женой. Бригитте-Хелене в Москве не хватало денег, пересылаемых мужем (300 из 600 рублей его годового жалованья), и она требовала большей суммы. Но Стеллер не соглашался: жизнь в Сибири очень дорога. Бригитта подала прошение в академию, и еще в январе 1740 года Стеллер получил решение канцелярии: «Послана в Сибирский приказ промемория выдавать ей из оного приказа по 200 рублей его жалованья». После такого выяснения отношений Стеллер писал жене очень редко и ничего не знал о ее жизни.

Мрачный пессимизм исследователя имел и более серьезные, объективные причины. Гвардейский переворот 1741 года возвел на престол императрицу Елизавету Петровну. «С первых же дней ее царствования было видно, что национальное движение будет состоять в возвращении к правилам Петра, и согласно этим правилам должен решаться вопрос об отношении русских к иностранцам, а правило Петра было всем известно: должно пользоваться искусными иноземцами, принимая их на службу, но не давать им предпочтения пред русскими» (С. М. Соловьев).

Вступление на российский престол дочери Петра I сопровождалось бурными проявлениями национального чувства, оскорбленного годами иностранного господства при дворе. Гвардейские офицеры требовали от императрицы изгнания всех немцев из России. Стеллеру из столицы писали о том, что и в академии наук началось движение против немцев. Зачем же ему ехать в Петербург?

Заболевшего путешественника пытались выходить два корабельных лекаря, участника Камчатской экспедиции, но помощь пришла слишком поздно. Георг Вильгельм Стеллер скончался 12 ноября 1746 года. Последнее, что он написал, было завещание: «Так как я очень болен и надежды остаться в живых больше нет, я распоряжаюсь, чтобы все мое имущество после моей смерти было передано жене и дочери».

В Тюмени протестантского кладбища не было, а священник не разрешил похоронить Стеллера рядом с православными могилами. И он нашел последний приют за городом, на крутом берегу Туры. Его тело завернули в дорогую красную мантию с золотыми нашивками. В ту же ночь могила была осквернена, одежда украдена, а тело брошено в снег. Повторно похоронив Стеллера, его друзья поставили на могиле большой камень.

Спустя двадцать четыре года академик П.С. Паллас, первый редактор и издатель «Дневника плавания с Берингом», путешествуя по Сибири, проезжал через Тюмень и отыскал могилу «бессмертного Стеллера». После этого ее потеряли – она была снесена мощным паводком Туры.

Драматична судьба главной научной книги Г.В. Стеллера «Описание земли Камчатки». Она была издана в 1774 году в Германии (на русском языке только в 1999 году сразу в двух редакциях). Еще раньше, в 1755 году, была опубликована работа С.П. Крашенинникова с таким же названием. Спор вокруг этих текстов завязался еще в XVIII веке, не прекратился он и сегодня. В послесловии к последнему (1996) немецкому изданию «Описания» Стеллера доктор Э. Кастен пишет: «Четкие совпадения отдельных частей в произведениях Стеллера и Крашенинникова давали повод для спекуляций, кто использовал чей материал, причем ответить на этот вопрос прямо не представляется возможным».

Действительно, С.П. Крашенинников в своем «Описании» свыше ста раз цитирует или ссылается на Стеллера. Дело в том, что ему были переданы рукописи и «велено было Стеллеровы и собственные камчатские дела приводить в порядок». А в 1751 году Академия наук приняла новое решение: «Понеже профессор Крашенинников был в самой Камчатке и прислал Описание оной в Академию, которое ему ныне надлежит пересмотреть вновь, и те места, о которых покойный адъюнкт Стеллер упоминает, а оного нет в Описании оного Крашенинникова, то их внесть либо в самой текст или сообщить оные в примечаниях с прописанием авторова имени». Фактически было решено не издавать рукопись Стеллера, а Крашенинникову предлагалось из двух текстов создать один. И он вынужден был исполнить «академический ордер», приложив к первому изданию своего «Описания» еще и карту, и рисунки живописца Беркгана из рукописи Стеллера.

Как считает Э. Кастен, решающим аргументом в вопросе о том, являются ли эти работы самостоятельными исследованиями, должен быть стиль текстов (к стилю он относит и философско-культурологические представления авторов). А стиль у Стеллера и Крашенинникова совершенно различен.

Природная стихия разрушила каменный памятник ученому-путешественнику, но другой поток – духовный, культурный, возвращает сегодня читателям и исследователям его «нерукотворный памятник»: экспедиционные отчеты, путевые дневники, неопубликованные статьи. Это стало возможным благодаря масштабному международному проекту «Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов». В его рамках ученые из России, Германии, Дании, США издают и изучают научное наследие участников Второй Камчатской экспедиции, среди которых Георг Вильгельм Стеллер.

Иллюстрации из первого издания книги Георга Вильгельма Стеллера «Описание земли Камчатки».
Франкфурт, Лейпциг, 1777.
Гравюры сделаны в основном по рисункам художника И.Х. Берхмана, который вместе с Г.С. Стеллером прибыл на Камчатку в 1740 году.
Иллюстрации также взяты из книги С.П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки». Санкт-Петербург, «Наука», 1994; Петропавловск-Камчатский, «Камшат», 1994.

Камчадалка с детьми

Камчадалы, достающие огонь из дерева

Ф.Ф. Баганянц. Вид Хабаровки. 1866

Записки о «розовом городе»

Каким видели дореволюционный Хабаровск путешественники

Татьяна КИРПИЧЕНКО

В 2013 году Хабаровску исполнилось 155 лет. За полтора века наш город прошел путь от небольшого военного поселения Хабаровка на далекой окраине Российской империи до крупного административного центра – столицы Дальневосточного округа Российской Федерации. Представление о том, как выглядел город на заре своего строительства, как он рос и развивался, дают старинные фотографии из альбомов с видами Хабаровска, которые хранятся в Дальневосточной государственной научной библиотеке (ДВГНБ). Существуют также многочисленные письменные свидетельства – воспоминания путешественников и исследователей XIX – начала XX века, посетивших наш город в разные годы, путевые дневники писателей, побывавших на далекой окраине России, деловые заметки чиновников и военных, приезжавших сюда по служебным делам.

Сегодня мы можем увидеть город их глазами, перелистав страницы старых книг, которые давно стали библиографической редкостью и большей частью никогда не переиздавались.

Первое описание места будущего Хабаровска мы находим в книге М.И. Венюкова. ***Михаил Иванович Венюков*** *(1832–1901)* – ученый-географ, путешественник в свите генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева, в 1858 году побывал на берегах Амура, участвовал в подписании Айгунского трактата и закладке селения Хабаровка. Последние 24 года жизни он провел в эмиграции, где написал и издал в Амстердаме в 1895 году три книги своих воспоминаний.

В первом томе в главе «Восточная Сибирь и Амур» М.И. Венюков пишет: «Станица Корсакова едва зарождалась; зато Хабаровка, поставленная на превосходном, возвышенном берегу Амура и Уссури, при окончательном их слиянии, представляла утешительный вид.[1] Здесь работы, под управлением того же Дьяченки, который в прошлом году строил ст. Кумарскую, шли очень успешно, и возникали не только дома, но лавки с товарами, даже, если не ошибаюсь, заложена была небольшая церковь или часовня на пригорке, видном издалека. Купцы своим коммерческим чутьем поняли, что тут в будущем предстояло возникнуть большому торговому городу, и если он долго не возникал, то вот, например, какие обстоятельства мешали тому. Гораздо позднее основания Хабаровки, в 1870-х годах, возникла мысль устроить в ней местопребывание губернатора

[1] Здесь и далее авторы книг Амурскую протоку, которая сливается с Амуром у Хабаровска (Хабаровки), часто ошибочно именуют рекой Уссури. (Примеч. авт.).

Вид на утес и памятник Н.Н. Муравьеву-Амурскому

всего Амурского края, причем Благовещенск остался бы уездным городом по крайней мере до того времени, пока население Амурского края не увеличится настолько, чтобы стоило сделать из него две области. При этом, конечно, губернатору из Благовещенска, где у него есть хороший дом, пришлось бы переехать в Хабаровку, на первое время – в помещение более тесное; пришлось бы и удалиться от Иркутска, где жил нареченный тесть губернатора Оффенберга, генерал-губернатор Фридрихс. Спросили из Петербурга мнение последнего и что получили в ответ? – «Хабаровка неудобна; она лежит на болоте, отличается нездоровостью» и т.п. – Мне случилось читать этот любопытный ответ, и я не знал, как он мог быть дан вопреки очевидности, – потому что Хабаровка лежит на откосе высокой горы и есть одна из лучших по местности колоний Амурского края, – и какая цель могла быть при составлении? Только случайно, узнав семейные обстоятельства, на которые сейчас указал, я понял, почему хребет Хехцыр официально обратился в болото... Что же такое нужды государственные перед семейными некоторых особ» [1, с. 255] [2].

Книги воспоминаний М.И. Венюкова прибыли в Николаевскую публичную библиотеку Хабаровска (ныне Дальневосточная государственная научная библиотека) из Парижа в 1907 году в составе книжного собрания, завещанного Венюковым городу, при закладке которого он присутствовал в 1858 году.

Через два года после закладки Хабаровки в этих краях побывал известный русский путешественник, писатель, исследователь-этнограф, знаток русского быта ***Сергей Васильевич Максимов*** *(1831–1901)*. По поручению Морского ведомства в 1860–1861 годах С.В. Максимов совершил путешествие на Дальний Восток для изучения Приамурья и некоторых северных территорий края. Путешествие это повлекло ряд статей, а затем легло в основу книги «На Востоке». Третья глава этой книги называется «На Амуре. Первые путевые впечатления». В разделе «От Хабаровки до Николаевска» автор отдает должное тому месту, которое было выбрано для постройки селения.

«Около той скалы и по ее отклонам, или прикрутостям уссурийского берега, выстроилось новое казенное селение, носящее имя первого храброго завоевателя Амурского края Хабарова.

Застроенная исключительно домами баталионного штаба (в виде крупных казарм и мелких домов для семейных), Хабаровка с реки поражает замечательною оригинальностью постройки и самого вида. Благодаря естественному строению Хабаровской горы, разбившейся на две – на три террасы, и отчасти предусмотрительности строителей, Хабаровка выстроена именно таким образом, что ни одно строение ее, как бы оно ничтожно и некрасиво ни было, не прячется от глаз, не скрывается одно за другим. При сравнительно малом числе строений Хабаровка кажется при выезде с Амура большим, людным и хорошо обстроенным селением. Дома Амурской компании, застроен-

[2] В цитатах частично сохранена орфография и пунктуация оригинала.

ные поодаль за оврагом на отдельной прикрутости (по направлению к Уссури), в общем виде Хабаровского селения играют не последнюю роль и в свою очередь значительно дополняют своеобразность этого ландшафта. Лишь только проезжий очутится на берегу, стук топора и визг пилы преследует его с утра до вечера, везде: и на том краю, где выстроились в два ряда длинные казармы, и на другом *фланге* (как привыкли выражаться в Хабаровке), где опять идут казармы, несколько землянок и овраг с пересыхающим ручьем, за которым на горе и в не вырубленном еще лесу поместились строения Амурской компании. Между домами кое-где огороды, во многих местах убраны свежие пни богатых и некогда рослых деревьев и, благодаря распорядительности начальства, с одного конца селения до другого (на расстоянии двух верст) проведена гладкая дорога, род шоссе. Шоссе это, воспользовавшись разлогами скал, спускается на берег Амура, ниже скалы, разделяющей воды двух рек, и оканчивается там, где выстроены госпитальные здания. Лес на этой скале остался в целости, невырубленным; прочищены между деревьями дорожки и убран валежник, вследствие чего первобытное лесное место превратилось в довольно большой и красивый сад. С одного пункта этого сада, с одной площадки его, видна вся затейливая и хитро обдуманная постройка Хабаровки, видна Уссури с двумя песчаными отмелями, с низменным огромным островом, дальным высоким хребтом Хохцыра (*Хехцир – Т. К.*), виден прямо перед глазами широкий Амур, огибающий огромную низменность, ушедшую в бесконечную даль к станицам Новгородской, Спасской и Луговой[3]. Вторая, расчищенная в саду площадка выводит наблюдателя уже прямо на Амур и показывает ему то место, где обе реки сошлись в одно русло и только подле самого берега, под ногами, вода Уссури быстротой течения оспаривает свое место и право у спокойного, торжественного течения желтоватой воды амурской. Прямо перед глазами тянется еще во всей своей неоглядной красоте зеленая степь низменного левого амурского берега; правее и дальше выплывают амурские острова, и еще правее, по правому берегу Амура, потянулись уже вековые густые леса, наполненные дубами, лиственницей, буком, орешником, и проч. На этот раз правый берег Амура – русский берег, нераздельно с левым, принадлежащий по правительственному разделению – как известно – к Приморской области Восточной Сибири.

Во всяком случае Хабаровку должны мы отнести к числу лучших, красивейших мест по всему долгому течению Амура, и готовы пожалуй признать за нею все выгоды и преимущества для того, чтобы селению этому со временем превратиться в город. Действительно лучшего места для города выбрать трудно и вероятно город и будет тут, если изменятся настоящие условия амурских заселений и если будущее Амура будет счастливее его настоящего» [2, с. 238].

Побывал на Амуре и князь ***Петр Алексеевич Кропоткин*** *(1842–1921)* – теоретик анархизма, автор «Записок революционера». В 1862 году окончив Пажеский корпус, он записался в Амурское казачье войско, решив дилемму – университет или Сибирь. «Новоприсоединенный Амурский край, с могучей еще не исследованной природой, дразнил в нем инстинкты путешественника. Сибирь грезилась ему безграничным полем для цивилизаторской работы». Выехав 24 июня 1862 года из Петербурга, Кропоткин сразу сделал первую запись в «Дневнике», который вел в течение всего путешествия. В нем он подробно описал даже самые незначительные, на первый взгляд, события, рассказал о встречах с заинтересовавшими его людьми. В ДВГНБ хранится экземпляр «Дневника» П.А. Кропоткина, изданного в 1923 году.

Через год, добравшись наконец до Амура, он делает запись в «Дневнике», где описывает некоторые бытовые подробности повседневной жизни жителей селения. «Пришли мы в Хабаровку только 2 августа [1863 года]. Хабаровка расположилась на высоком, очень крутом берегу, – нужно было делать лестницы, чтоб подниматься. Здесь стоит 3-й лин. батальон и недавно пришел 1-й. От этого Хабаровка очень заселилась, – много строений, казармы, дома офицеров и, наконец, особая улица Купеческая с красивыми домиками и лавками. Нам хотелось отпустить Осипа, поэтому не варить обеда и отобедать где-нибудь. Расспросили, где Юзефович, – уехал; еще кое-кого, – тоже не было. – Пойдем к купцу Чердымову. Скажем ему, что у него обедаем. – Ладно, пошли. Купец Чердымов имеет очень порядочную лавку, хорошо снабженную всякими товарами, и ведет вот такого рода торговлю. Как только станет Амур, он посылает приказчика, который умеет говорить по-китайски и на этих наречиях, на собаках с хлебом (будой), с кое-какими припасами и водкой; тот меняет это на соболей на Уссури. Торговля выгодная, к этому же, так как товары выбраны у него хорошо, то он ведет свои дела очень порядочно и поднялся что-то очень скоро.

Чердымова дома не оказалось, сидели в лавке долго. М. [*Малиновский*] заказал соболей; стали расспрашивать, где, кто, – оказалось, что в Хабаровке есть один знакомый Малиновского – казначей Финкстен. Пошли к нему без всякой церемонии. Я познакомился. Бабст, Дубинский, Дор, потом Аносов. Большая комната, красивая, выбеленная, пианино, – все, одним словом, очень хорошо, чисто; хозяин, аккуратный немец. Живут, как видно, в довольстве; и была бы потребность, могли бы иметь более книг, чем Военный Сборник» [3, с. 135].

Помимо бытовых зарисовок исследователь П.А. Кропоткин описал и окрестности Хабаровки, особенно его заинтересовала богатая дальневосточная растительность. Он пишет: «Там есть утес над очень крутым изгибом Амура. Утес высокий и замечательный по удивительно-разнохарактерной растительности. Это невольно поражает и впоследствии: рядом с осиною, очень рослою и толстою, стоит толстая же береза, белая и изредка черная. Тут же растет орешник, покрытый кистями огромных орехов (грецких), тут же клен, орешник (казанские орехи). Вид с утеса великолепен: волны бьют об утес и шумят внизу, вправо виден Амур огромным прямым плесом, только островки виднеются по краям, влево Уссури, впадающая в Амур, острова, горы на горизонте, Хабаровка, рассыпавшаяся по горе, почерневшая церковь, баржи на рейде. Жаль, что шел дождь,

[3] Тут же, неподалеку от этой беседки, на самом возвышенном месте скалы, уцелел еще до сих пор маленький гольдский храм, род часовни, с чугунным колпаком у дверей, заменявшим для инородцев колокол. В храме этом сохранились еще два деревянных подсвечника и даже уродливый бурхан – идол из дерева, может быть и недавний, судя по свежести березы, может быть, вчера поставленный поклонниками. Все хабаровские гольды выселились несколько пониже, небольшая часть живет в Хабаровке в услужении.

Хабаровка

Вид на порт и лагеря 3-го батальона близ Хабаровска

и не было соответствующего освещения. Весь день мочил нас дождь и ветер дул. [6 августа 1863 г.]». [3, с. 136].

Приамурский край рос, развивался и все больше привлекал к себе внимание людей деловых и предприимчивых. Побывав на Амуре, они составляли свое мнение о возможностях коммерческой деятельности в этих краях. Обобщив эти сведения, староста собрания кяхтинского купечества – крупнейший чайный торговец ***Иван Андреевич Носков*** *(ок. 1810–1876)* в 1865 году издал в Санкт-Петербурге книгу «Амурский край в коммерческом, промышленном и хозяйственном отношениях», где так описал Хабаровку: «Хабаровка населена людьми разных сословий: здесь с самого начала расположился Штаб Линейного № 3-го батальона, выстроено много зданий, казармы для солдат, дома для офицерских квартир, деревянная церковь и лазарет; потом стали селиться торговцы, выстроили несколько домов с торговыми помещениями, большая фактория Амурской Компании и учреждено почтовое отделение. Местность, где стоит Хабаровка, весьма возвышенная, но изрыта оврагами; кругом ее непроходимый лес, почему землю для пашни нужно разрабатывать из-под лесу; покосы заняты по островам и за рекой Амуром, но подвергаются почти ежегодно наводнению. Вообще же Хабаровка будет иметь большое значение, она и теперь занимает такой пункт, в котором уже сосредоточивается торговля, – распространяя некоторым образом свое влияние – вниз и вверх по Амуру, а по Усуре (*Уссури – Т. К.)* до озера Ханкая (*Ханка – Т.К.*) и далее. Здесь образовалось уже пристань и склады для судоходства по Амуру и Усуре» [4, с. 18–19].

С 1867 по 1869 год в Приамурье работал известный русский географ и путешественник ***Николай Михайлович Пржевальский*** *(1839–888)*. Это первое и единственное путешествие Николая Михайловича, маршруты которого лежали вне пределов Центральной Азии. Замечательное по своим результатам, оно сделало имя Пржевальского знаменитым. Во время экспедиции он вел метеорологические наблюдения, собрал громадную коллекцию птиц, семян, гербарий из двух тысяч растений, регулярно заполнял страницы дневника, ставшего основой его книги «Путешествие в Уссурийском крае». Базой экспедиции Н.М. Пржевальского была Хабаровка, которую он описал в дневнике так: «Это селение, живописно раскинувшееся на правом гористом берегу реки, вытянулось, в настоящее время, более чем на версту в длину и имеет 111 домов, в которых, кроме войск, считается 350 человек жителей обоего пола; цифра же солдат бывает различна и колеблется между 150–400 человек, смотря по временам года.

Таким образом, главную массу населения составляют войска; затем следуют купцы, крестьяне, отставные солдаты и китайцы. Последние живут в нескольких фанзах, и число их невелико, но оно значительно увеличивается летом, в июне и в июле, когда китайские торговцы съезжаются сюда с Уссури, ближайших частей Амура и даже с Сунгари, для продажи соболей, получаемых ими от гольдов, орочей и других инородцев Амурского края....

...Товары свои хабаровские купцы получают частию из Николаевска, куда эти товары привозятся на иностранных кораблях, частию же выписывают их из Читы или из Иркутска, реже прямо из Москвы. Торговцы по Уссурийским станицам запасаются товарами уже в Хабаровке.

Все эти товары самого низкого качества, потому что как из России, так и из-за границы стараются сбыть сюда самую дрянь, которая нейдет с рук дома. При том же цены на них непомерные. Уже в Иркутске и Николаевске цены на все, по крайней мере, двойные; затем хабаровские торговцы берут в полтора, или два раза против того, почем они сами покупают; наконец их приказчики или другие мелкие купцы, торгующие по станицам на Уссури, берут опять в полтора или два раза против хабаровских цен... Обращаясь еще раз к самой Хабаровке, следует сказать, что выгодное положение этого селение при слиянии двух громадных водных систем – Амурской и Уссурийской – обещает ему широкое развитие, даже в недалеком будущем» [5, с. 32].

Как складывалась коммерческая жизнь в Хабаровке спустя пять лет, наблюдал чиновник ***Алябьев***. Прослужив восемь лет в Приамурском крае, он собрал обширный материал по истории заселения края и об экономическом состояния его на момент пребывания там. Свой материал он подготовил к печати, заказав для книги рисунки в Париж, а выборочные заметки представил для публикации в журнал «Всемирный путешественник» и поместил в книгу, опубликованную в 1872 году.

В книге «Далекая Россия. Уссурийский край» автор пишет: «Хабаровка, расположенная в устье Уссури, весьма живописно разбросана на горе, поросшей лиственным лесом. Построенная первоначально исключительно в видах военных, она, по своему счастливому положению, с каждым годом развивается все более. Представляя из себя в первое время не более как казарму для военного поста и провиантный магазин, она теперь тянется по берегу на протяжении целой версты и имеет 111 жилых зданий и до 1 000 человек жителей вместе с войсками. В особенности увеличивается прибылое население в два летних месяца: июнь и июль, когда не только с Уссури, но даже с Сунгари прибывают китайцы с купленными от инородцев соболями, для которых Хабаровка главное складочное место. Купцы говорят, что в Хабаровку собирается ежегодно до 20 000 собольих шкурок, цена которой от 5 до 20 серебряных рублей...»

Алябьев приводит некоторые цены на самый ходовой товар, существовавшие в Хабаровке в XIX веке. «Дюжина самых простых костяных пуговиц, стоящая обыкновенно в России не дороже 10 копеек, дойдя до Хабаровки обращается в 45 и 50 коп.; тот курительный табак, за который даже в Иркутске платится 60 коп. за фунт, в Хабаровке продается за 1 р. 20 к., перочинный ножик, красная цена которому в Москве 50 к., в Хабаровке за 60 к., а простое маленькое зеркальце в 10 коп. покупается здесь за 2 р., простая писчая бумага, стоящая не более 2 р. 50 к. за стопу в Москве, – в Хабаровке обращается по цене в веленевую, стоящую 8 р. и дороже. Кто бы хотел пощеголять своею опрятностью, тот бы мог легко разориться на одном мыле, кусок которого, стоящий в Москве 15 к., нельзя достать иначе как за 1 р. 25 к. или 1 р. 40 к. Если выйти на волосок из солдатского бюджета и захотеть полакомиться такими вещами, которые во всяком другом месте России составляют потребность для огромного большинства, то нужно быть уже со средствами, ибо за фунт сахару не угодно ли заплатить 50 к., за фунт пшеничной муки 25 к., за бутылку уксусу 60 к., а за фунт колбасы, которая уже обратилась в какое-то животно-растение, 75 к. Если вы привыкли хотя иногда освещать ваше помеще-

Открытие памятника Н.Н. Муравьеву-Амурскому. 1891

Жители Хабаровска начала XX века

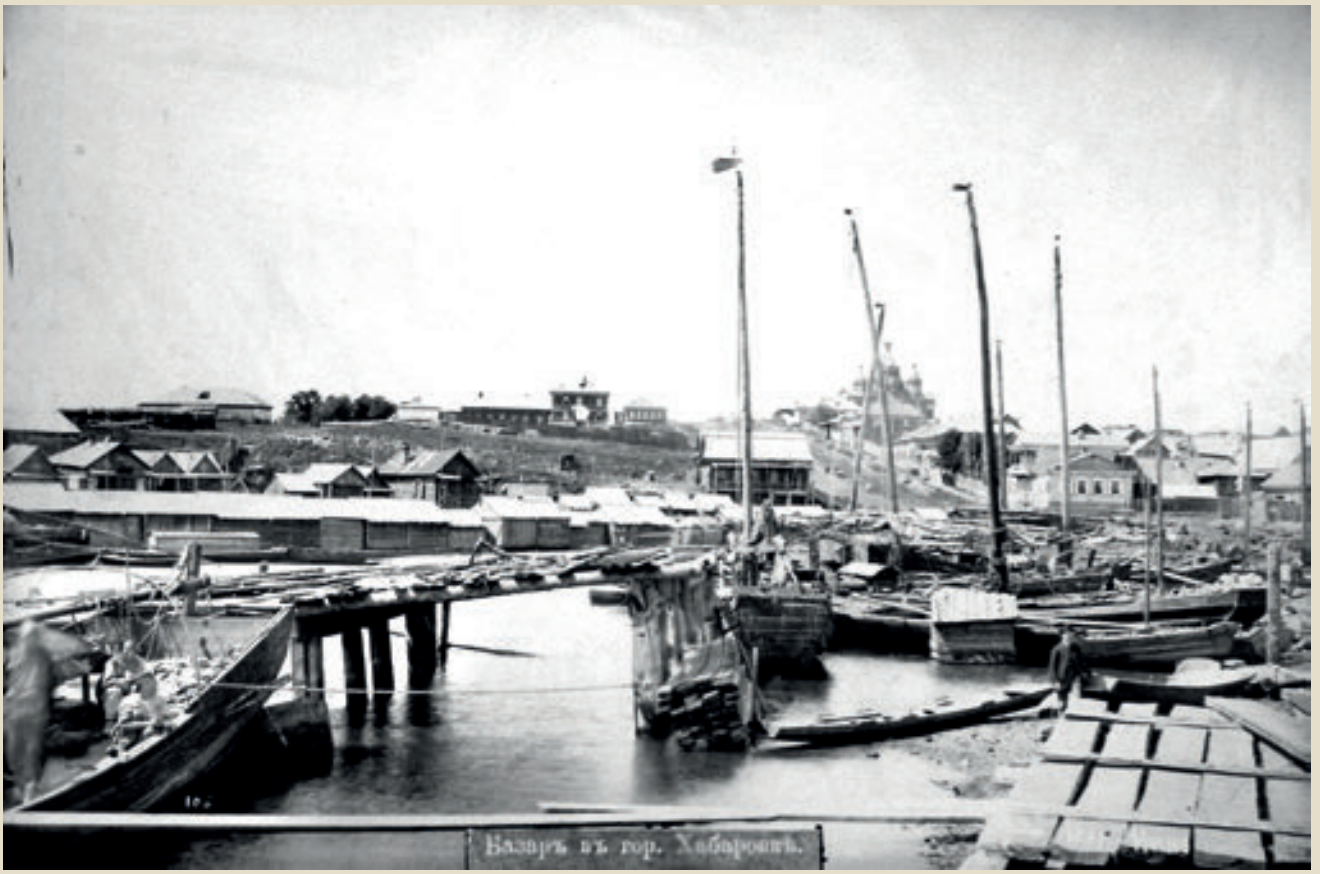
ние, то будете покупать для того сальные свечи и платить за фунт их от 40 до 45 копеек; если вам не нравится этот способ, покупайте стеариновые, которые продаются от 60 до 65 к. за фунт; наконец, если у вас есть керосиновая лампа, то купите бутылку керосина за 80 копеек.

Но не думайте, чтобы это уже были предельные цены; нет, они существуют для тех счастливцев, которые могут жить в столице Уссурийского края – Хабаровке. Но отсюда купцы посылают своих приказчиков по всем жилым местностям, жители которых должны будут оплачивать как содержание этого приказчика, так и все расходы, наконец, сами казаки торговцы, ведущие торговлю по станицам, должны иметь барыши с товаров. Поэтому в Уссурийском крае, кого судьба обречет на жизнь не в столице, а внутри, тот платит за все еще дороже и получает товары еще хуже» [6, с. 19–21] .

В 1880 году в жизни Хабаровки произошло знаменательное событие: она получила статус города, а в 1893 году переименована в Хабаровск. Строительство Транссибирской магистрали значительно оживило процесс миграции населения на Дальний Восток из центральных районов России. Переселенческим процессом в те годы занимались чиновники Министерства внутренних дел России (по переселенческому ведомству). Статский советник этого ведомства ***Владимир Людвигович Кигн*** *(1856–1908)* добился труднейшей командировки в Сибирь по местам, где должна пройти железная дорога. С сентября 1896 по сентябрь 1897 года он изучал условия мест проживания будущих переселенцев. Результатом этого путешествия стала очерковая книга «Панорама Сибири», написанная под литературным псевдонимом Дедлов. Книгу высоко оценили современники автора, в том числе его друзья – писатель А.П. Чехов и художник В.М. Васнецов. В ней присутствует живое описание Хабаровска. Сравнивая его с Благовещенском, автор пишет: «Характер Хабаровска иной. Это пока центр искусственный, административный, нечто вроде молодой столицы края. Стоит город великолепно, на очень высоком скалистом отвесном обрыве к Уссури, впадающей тут же в Амур. Устье Уссури, шириною почти в три версты, представляет собою величественное озеро, окаймленное высокими массивными островерхими горами хребта Хехциря [*Хехцир – Т.К.*], покрытыми лесом. На самом берегу распланирован хороший, уже не молодой парк, с зелеными лужайками и всеми редкостями амурской флоры, от амурской сирени до ореховых, бархатных и даже пальмовидных, но низеньких чертовых деревьев. На выдающемся в Уссури утесе, у подножия которого вода, гонимая водоворотом, течет вспять, на эффектном пирамидальном пьедестале, стоит колоссальная статуя Муравьева-Амурского, того самого, которого министр иностранных дел Нессельроде хотел предать суду за присоединение амурских земель. Сад, монумент, водная поверхность, противоположные горы, картина амурской равнины вправо, удивительные по краскам зори Дальнего Востока – дают прекрасную и величественную декорацию. Здания набережной изящны и красивы. Это маленькие дворцы как извне, так и внутри: дом генерал-губернатора, военное собрание. Изящен и стоящий тут же собор. Остальной город, если не считать квартала монументальных военных складов и казарм, совсем не то, что его официальная часть. В нем всего девять тысяч жителей, деревянные домики очень скромны, в предместьях – обыкновенные избы. К достоинству Хабаровска должно отнести многочисленные садики при домах с теми же амурскими растительными диковинами, что и в общественном саду, с прибавкой фруктовых деревьев средней полосы европейской России. Последние, несмотря на положение города под 48 градусом широты (параллель Каменца-Подольского и Царицына), оказываются тут не вполне выносливыми. Зато Хабаровск имеет собственное вино из туземного винограда, которое совсем можно пить. Хабаровский винодел, г. Хлебников, на Нижегородской выставке 1896 года даже получил за свое вино медаль.

«Черная половина» Хабаровска вначале произвела на нас удручающее впечатление. Пароход пришел поздно вечером. По очень крутому спуску нас взвезли в темные улицы, обставленные маленькими домиками, покружили по ним, то взбираясь на гору, то скатываясь с горы, и остановились у совершенно карточного флигеля такой же карточной гостиницы, носившей название «отеля». Во флигеле нам отвели кривую, косую и сырую комнату, от которой веяло чем-то «достоевским», обстановкой «Бесов», «Преступления и нказания», «Карамазовых». Прислуживали ссыльно-поселенцы, горно-заводский Андрей, убивший жену, и поляк Алексей из солдат, сосланный за оскорбление в пьяном виде офицера. Из флигеля мы перешли в «отель» ужинать. Повар-армянин – тоже ссыльный, но за что, не говорит. Хозяин – ссыльный, хотя и утверждает, что приехал в край в качестве подрядчика при постройке железной дороги. Впрочем, очень много подрядчиков, бывших сахалинских каторжников, которые ныне разбогатели, приняты в «обществе» и дружны с инженерами; значительная часть рабочих – тоже сахалинцы, так что над дорогой как бы висел дух каторги, прошедшей, настоящей и будущей. Веяло этим и в общей зале отеля. Выбитый кирпичный пол, низкие потолки; кругом лица, которые встарь носили бы клейма; в соседней комнате на бильярде играют подозрительные личности; в зале то появляются, то исчезают особы женского пола неуловимого общественного положения, называющие себя «гражданскими женами» инженеров и подрядчиков. Когда мы узнали, что во флигеле, за перегородкой, рядом с нашей комнатой, квартирует шесть корейцев, состоящих во временном браке с тремя японками, мы совсем приуныли и заставили дверь табуретами в неустойчивом равновесии, с таким расчетом, чтобы они рухнули при первой же попытке отворить дверь. Револьверы были заряжены, курки взведены, и мы приготовились дорого отдать свою жизнь всем этим каторжникам. Каторжники оказались, однако, премилыми людьми и впоследствии в течение целой недели нашей хабаровской жизни усердно прислуживали, вкусно кормили, но зато и драли немилосердные деньги.

Население города, как и его здания и улицы, тоже делится на две отличные половины. Одну составляют чиновники и офицеры, очень светские и элегантные, если они стоят близко к генерал-губернатору, и просто приличные и аккуратные; другая состоит из массы населения, смеси каторжника с переселенцем. Отличительная черта человека из массы, это – сытость. Сыт и хорошо одет солдат, бравый сибиряк. Сыт обитатель предместья Астраханки, переселенец с берегов Каспийского моря, дорого продающий на базаре рыбу, которую ловит в Уссури и Амуре. Сыт извозчик, полу-



Базар в Хабаровке

Хабаровская пристань

чающий за конец полтинник. Особенно сыты особы, именующие себя «гражданскими женами». Женщины – редкость на нашем крайнем Востоке, а потому все к их услугам. Женщин так мало, что, говорят, выпущенные в июне гимназистки в августе все уже замужем» [9, с. 191–193].

Интересное свидетельство о дореволюционном Хабаровске оставил военный деятель, журналист, писатель ***Петр Николаевич Краснов*** *(1869–947)*. Молодым офицером П.Н. Краснов побывал на Дальнем Востоке. В книге путевых очерков «По Азии» он пишет о Хабаровске: «Первое впечатление от города весьма благоприятное. Летом он весь в зелени. И зелень эта, и каменные, и деревянные дома, и домики, то взбегающие на длинные холмы, то убегающие в глубокие балки, ровная тайга левого берега, синие горы и сопки по Уссури, – наконец, две широкие мощные реки, образующие громадный разлив, – целое море – все это чарует глаз; но войдешь в город, прогуляешься по улица и задумаешься. Недаром Хабаровск носит имя казацкого атамана Хабарова – казацкий город. Город без плана, без рисунка, – всякий лепил свой дом где хотел, отмежевывая себе сколько угодно места. Маленький город расползся на громадное расстояние – словно хутор казацкий, где у каждого хозяина свое поместье». И далее он замечает:

«В Хабаровске местных жителей нет. Вместо хабаровцев вы видите петербужцев, москвичей, орловцев, севастопольцев, одесситов, самарцев и т. д., все интересы которых сосредоточены там у себя в России. Хабаровск пока – это проходящие казармы, – гостиница, которую не берегут и не любят. Одни приезжают сюда на службу, на срок – на три или на пять лет; эти так и живут, не заводя себе обстановки, отсчитывая прожитые не годы, а месяцы, и мечтая о возвращении на родину.

– Нам осталось прожить еще двадцать пять месяцев, – говорит вам прекрасная молодая дама в петербургском платье, наливая маленькую чашку чаем и доливая кипятком из самой новомодной бульотки. Вы оглядываете обстановку, общество, – все генеральный штаб – вы в петербургской гостиной. Только ковров много, медвежьи шкуры такой величины и такой ценности, каких в Петербурге не найдете.

– А мне еще целых тридцать шесть месяцев, – с тоскою говорит пожилой капитан, – а вот Андрей Андреевич, счастливец, он в ноябре кончает.

– Довольно жить биваком – надоело, – замечает Андрей Андреевич. – Я уже мечтаю, какую обстановку я сделаю в России. Отдохну вволю…

Вы смотрите в чудные задумчивые, тоскующие глаза хозяйки, смотрите на ее прекрасную фигуру, а потом в окно, где под голубым небом торчат дубовые кустики тайги, виднеются далекие, дикие горы, и вы понимаете, что эта обстановка ей не к лицу. Ей надо укутать свое личико соболями, уткнуть фарфоровый носик в крошечную муфту и нестись по Невскому и по Морской, а не по Муравьев-Амурской…

И все-таки эти тоскующие по родине, рвущиеся домой, в Россию, люди, попавшие сюда на службу – украшение Хабаровска. Это они из ничего создали громадный музей, это они устроили военное собрание, они играют на любительских спектаклях, они поддерживают бодрый воинский дух в войсках, они воспитывают будущих хабаровцев и хабаровок, они требуют мостовых, которых еще нет, фонарей, водопровода, они борются с вечными ответами «нельзя, невозможно, климат не позволяет…» [10, с. 139–142].

Несмотря на трудности, связанные с отдаленностью от центральной части России, город рос, развивался и хорошел. Путешественники и гости города называли его «розовым городом», часто сравнивали с красивейшими европейскими городами. Так, ***Александр Аркадьевич Кауфман*** *(1864–1919)*, командированный в Приамурский край для сбора статистических сведений по крестьянским хозяйствам, в своих очерках и путевых заметках «По новым местам (1901–1903)» писал о Хабаровске: «Хабаровск, эта официальная столица Приамурья, эти «амурские Афины», как его называют местные патриоты, город, где по удостоверению тех же патриотов, имеется 14 (четырнадцать!..) одних только военных генералов, – очень красиво расположился на трех холмах, которые издали кажутся как бы зеленым островом среди широкого моря, образуемого слиянием двух огромных рек – Амура и Уссури. Масса зелени, среди которой разбросаны небольшие, по большей части деревянные дома, но сравнительно много и кирпичных построек – почти все по оригинальному хабаровскому обычаю, из кирпича двух цветов, серого и красного, уложенного по фасадам в хорошенькие узоры; довольно красивые здания генерал-губернаторского «дворца», Военного собрания, музея, библиотеки; по всем концам города, разбросаны кирпичные массивы казарм, и впереди всего этого величественный памятник Муравьеву; все это ласкает глаз и делает Хабаровск, по общему виду, одним из самых красивых городов Сибири» [11, с. 105–110].

К сожалению, многое из того, чем гордились «патриоты города» в начале XX века, давно утрачено, совсем новый облик у современного Хабаровска, но и сегодня гостей города не оставляет равнодушными могучий Амур и восхищает красота его улиц, бульваров и площадей.

Фото Э. Нино, А. Бодиско, Р. Пророкова из фондов Дальневосточной государственной научной библиотеки

ИСТОЧНИКИ

1. Венюков, М.И. Из воспоминаний. Кн. 1. 1832–1867/ М.И. Венюков. – Амстердам : [б.и.], 1895. – 417 с.

2. Максимов, С.В. На Востоке. Поездка на Амур (в 1860–1861 годах): дорожные заметки и воспоминания / С.И. Максимов. – СПб. : [б.и.],1864. – 588 с.

3. Кропоткин, П.А. Дневник П.А. Кропоткина / П.А. Кропоткин; предисл. А.А. Боровского. - М.; Петроград : Госиздат, 1923. – 291 с.

4. Носков Ив. Амурский край в коммерческом, промышленном и хозяйственном отношениях / Ив. Носков – СПб. : Тип. Император. акад. наук, 1865. - 61 с.

5. Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае : 1867–1869 / Н.М. Пржевальский. – СПб.: [б.и.], 1870. – 355 с.

6. Алябьев [А.А.] Далекая Россия. Уссурийский край: (из путешествия по Амуру и Уссури / Алябьев. – СПб. : Тип. товарищества «Общественная польза», 1872. – 115 с.

7. Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1897 год. – Томск : Изд. Ф.П. Романова, 1897. – 692 с.

8. Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге. – СПб.: [б.и.], 1900. – 640 с.

9. Дедлов В.Л. Панорама Сибири: путевые заметки/ В.Л. Дедлов. – СПб.: Тип. М. Меркушева, 1900. –248 с.

10. Краснов П.Н. По Азии / П. Н. Краснов. – СПб.: Тип Исидора Гольдберга, 1903. – 616 с.

11. Кауфман А.А. По новым местам (1901–1903) / А.А. Кауфман. – СПб. : [б.и.], 1905. – 350 с.

Крестный ход

Хабаровск. 1892

Живое слово

Елпидифор Иннокентьевич ТИТОВ (1896–1938) – писатель, журналист, этнограф, археолог, собиратель фольклора северных народов. Считается первым исследователем забайкальских эвенков. Владел несколькими языками, в том числе японским, китайским, нанайским и орочским. Учился на историческом факультете Иркутского университета у известного этнографа и антрополога профессора Бернгарда Эдуардовича Петри (1884–1937).

Елпидифор Титов был неутомимым путешественником. Уже в 1919–1921 годах 23-летний исследователь осуществил первые самостоятельные экспедиции на север Прибайкалья – в Усть-Баргузин, Нижнеангарск, в бассейн Верхней Ангары. В 1924 году стал участником экспедиции на Олекму к ороченам, во время которой собрал материалы для тунгусско-русского словаря. С 1924 года жил и работал в Хабаровске, а в конце 1925 года отправился в новую экспедицию – к северобайкальским эвенкам в Ленско-Киренский и Северо-Байкальский районы.

В 1937-м арестован, обвинен в связях с «организатором и вдохновителем контрреволюционных групп и организаций на Дальнем Востоке Арсеньевым» и расстрелян. Реабилитирован посмертно в 1957 году.

Несмотря на короткую жизнь, Елпидифор Титов оставил серьезное научное и литературное наследие. Им написан целый ряд этнографических и экономических трудов, в том числе совместные с В.К. Арсеньевым работы «Быт и характер народностей Дальневосточного края» (Хабаровск – Владивосток, 1928), «Население Дальнего Востока как производительный фактор» (Москва, 1926). Он автор первого тунгусско-русского словаря (Иркутск, 1926). Исследовательские работы Титова отличает глубокое знание предмета и, что очень важно, прекрасное владение словом. Публикации Елпидифора Иннокентьевича, несмотря на строгую научность, передают дух того времени, благодаря чему так легко перенестись в прошлое и представить его себе отчетливо и ярко.

Имя Елпидифора Титова было предано забвению на долгие десятилетия, и только в начале 2000-х ситуация изменилась. В журнале «Словесница Искусств» вышел ряд публикаций в память об этом неординарном человеке, печатались отдельные фольклорные материалы, собранные Титовым (№ 14, 15, 25).

Во многом благодаря бескорыстной деятельности сотрудника Амурского краеведческого музея Л.Ф. Синицыной по крупицам собрано и систематизировано творческое наследие Елпидифора Титова. В 2005 году Гродековский музей в серии «Сподвижники В.К. Арсеньева» издал сборник трудов Е.И. Титова и материалы о его жизни и творчестве.

Елена ГЛЕБОВА

Северная Даурия*

Путевые заметки

Елпидифор ТИТОВ

По Верхней Ангаре

Встречный холодный норд-вест дует третий день, срывая пену с поднятых над волнами белых гребней. Нам нельзя сдвинуться с места. Даже маленькая лодка с трудом подвигается вперед против такого «верховика». А наши «неводники» с грузом по 400 пудов, конечно, должны только стоять, воткнув в прибрежный ил свои негордые носы.

Неводник – это большая лодка, у которой нижняя доска (мотня) имеет в длину 15 аршин. Гребцов в такой посудине сидит шесть человек (по человеку на гребень) да один кормовщик. Раньше на этих лодках ловили ходового (икряного) омуля, умещая в неводник 12 столбов речного невода (12 саженей столб). Теперь, с прекращением лова в реке, вышли из употребления и речные неводники, их заменили огромные морские баркасы. Но в Верхне-Ангарском крае неводники сохранились. В них подымают вверх по Ангаре груз. Праотцов Прибайкальской речной флотилии надо искать на севере России, откуда были сосланы сюда первые строители судов.

В ночь на 23 сентября прошел дождь и задавил ветер. Рано утром до восхода солнца неводники отчалили.

Чтобы попасть на Верхнюю Ангару, мы плывем по Кичере, которая соединяется с Ангарой протокой Ангаркан, что значит «маленькая Ангара».

«Кан» в сибирских географических названиях почти всегда тунгусский уменьшительный суффикс. Ангара по-маньчжурски значит «большой сосуд с узким горлом». По-монгольски ангар – щель, трещина, расселина. Корень слова – «аннг» – значит «дыра, расселина в горе, ущелье». Но если все эти признаки очень характерны для Ангары, вытекающей из Байкала, то Верхнюю Ангару они мало объясняют. Это река, свободная для навигации 171 день в году, течет в широкой долине, вытянутой в широтном направлении, и имеет большое количество островов и крупных излучин (половников). Но языковая ее характеристика все же драгоценна: она оживляет территорию Георги, который в 70-х годах XVIII столетия высказал предположение, что место Байкала занимала когда-то Верхняя Ангара; потом, вследствие грандиозного провала, долина реки превратилась в глубочайшее озеро…

До истока Ангаркана – 31 верста.

Мы плывем по заводям Кичерской долины. Впереди, на севере, высятся пирамиды горного кряжа Кирен (орел). Это южный конец водораздела рек Момы и Верхней Ангары. Мома, или Мама (деревянная, лесная), впадает в Витим ниже Бодайбо.

Налево тускло блистают исполинские хрустальные призмы Кичерских гольцов. Но северо-востоке над Верхней Ангарой малиновеет зорька. Небо в мороках – густым, тяжелым темно-серым войлоком низко налегли дождевые облака. Они совершенно неподвижны. Ветра нет. Из желто-зеленых осок подымаются с криком белогрудые крохали.

При хорошей погоде, если нет встречного ветра, лодки проходят весь путь в 7 суток. Если дует попутный култук (юго-западный ветер), неводник, оснащенный парусом, проделывает 150-верстный путь вверх по реке за 3–5 суток.

Но култук – это большая и редкая удача, особенно в осенние рейсы, когда господствует холодный северо-запад. И гребцы, усиленно гадая по всевозможным приметам о попутном ветре, в конце концов, предоставленные собственным силам, проявляют чудеса мастерства и выносливости.

Медленно ударяя веслами в ритм незримо поющего дактиля, ведут они свою деревянную армаду навстречу упорной стихии.

Три неводника растянулись на расстоянии сажен около ста друг от друга. Сквозь шум вздымаемой волны слышны порывистые крики побуждения:

– О-паа!

– А ну, хлебнем!

–Э-э, разгоним, чтоб трешшало да лопало!

Гребут с наливом: весла, забирая в воду, бросают ее далеко вперед хлопьями белой пены и радужных брызг.

– Достань белого!

– Забрасывай воду до кормы, чтоб пузыри летели!

Но вот средний неводник начинает приближаться к передовому. Достаточно малейшей усталости, чтобы ее заметили. Крики становятся азартнее, форма побуждений заостряется, к крылатым восклицаниям вольной команды примешивается крупная соль ругательств…

– Нну, разом два…

– Тянись, хоть душа тулупом! (монгольско-бурятское «тулум» – «кожаный мешок».

– Валяй, сама не лягет!

– Э-э, надуйся, Ваня, да разорви!

---

* Печатается с сокращениями. Полный вариант опубликован в «Записках Гродековского музея» (2005).

– Форснем, чтоб сопли вылетели!

Только смех и отъявленная брань, полная самых мрачных образов, способны победить невероятную усталость. И неудивительно, что у гребцов ценится человек, который умеет острить и ругаться.

На отоке

В Северной Даурии отоком (с тунгусского) называют табор, место продолжительной стоянки. Паллас в XVIII веке описывал у калмыков знаменные отряды – оттоки…

Мы ночуем на пустолесьях – по веселым и высоким прогалинам на берегу реки, заросшим сплошь тайгой.

Дикий непроходимый лес, в котором сейчас тревожно ревут изюбриные самцы, зазывая ошалевших маток, – этот беспощадный кедровник подступает плотной стеной к линии берега, и мохнатые гиганты срываются в воду. Но молчаливый приступ упорно длится. Тайга разбежалась по узким прибрежным еланям и островам, схватывает подошвы горных кряжей и взлетает растерянным строем под мертвые россыпи гольцов, вонзивших свои блестящие шлемы в дряблую синеву небес.

Человек, очутившись в самом пекле этой титанической схватки, старательно ищет пустующую полянку, чтобы сварить чай и зажарить на углях кусок мяса или рыбы.

Мы едим пять раз в течение просторного осеннего дня, к которому прихвачена утренняя зорька. Гребцы не затягивают дня за счет вечера. Надо найти удобное для ночевки место, спокойно поесть и приготовить дрова на ночлег.

Мы спим у костра, повернувшись к огню спиной. Это называется спиновать. Гребцы, отунгусившиеся великороссы, спят на оленьих шкурах, прикрывши плечи и грудь короткой тужуркой-полушубком или обрывком одеяла. В обувь – сыромятные кожаные чулки с короткой голяшкой, надетые на чулки из шерсти, – с вечера положены стельки из ветоши, просушенной на костре.

Идет дождь или мокрый снег, дует леденящий ветер с гольцов, а эти люди, верные тысячелетним традициям, лежат неподвижно, окружив огнище кольцом голых спин.

Перед сном гребцы собираются к одному табору, обсуждают события дня, гадают о попутном ветре, ругают этот умозрительный ветер тяжелыми, как чугун, словами, острят, издеваются друг над другом, поют песни. Песни здесь не отвлеченное любование красотой, а необходимый ритуал – как гигиеническая ванна. Ритм и гармония звуков приводят в порядок муравейник мыслей и чувств, развороченный за день, и прогоняют усталость.

Ченчи

Первая деревня Верхне-Ангарского края расположена в 130 верстах от пристани Чичевки, при впадении в Ангару реки Катеры («Многорекая»?). Деревенька эта в десять дворов называется Ченчи. Это старинная резиденция орочон Чильчагирского рода. Вместе с киндигирцами Кичеры они пришли в этот край, по преданию, с Патомского нагорья, теснимые ордами якутов. Многочисленные когда-то, теперь чильчагирцы имеют сто двадцать ружей. Они медленно русеют. В результате смешанных русско-тунгусских браков возникает совершенно новая племенная и культурная группа.

Сейчас в Ченчи («Мать Ченче» – поют тунгусы в своих песнях) выстроены русские избы с полным заводом крестьянского земледельческого хозяйства. Они принадлежат семейству чильчагирских тунгусов, у которых мужчины, начиная с дедушки, женятся на русских женщинах.

Сейчас перед вами поколение внуков – девять сыновей, от 17 лет до 40. Любопытно, что шестеро из них голубоглазые, среднего роста, а трое – громадные парни, кареглазые, горбоносые. В общем, светлая «кровь» русской женщины одержала победу, выбросив на доску судьбы шесть белых костей против трех черных.

Что до хозяйства этих голубоглазых тунгусов, то его особенность заключается в широком освоении всех жизненных ресурсов окружающей природной обстановки. Пашни, корова и лошадь, и тут же, рядом с хомутами и серпом, – тунгусская ловушка на соболя, винтовка и лыжи. Это интересная тема – влияние тунгусской культуры на русскую, ниже мы разберем ее подробнее.

Верхне-Ангарск

От Ченчи по Катере до русского селения Кумора верст восемнадцать. В трех верстах от Куморы, на северном берегу озера Ирокона, находится село того же названия. На высоте 491 метр над уровнем моря Ирокона опоясана зубчатой цепью гольцов. В начале октября прикрытые снегом до полубоку, торжественные по вечерам и на заре, ироконские гольцы навевают покой лунного пейзажа, они дышат смертью и стужей. За гольцами истоки Муи (от «му» – вода). Высота водораздела – 1 359 метров над уровнем моря.

Ирокона и Кумора – это, собственно, и есть Верхне-Ангарск. В 1646 году атаман Колесников построил здесь Верхне-Ангарский острог. В Ироконе еще до сих пор сохранился амбар, в толстых бревнах которого крестьяне указывают следы тунгусских стрел.

Мне удалось получить от одного орочона, сына умершей шаманки, знаменитой в крае, старинный колчан, набитый стрелами. Окрыленные перьями, с железными наконечниками, эти стрелы были удобны для того, чтобы поражать дичь, не вспугивая жертвы. Но они бессильно тыкались в стены казачьих амбаров и в железные кольчуги.

Эти стрелы – древняя гордость тунгусской народности. О них сообщают маньчжурские летописи: «Стрела, окрыленная орлиным пером, с наконечником, сделанным из острого и твердого камня, была первою драгоценностью дикаря, которую он освящал молитвами к духам и представлял в дань Китаю как самое лучшее сокровище». (*Горький В.* Начало и первые дела Маньчжурского дома. Пекин, 1909 г. Стр. 6).

Японец Тории, изучавший древности Маньчжурии, пришел к заключению, что ее доисторические насельники, предки тунгусов, от эпохи новокаменного века сразу перешли к железу (Torii R. et Kimiko Xorii. – Population Primitives de la Mongolie Orientale. Tokio. 1914. Torii R. – Population Prehistorigue de la Mandchourie. 1915. Его же: Le Manchoux .1914 г.).

Тунгусы Сибири – только разновременные колонии маньчжурского племени, вышедшего, может быть, из долин Алтая или равнин Центральной Азии, постепенно распространившегося в местах нынешней Даурии...

Справку о стрелах оперим замечанием, что в Римскую эпоху били луками на пятьсот метров.

Покорив тунгусов («ради своей бесстыдной корысти»), русские за 250 лет образовали в воронке верхнеангарских гольцов два поселка. Еще в конце 80-х годов прошлого столетия здесь было 40 дворов в две улицы в виде буквы Т (*Григоровский Н.* Поездка на Верхнюю Ангару. Известия Восточно-Сибирского Отдела РГО, т. XXI, 1890 г.). Сейчас тут проживает 763 едока, 140 податных душ, трудоспособных по окладному листу 1924 года – 152 мужчины, 174 женщины, а улиц уже много, но распланированы они по-прежнему беспорядочно, напоминая какой-то очень сложный иероглиф халдейской клинописи.

Верхнеангарцы засевают 200 с небольшим десятин хлеба, столько же оставляют под паром. Пашни лесовые, стоимость расчистки 250 рублей с десятины; 600 голов рогатого скота и 150 лошадей дополняют картину хозяйства, но у этой картины есть существенные подробности. После того, как здешний старожил управился со своим покосом и пашней, он переходит на положение бродячего охотника, спускаясь со ступеньки оседло-земледельческого быта на стадию первобытного звероловчества, на «стадию присваивающего хозяйства высокого типа». Вот теперь мы и разберем особенности культуры метисов как результат сожительства двух хозяйств – земледельческого и охотничьего.

Хозяйство и язык верхнеангарских метисов

Русское население края образовалось из подневольных и доброхотных пришельцев. Подневольные, уголовная ссылка – составляют «подстилающий слой», самый древний. Это четыре-пять фамилий, может быть, попавшие еще под действие уложения царя Алексея, который установил ссылку на Лену и в Дауры за выход из посада, «денежного дела ворам», за участие в «татебных, разбойных и убивственных делах». Первые переселенцы принесли с собой традиции земледельца и дивную архитектуру двухэтажных домов, которые сейчас доживают свой длинный век в Ироконе. Такие дома еще бытуют в Олонецкой губернии, в северном озерном крае России.

Верхнеангарцы неохотно говорят о разбойном прошлом своих предков, но молодежь с удовольствием поет острожные песни, тоскливые и прекрасные. Впрочем, воровская поэзия цветет в Забайкалье повсеместно. Рядом с вымиранием старинной *проголосной* песни полной силой живет песня убийц, карманных воров, налетчиков, грохарей и скокарщиков. Причем эта авантюрная лирика, используя законы старинного голосоведения, широко утилизирует городские мотивчики, оперетку, цыганский романс... Рядом с древней острожной песней:

Далеко в стране Иркуцкой,
Между скал крутых и гор

поют на мотив вальса «Две собачки» кошмарную резиньяцию*:*

Не выпытывай, не выспрашивай,
Что творится в душе воровской.
Седни штопорка, завтра грохарка,
А потом на мокрицу пойшел.

В Ангарске я записал куплеты, привезенные партизанами из Владивостока:

Отец скончался мой в тюрьме,
В цепях и под надзором.
Родила мать меня на свет
В канаве под забором...

Чищалки, молодые девушки в нижнеангарских рыболовах, распластывая в три приема омуля, пели с большим азартом:

Во Полтаве я родился,
В Крым проклятый жить попал,
Заключил любовь с девчонкой,
И пошел я рисковать.
Рискованьице сгубило,
Занимался воровством и т.д.

Что в этом крае осталось от традиции и выучки великого племени земледельцев?

Лошадь, корова, доисторическая соха – вот, пожалуй, и все. А дальше начинается мир совершенно особый, не умещающийся ни в одну из существующих схем хозяйственной эволюции.

Русская изба покрыта лиственничным корьем совершенно так же, как юрта тунгуса, когда он переходит от кочевого образа жизни к оседлому. В этой избе заинтересованный наблюдатель обнаруживает сложный ассортимент домашнего тунгусского быта. (Русское слово «изба», как известно, параллельно немецкому *stube* – комната и английскому *stove* – печь, камин. А все эти три слова ведут свою родовую от исландского *stofa* – теплая комната, в которой нет печки, температура ее поддерживается так же, как в *тунгусской* юрте: огнем посредине жилища. Таким образом, русский крестьянин живет в *печке,* внутри которой построена *изба* – русская печка).

Русскому ничего не надо было придумывать, когда он, покинув озера родных раздолий, попал в эту суровую альпийскую страну. Ее январская изотерма уходит в Обскую губу, пересекает Новую Землю, потом, прихватив острова Земли Франца Иосифа, огибает южную вершину гренландского треугольника и, минуя северную Канаду, Клондайк, втыкается в Анадырскую Землю, чтобы спуститься по хребтам Станового водораздела к подножию верхнеангарских гольцов. До появления русских здесь жили тунгусы, которые имели позади не менее высокую культуру, чем их голубоглазые собратья.

Великоросс научил тунгуса есть хлеб и пить водку, а сам постепенно отунгусился. В новой обстановке, при данном уровне развития средств производства, заимствованные у тунгусов предметы хозяйства и быта оказались наиболее совершенными. Великоросс это очень хорошо

понял и послушно напялил на себя оленью доху, тунгусские сапоги из оленьих лап и рукавицы с поперечным разрезом у основания большого пальца; он переделал свои дровни на манер тунгусской нарты, увеличив размер *копыльев,* чтобы не задевать за пни и коренья таежных троп; не говоря уже о том, что славянин со всеми мелочами позаимствовал у тунгуса весь обиход его охотничьего ремесла. Даже в область бытовой эстетики вторглось тунгусское влияние: каждая уважающая себя крестьянка расстилает в горнице тунгусские коврики-камуланы. Чем зажиточнее хозяйство, тем больше этих ковриков, тем они замысловатее собраны... Тем, очевидно, усерднее хозяин промышлял тунгусом.

Великоросс позаимствовал у тунгуса целую коллекцию географических терминов. Это, впрочем, и понятно: в условиях русской равнины, даже в северных лесах, конечно, не могли образоваться названия, удобные для того, чтобы ориентироваться в обстановке альпийского ландшафта Северной Даурии.

Заимствуя *вещь,* человек почти всегда заимствует слово. Так, еще в праславянскую пору славяне переняли у готов, живших в юго-западной России, ряд терминов военного и государственного быта: *князь* – германское Kuningaz (откуда немецк. Konig); слово восходит к корню «kuni» – род; первоначальное значение – «родовитый человек», «глава рода», а kuni произошло из gen – производить, родить, откуда латинское genus, славянское *жена*.

Даже «хлеб», «рюмка», «кустарь», «прохвост», «плуг» – все это иноземные вещи, названные по иностранному образцу.

«Чужое слово в народном лексиконе, – говорит по этому поводу проф. Браун, – есть как бы расписка в получении культурной ценности от друга-соседа» (*Браун, Ф.А.* Заимствованные слова (журн. «Беседа». Берлин. 1923 г., кн. 3).

История слов неотделима от истории вещей. Существует тесная и необходимая корреляция (связь, взаимоотношение) не только между явлениями языка и социальными условиями *(Dauzat, Albert* La geo graphie linguistique. Paris. 1922.); на язык влияет и географическая среда, новое небо и новая земля.

Редкий крестьянин в Верхне-ангарске не умеет говорить по-тунгусски. Здесь это салонный язык, как у нас в России был когда-то французский. Немудрено, что в словаре и в сознании русского так прочно укрепились тунгусские слова, а тунгусская огласовка стала характерной особенностью говора.

Когда происходит длительное сожительство двух разноязычных групп, то, в результате смешанных браков, обмена хозяйственными достижениями и естественного желания понять русскую речь, рядом с заимствованиями обоими народами слов соседа в говоре господствующей численно группы возникают особенности по линии: фонетики (звуки языка), словаря и языкового мышления или синтаксиса.

У верхнеангарцев произошла перестановка: *ш-с, ж-з, ч-ц.* Последняя особенность яснее проявляется в говоре женщин и детей.

Профессор Селищев, который второй раз открыл Сибирь, заставив ее говорить в удивительной книге «*Диалектологический очерк Сибири*» (1921 г.), склонен думать, что «тунгусский элемент, замешавшийся в русской или обрусевшей среде, вызвал или поддержал и расширил мену *ш-с (ж-з)* в русских говорах Сибири». Он нашел, что области, где находятся русские говоры с меной *ш-с (ж-з)* и с «шепелявыми» *с, з* – те самые, где жили раньше или живут и до настоящего времени тунгусские роды. Тунгусский язык в своих диалектах знает мену *ш-с-п-х*.

Правда, эта особенность верхнеангарского говора, к которой при соединяется еще смягчение *к* и *г* после *й* и мягких согласных, соблазняет нас думать, что верхнеангарцы продолжают северно-русскую языковую традицию (например, Вологодской губ.) Особенно обличает северно-русское наследство передвижка *ч-ц,* которая уводит нас к словенам начальной летописи, новгородским кривичам; она отмечена уже в памятниках XI в. (См. *Карский, А.Ф.,* акад. Русская диалектология, 1924 г., стр. 6, 21, 63, 64 и др.)

Но эти вероятные и увлекательные перспективы должны считаться с суровым фактом отсутствия в тунгусском языке аффрикаты *ц*.

Поэтому, когда верхнеангарская метиска говорит: «Шнег иджет в галчах», то у вас первая мысль не о кривичах вольной Новгородской республики, а всего лишь о влиянии тунгусской фонетики, для которой к тому же столь характерно это турецкое *дж*. Чистым тунгусским говорам неизвестны следующие звуки русского языка: *ц, ж, з, ф.* Соответственно с этим, заимствованные русские слова они произносят так: джеркало – зеркало, куричель – курица, Чедор – Федор, ирдесшь – здесь, пелаченса – полотенце. Русское «л» они произносят по-европейски.

Верхнеангарцы очень приятно «акают» и смягчают не только *к* и *г*, но и плановую *р*. Они говорят: нырек, милочькя, апроверьгят. Гласная *е* в слогах перед ударением перешла в *а* (с мягкой предшествующей согласной). Это так называемое *диссимилятивное яканье,* свойственное южно-великорусским говорам, оно отмечено Селищевым у семейских юго-западного Забайкалья. (В Верхне-ангарск это яканье, надо думать, перекочевало из долины р. Баргузин, куда имеет выход избыток населения семейщины, откуда частенько верхнеангарские женихи привозят невест. В самом Верхне-ангарске использованы, кажется, все комбинации, дозволенные брачными нормами обычного права. Здесь «все родня». Это обстоятельство, между прочим, является одним из факторов языковой нивелировки. Горы, непроходимая тайга, болота, несудоходная речка изолировали Верхне-ангарск, создав обстановку, способствовавшую архаичности и оригинальности языка (Dauzat). Но браки, школа, воинская повинность, переселение, отхожие промыслы разрушают стену изоляции). В Верхне-ангарске я записал: курьясочек (от «курень»), я ня знаю, санелка, лязала (лежала), посля тифу, сшямья. Правда, так говорят только женщины. Они же очень часто предударное и заударное *е* произносят ясно, не меняя в *и*, как делает большинство сибиряков: нелофка, ребята, «светок вошпитанья просшит, а дети та как?», «звот растрелозжить, не зжнаш, дак пачем зжнаш, пашло на леготу, преведет да брошит».

Здесь говорят:

– Даса?

– Я светки брыззу.

– Пади, Дунькю жзави!

– Пазжалуйте, чяйкю кушсать.

При этом верхнеангарцы говорят с «подергиванием»:

каждая фраза произносится с повышением голоса на последнем слове, а внутри фразы слова имеют повышение тона на первом слоге. Так что фраза утверждения по интонации имеет характер вопроса или недоумения. Эта особенность верхнеангарского говора служит предметом насмешек у нижнеангарцев, которые придумали и формулу издевательства:

– Ета че за пари, дефки-та не хватало: дефка-та паря раджила?!

Верхнеангарец чрезвычайно экспансивен и впечатлителен. Он быстро переходит от дикого гнева к хохоту, обидчив, искренен, остроумен, азартен, неистощим на ругательства и готов всему удивляться, выражая свой восторг восклицаниями. Если он видит большого омуля, он изумляется:

– Вот дак ета, пари, амулисса!

Если ему попалась большая шишка с орехами, он сообщает вам:

– Вот дак ета, пари, сысысса!

Законы словообразования в тунгусском языке, не связанного уставами писаной грамматики, открывают чрезвычайно просторные перспективы словотворчеству. Тунгус нагромождает суффиксы, образуя от любого имени глагол, и, наоборот, окончание превосходной степени прилагательных он переносит на глагол, создавая превосходную степень глагола и т.д.

Эта особенность тунгусской речи, несомненно, должна была повлиять на языковое сознание русского, говорящего по-тунгусски; она же побуждает обрусевшего метиса проделывать с корнями русского языка всевозможные словотворческие опыты. Не отсюда ли это характерное свойство сибирской речи, сформулированное Ровинским: «Сибирское наречие весьма свободно в образовании новых производственных слов».

В самом деле, если сибиряк говорит: *белковать, козовать, соболевать, патовать* и т.д., не переносит ли он в этом случае дух тунгусского словообразования на «русскую почву»?

Приведу список некоторых *иноземных* заимствований в говоре верхнеангарцев.

Охотничий быт: «авгуры» – посох лыжный, «балта» – ловушка на горностаев («черкан»), от тунг. «балта»; «дунька» – пешня («дуу-ки»); «лангил» – кулема на соболя; «орэун» – дудка для приманки изюбрей; «пача» – стрела в стожильном луке на соболя; «паняска» – ранец в виде дощечки с ремнями (тунг. «панага»).

Одежда: «авари» – зимние сапоги из оленьих или лосиных лап с художественной обшивкой; «коколды» – рукавицы с поперечным отверстием у основания большого пальца; «мукакой» – оленья шуба шерстью вверх, плотно охватывает талию, борта не заходят друг на друга, застегиваясь ремешками на груди (тунг. «мукуко»); в Ангарске поют: «Я надену мукакой, д' не боюсь я никакой!», а верхнеангарцев на Байкале зовут «мукутузными»; «олочи» (тунг. «олог») – летняя обувь из замши; «омчюры» – обувь зимняя из оленьих лап с коротким голенищем, заправленным под штаны (тунг. «омчур»); «уладжи» – обувь для ходьбы на лыжах: меховые сапожки с кисточкой на носке; «чикулмэй» (или «арамуши») – наколенники из оленьих лап шерстью внутрь или из сукна, которые на бедре подвязываются к «орки» – замшевым трусикам.

Как видно, детали этой одежды совсем не приспособлены к холодному климату. Фасон ее переживается как южное наследство. Вот что пишет об этом знаток тунгусской народности С.М. Широкогоров:

«Южный тип одежды тунгусов состоит из очень открытого кафтана, похожего на европейский фрак или даже смокинг; короткие штаны (орки) покрывают только самую нижнюю часть туловища и спускают на 3–4 дюйма по ногам; маленький передник прикрывает грудь и туловище; длинные чулки защищают от холода колени и икры ног; очень удобная для тайги обувь завершает одеяние тунгуса. Костюм не соответствует суровому климату Сибири, где палеоазиаты придумали одежду, более целесообразную в условиях окружающей географической среды. И хотя туплен кое-что изменили в своем костюме, они постоянно страдают от морозов и ветра и гибнут массами. Но, несмотря на это, хранят *свой стиль* ревностно. Некоторые детали этого одеяния заимствовали у тунгусов китайцы и маньчжуры, которые комбинируют длинные штаны и халат монголов и китайцев, но сохраняют для специальных работ и обыденной жизни нагрудник и некоторые другие части тунгусской одежды». *(Shirokogoroff, S. M. «Anthropology of Northern China». Shanghai, 1923).*

Географические термины: «адоран» – сосновый бор, грядой встающий в смешанном таежном сообществе; «аян» – песчаная коса в реке, идущая к берегу под углом: в аяны часто попадают неводники; «даван» – перевал, хребет; «магджен» – длинное озеро; «шилкей» («шилки») – ущелье, отпадок, балка; «камни» – прибрежная узкая полоса земли, стесненная утесом; «елакон» – полянка на горе (может быть, тунгусы заимствовали русское «елань», взятое северянами у финнов).

Посуда: «гаявун» («гаяун») – берестяная воронкообразная посуда для сбора ягод («биток»); «муручен» – круглая берестяная коробка для принадлежностей женского рукоделия; «тыва хлебница» – тунгусская квашня; «чюмнакошик» («гунгнакон») – берестяное ведерко для ягоды; «цимпулька» («чампули») – мешок из налимьей кожи; «поты» – берестяные сумки, обшитые кожей из оленьих лап.

Разные: «гаранты» – несчастный, неудачливый, от тунгусского «старый», «неудачливый»; «баигон» – внебрачный ребенок; «камулан» – «куламан» – коврик; «смуручюнитый» – сморщенный (от тунг. «муру-чон»); «скатерачил» («кэтыро») – ободрал; «чечудерен» («чичева-джерен») – брызгать духам гор, тайги: обычай, заимствованный вместе с термином у тунгусов (останавливаясь на новом месте, тунгус и русский угощают невидимого хозяина места кусочком сахара, щепоткой табака и т.д.).

Не привожу названий птиц, растений, насекомых – они многочисленны и могут составить тему для специального исследования.

Тунгусы вымирают, их слова остаются. Слово переживает человека. Оно живуче и долго сопротивляется смерти, скрываясь от нее под разными масками. Об этом хорошо написал отец тунгусоведения академик Шренк: «Как в организме человека последним умирает сердце, так ultimum moriens (то, что умирает последним) у народа – его язык: когда замолкает его последнее слово, тогда и народ покончил свое существование».

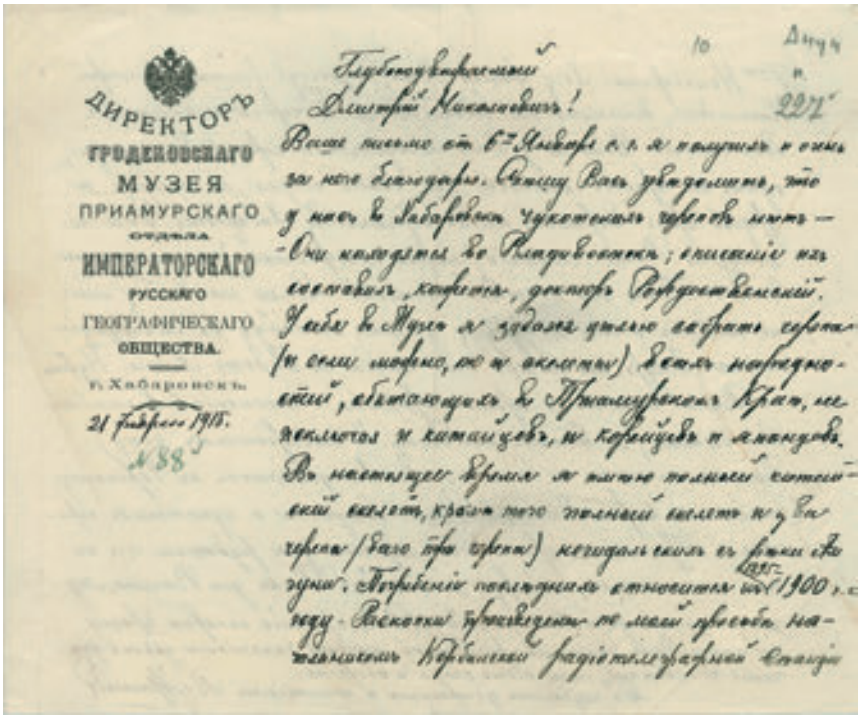
Журнал «Сибирские огни» (Иркутск, 1926)

Письма Арсеньева

Елена ГЛЕБОВА

Письма – это особый исторический документ. Когда читаешь строки, написанные столетие назад, начинаешь по-настоящему чувствовать время. Особенно если это письма людей, чьи имена по сей день волнуют умы исследователей.

В отделе рукописей Российской государственной библиотеки хранится личный архив выдающегося ученого Дмитрия Николаевича Анучина – почетного академика, профессора антропологии и географии Московского университета, члена ряда научных учреждений и обществ в России, Америке, Франции, Германии, председателя Общества любителей естествознания, антропологии, этнографии. Среди материалов его фонда огромнейшая переписка со многими крупными деятелями науки (Тимирязев, Чупров, Сеченов, Мечников), известными путешественниками (Нансен, Семенов-Тян-Шанский, Миклухо-Маклай), известными литераторами (Чехов, Короленко, Плещеев, Бальмонт). Для дальневосточников особый интерес представляет переписка Д.Н. Анучина с видными политическими, общественными деятелями Дальнего Востока, с представителями научных кругов, среди которых приамурские генерал-губернаторы С.М. Духовской и Н.Л. Гондатти, этнографы Бронислав Пилсудский, Владимир Богораз, а также путешественник и писатель В.К. Арсеньев.


ДИРЕКТОРЪ
ГРОДЕКОВСКАГО
МУЗЕЯ
ПРИАМУРСКАГО
ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО
ГЕОГРАФИЧЕСКАГО
ОБЩЕСТВА.
г. Хабаровскъ.
21 февраля 1915.
№ 88

Всего в личном фонде Анучина семь писем Арсеньева, они датированы 1913, 1914, 1915 и 1917 годами и относятся к хабаровскому периоду деятельности Владимира Клавдиевича, когда он с 1910 по 1919 год возглавлял Хабаровский краеведческий музей. Судя по всему, переписка Арсеньева и Анучина началась в 1913 году. В письме от 18 июня 1913 года есть такие строки: *«Я давно собирался написать Вам, глубокоуважаемый Дмитрий Николаевич, но немного стеснялся писать Вам пустые письма. Мне хотелось письмо прислать вслед за какой-нибудь антропологической посылкой. С этого дня я буду посылать Вам антропологические, этнографические и археологические доисторические коллекции в виде каменных топоров, стрел и ножей. Надеюсь вскоре получить достаточное количество черепов наших Приамурских инородцев»*[1] .

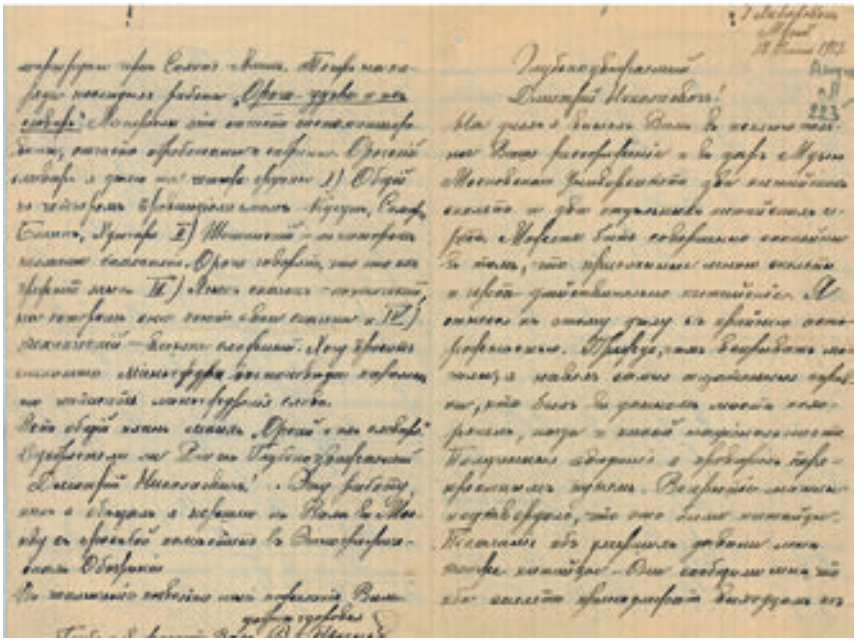
Это письмо оправлено из Хабаровска в Москву через несколько дней после того, как В.К. Арсеньев выслал «в исключительное распоряжение» Анучина и в дар музею Московского университета антропологические материалы: два китайских скелета и два китайских чере-

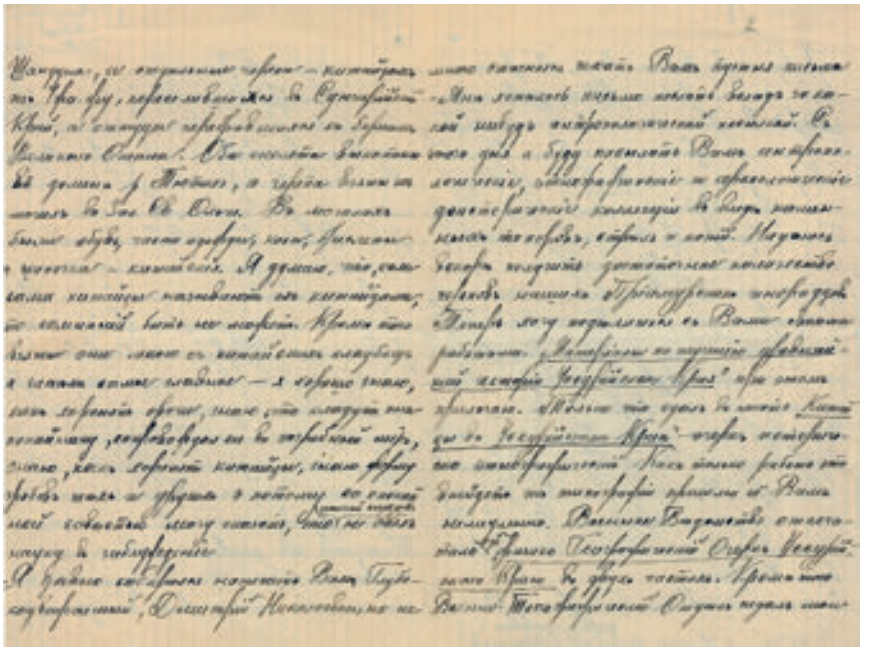
[1] РГБ. НИОР. Ф. 10. К. 11. Ед. хр. 223–228.

па. Арсеньев подчеркивает, что он *«отнесся к делу с крайней осторожностью», принадлежность экспонатов подлинная, потому что автор письма хорошо знаком с похоронными традициями орочей и китайцев и «посылкой скелетов не ввел науку в заблуждение»*.

Арсеньев коротко сообщает Анучину о своих работах: в печать сдан историко-этнографический очерк «Китайцы в Уссурийском крае», военным ведомством отпечатан *«…Географический очерк Уссурийского Края» в двух частях, Военно-Топографическим отделом изданы арсеньевские маршруты через Сихотэ-Алинь»*. К своему письму Арсеньев прилагает уже вышедшие в свет «Материалы по изучению древнейшей истории Уссурийского края». Подробно Владимир Клавдиевич рассказывает Анучину о своей очередной работе «Орочи – удэhe и их словарь», описывая ее общий план. Собрав, обработав и систематизировав материалы для орочского словаря, исследователь разделил их на четыре группы. Первая: общий словарь по четырем территориям – Кусун, Самарги, Бикин, Хунгари. Вторая: шаманские термины, употребляемые во время камлания. Причем Арсеньев делает важную пометку: орочи говорят, что это их прежний язык. Третья: язык сказок. Автор планирует также с помощью знакомого маньчжура-востоковеда параллельно привести в словаре и маньчжурские слова. В конце письма Арсеньев спрашивает Анучина, одобряет ли ученый эту работу, и обращается с просьбой в дальнейшем разместить орочский словарь в журнале «Этнографическое обозрение».

Так уж сложилось, что Арсеньев не получил специального этнографического и антропологического образования, но при этом он обладал обширными знаниями о населяющих Приамурский край коренных народах, занимался постоянным самообразованием и как исследователь имел достаточно серьезный авторитет. И все же Владимир Клавдиевич осознавал необходимость профессионального руководства своей работой по изучению дальневосточных этносов, систематизации и

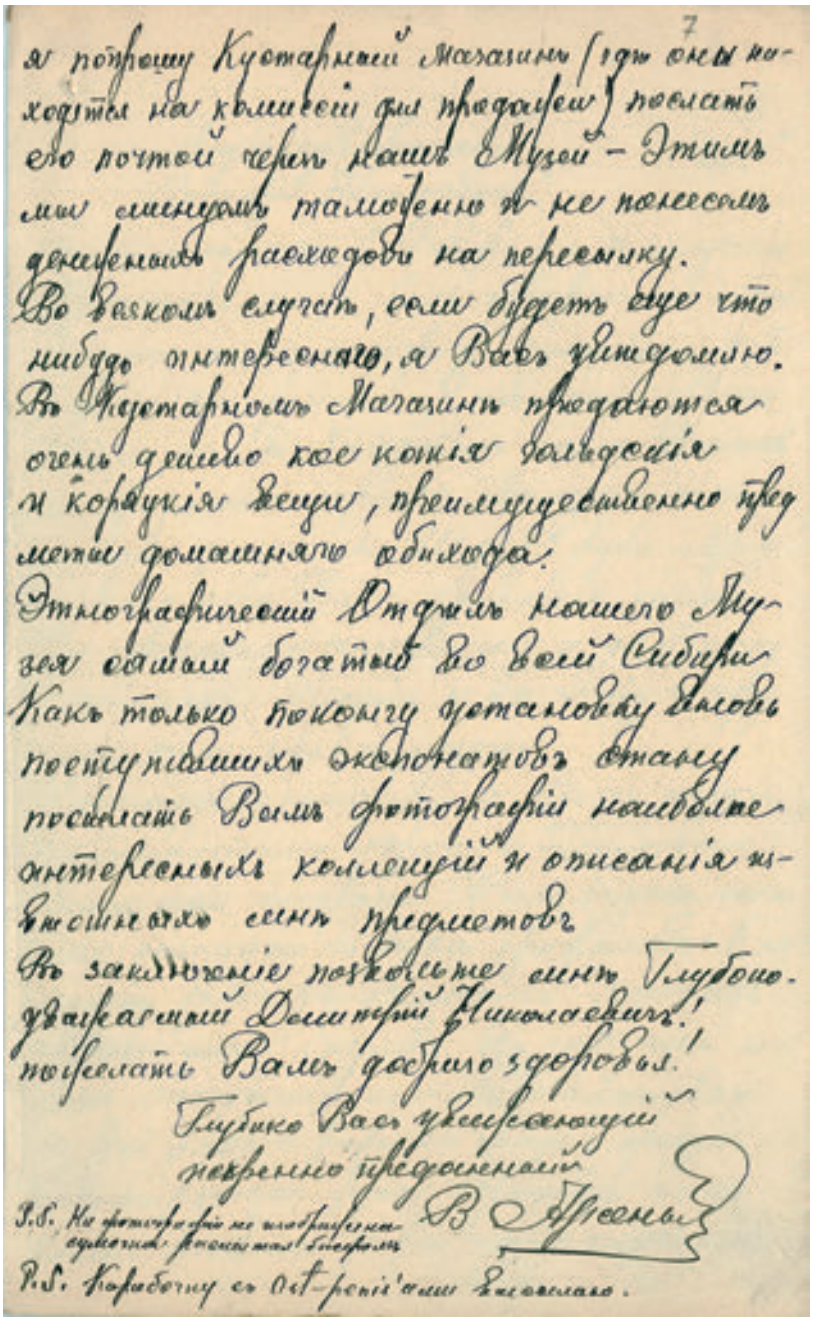




обобщению полевых материалов в научных трудах. Об этом он прямо пишет Д.Н. Анучину в письме от 21 февраля 1915 года: *«покорно прошу не отказывать письмами руководить моими занятиями, давать указания и советы, чем очень-очень обяжете»*.

К моменту возникшей переписки с Д.Н. Анучиным Арсеньев уже около четырех лет возглавлял Хабаровский краеведческий музей. Из его письма, которое датируется 1913 годом, можно узнать, каким был музей в то время. Так, до 1911 года музей *«представлял из себя совершенно бессистемный склад этнографических предметов»*, однако, найдя себе хорошего помощника в лице консерватора музея В.В. Домбровского, Владимир Клавдиевич за небольшой срок смог почти все привести в порядок и начать работу по составлению каталогов.

Здесь следует сделать небольшое отступление. Один из каталогов того периода – «Орочи – Удэhe» (куда помимо систематизированного перечня экспонатов по культуре удэгейцев, поступивших в музей в период с 1894 по 1913 год, и их описаний включены пояснительные статьи к каждому разделу) был составлен В.К. Арсеньевым в 1913


7
я попрошу Кустарный Магазинъ (гдѣ они находятся на комиссіи для продажи) послать его почтой черезъ нашъ Музей – Этимъ мы минуемъ таможенно и не понесемъ денежныхъ расходовъ на пересылку.
Во всякомъ случаѣ, если будетъ еще что нибудь интереснаго, я Васъ увѣдомлю.
Въ Кустарномъ Магазинѣ продаются очень дешево кое какія гольдскія и корякія вещи, преимущественно предметы домашняго обихода.
Этнографическій Отдѣлъ нашего Музея самый богатый во всей Сибири
Какъ только покончу установку вновь поступившихъ экспонатовъ стану посылать Вамъ фотографіи наиболѣе интересныхъ коллекцій и описанія извѣстныхъ мнѣ предметовъ
Въ заключеніе позвольте мнѣ Глубокоуважаемый Дмитрій Николаевичъ! пожелать Вамъ добраго здоровья!
Глубоко Васъ уважающій
искренно преданный
В. Арсеньевъ
P.S. На фотографіи не изображена сумочка расшитая бисеромъ
P.S. Коробочку съ Ost-penis'ами высылаю.

году. Однако сведения о том, был ли он издан, пока отсутствуют. Впервые каталог № 51 «Орочи – Удэhe» увидел свет только в 2005 году в издательстве Хабаровского краевого музея им. Н.И Гродекова. Он напечатан по первому машинописному экземпляру, хранившемуся в музейных фондах.

Письма В.К. Арсеньева характеризуют его как неутомимого исследователя, который искренне служил науке, и как человека, понимавшего уникальность культуры приамурских этносов и прилагавшего все силы для ее сохранения. Еще в первой половине XIX века знания о коренных народах, населявших территорию нынешних Хабаровского края и Приморья, были очень скудными, но благодаря таким исследователям, как В.К. Арсеньев, этнографическая и антропологическая науки пополнялись новыми ценными сведениями. Владимир Клавдиевич радеет за то, чтобы в центральные музеи России поступали ценные для науки экспонаты, а коренные народы Приамурья с их самобытной культурой заняли достойное место на большой этнографической карте России. Он направляет в адрес центральных музеев и лично Д.Н. Анучину посылки с антропологическими и этнографическими коллекциями, фотографии наиболее ценных экспонатов, которые им собраны для Хабаровского краеведческого музея.

Отсылая на имя Анучина посылки с этнографическими материалами, Арсеньев сопровождал каждый предмет ценными пояснениями. *«На днях я вышлю Вам берестяную коробочку, увешанную медвежьими ostpenis'ами* – сообщает он в одном из писем 1913 года. – *Это уника. Почти уверен, что более достать такой не удастся. Только у старых женщин можно найти такие коробочки. Старики вымирают, а молодежь быстро ассимилируется русскими и китайцами. Старухи хранят эти кости, как амулеты – ost-penis животного, от которого они произошли, которое дало им жизнь».* Вслед за отправленными в Москву предметами одежды приамурских этносов (орочская рубашка и нарукавники, ламутский передник) Арсеньев пишет письмо с небольшими, но очень важными комментариями. *«Еще два слова относительно посланной мною рубашки и нарукавников. В том, что они старенькие, есть своя доля добра. На них орнаменты старинные. Мне, кажется, удалось немного разобраться в их стилизованных рисунках. Прежде всего, там есть голова медведя, рыбы и птицы. Голову медведя очень трудно проследить. Если заинтересуетесь, просмотрите рисунки у Шренка (наушники гиляков). Там морда медведя видна ясно. Затем смотрите все его рисунки, дальше по плану и, когда кончите, обратитесь опять к рубашке и нарукавнику. Бог даст я буду в Москве, непременно привезу с собой побольше старинных орнаментов».*

В одном из писем Анучину мы узнаем о довольно смешном казусе, который произошел по вине телеграфа. В Хабаровске в 1913 году проходила выставка Приамурского края, посвященная 300-летию дома Романовых. По ее окончании Арсеньев узнал, что можно приобрести превосходные ламутские (эвенские) костюмы, и поспешил известить об этом ведущие российские музеи. Он отбил в Румянцевский музей, Ака-

демию наук, Музей Александра III и, конечно же, Д.Н Анучину. Прошло некоторое время, и на имя Анучина пришло это письмо.

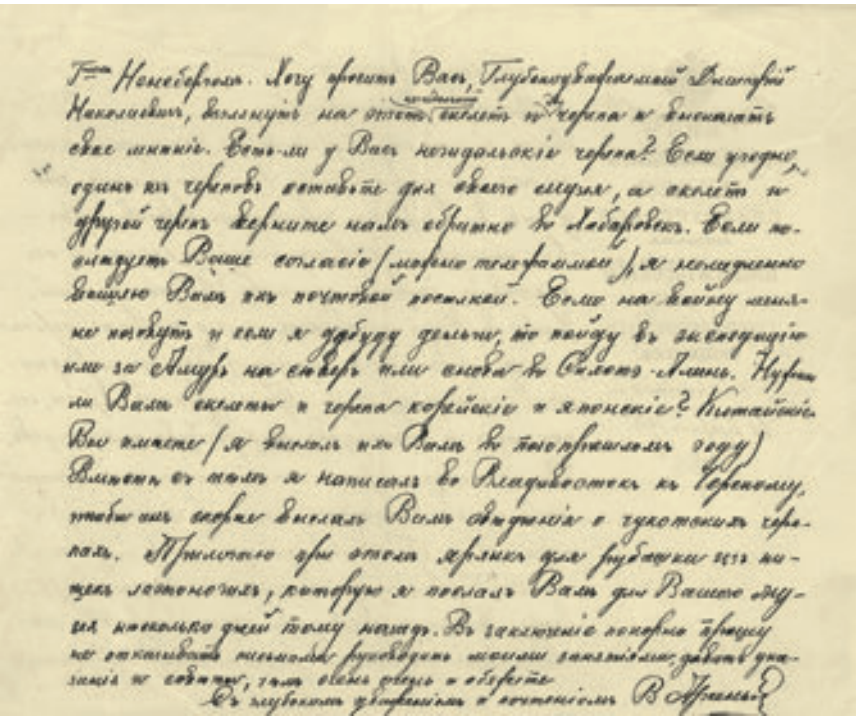
«Глубокоуважаемый Дмитрий Николаевич!

Ваше письмо от 6 января с.г. я получил. Прочитав его, я был поражен, насколько наш телеграф способен перевирать телеграммы. Я извещал Вас о том, что в Хабаровске после Выставки продаются хорошие ламутские костюмы ценою от 40 до 75 рублей. Представляю себе Ваше удивление, когда Вы прочитали телеграмму о дамских костюмах. Сходил я на почту и поругался там как следует! […] Костюмы, о которых я Вам писал, действительно хорошие – мозаичные, меховые, расшитые бисером. Жаль будет, если они попадут в руки профанов – они могут быть украшением лучших европейских музеев».

Уже в первой половине XX века возникла проблема исчезновения уникальной культуры коренных народов Приамурья, и Арсеньев это понимал как никто.

«С каждым годом ламутские костюмы становятся все реже и реже, все проще и проще, – отмечает он в том же письме. – *Нивелирующая рука европейца вытесняет бисерные узоры их и национальные орнаменты и заменяет ситцевыми узорами. Я думаю, что со смертью старых женщин такие расшитые костюмы сразу сойдут со сцены и воспоминания об них можно будет найти в музеях. […] Живя здесь, в Хабаровске, и имея постоянную связь с инородцами, я считаю своей обязанностью о всяких интересных этнографических предметах, передаваемых ими, извещать музеи в Петербурге и Москве и Вас, Дмитрий Николаевич!»*

Среди писем Арсеньева особо выделяются те, что затрагивают непростые взаимоотношения В.К. Арсеньева и приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти. Если в письме от 1914 года Арсеньев сетует на то, что *«на войну его не зовут, не требуют, а добровольцем не пускает Гондатти»*, который дал ему *«время и средства на жизнь и дал возможность учиться и обрабатывать свои материалы»*, то уже в



1916 году тональность писем резко меняется.

«С 1911 года научные работы по исследованию нашей Дальневосточной Окраины – словно оборвались. Нынешний генерал-губернатор Н.Л. Гондатти далек от науки. На эту тему он не разговаривает, а если и поднимается вопрос такой, он морщится и старается перевести разговор на другую тему. Теперь для него ни антропологии, ни этнографии не существует. Никогда инородцы в Приамурском крае не находились в таком бедственном положении, как за последнее пятилетие. Печальная картина!»

В письме от 28 января 1917 года В.К. Арсеньев сообщает, что «хлопочет о корейских черепах» (из письма следует, что отправленные им ранее негидальские черепа и кости скелетов благополучно дошли до музея Московского университета), а также в категоричной форме извещает Анучина о своем полном разрыве с Гондатти. Он пишет резкие и нелицеприятные вещи о приамурском генерал-губернаторе, который, по убеждению Арсеньева, *«после своей Амурской экспедиции стал враждебно относиться ко всякого рода исследованиям в крае и ко всем, кто занимается изучением страны», о том, что «местное Географическое общество сделалось коллегией карьеристов»*, которая не отвечает на письма ученых (например Г.Н. Потанина) и тормозит передачу ценнейших коллекций в один из центральных университетов.

К сожалению, пока неизвестно, какими были ответы Анучина на эти гневные письма. Московский академик долгие годы состоял в переписке с Гондатти и высоко ценил его как исследователя. Судить же с высоты прошедшего столетия об истинных причинах разногласий между двумя выдающимися деятелями науки мы не имеем права. И хотя жизнь и творчество Арсеньева и Гондатти достаточно глубоко изучены, именно письма дают возможность по-настоящему ощутить ту атмосферу, в которой они работали, почувствовать воздух того времени. А главное, дополнить образ этих знаковых для истории Дальнего Востока имен новыми важными штрихами.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Традиционная культура коренных народов Дальнего Востока России как объект научного изучения (по архивным материалам XVIII – начала XX в.)». Проект № 13-11-27001

Исследователь живых языков

Наталья ПОЗИНА

В 1930-е годы, после определенного перерыва в изучении удэгейской культуры, начался новый этап, который повлек за собой появление письменности и национальной литературы. Исследование удэгейской культурной традиции в целом и языка и устного народного творчества в частности связано с деятельностью талантливого ученого Евгения Робертовича Шнейдера. Однако из нашей памяти его имя было вычеркнуто на долгие годы.

Е.Р. Шнейдер родился в Красноярске 3 (15) июля 1897 года в обрусевшей немецкой семье. После окончания гимназии в 1916 году поступил в Томский университет. В числе его преподавателей был известный археолог, профессор кафедры географии и антропологии С.А. Теплоухов. Под его руководством проходили многочисленные археологические экспедиции, в которых принимал участие будущий ученый. Во время полевых исследований Е.Р. Шнейдер проявил себя как талантливый, наблюдательный рисовальщик. Он выполнил сотни точных этнографических зарисовок жилищ, одежды, орудий труда, вышивок, домашнего обихода и шаманских атрибутов.

В 1923 году, по рекомендации С.А Теплоухова, Евгений Робертович был принят научным сотрудником этнографического отдела Русского музея в Ленинграде, участвовал в подготовке отчетной выставки. С этого времени он начал заниматься этнографией тунгусо-маньчжурских народов и палеоэтнологией Приамурья и Приморья. Исследователя заинтересовали проблемы истории и культуры все еще мало изученных этносов – удэгейцев, орочей, негидальцев.

За время работы в музее почти ежегодно Е.Р. Шнейдер выезжал в этнографические экспедиции на Дальний Восток, жил в таежных стойбищах, изучая культуру коренных народов. Во время Амурско-Уссурийской экспедиции Русского музея 1928 года он познакомился с В.К. Арсеньевым. Благодаря встрече с ученым и изучению районов, населенных удэгейцами, Е.Р. Шнейдер раскрыл особенности культуры народов бассейна Амура и вслед за В.К. Арсеньевым продолжил исследование этноса.

Этнографические и археологические коллекции, собранные Евгением Робертовичем за время экспедиции, были описаны и вошли в научный оборот, пополнили фонды Русского музея и постоянную выставку этнографического отдела. Так, в 1927 году он привез коллекцию, собранную у самаргинских удэгейцев, в 1928, 1930 годах – коллекцию хорских удэгейцев. Кроме того, в фондах музея имеется немало акварельных зарисовок и фотоснимков, сделанных Е.Р. Шнейдером во время полевых экспедиций в районах проживания удэгейцев, негидальцев, нанайцев, самагиров и других народов. За период с 1923 по 1931 год ученый был участником восьми экспедиций на Дальний Восток. В течение 1928–1929 годов в Государственном Русском музее он подготовил крупную экспозицию «Искусство народов Сибири», в которой были представлены коллекции, связанные с художественной обработкой рыбьей кожи, берестой, мехом, металлом удэгейцев, негидальцев, нанайцев.

Е.Р. Шнейдер был автором первой научной классификации декоративного искусства коренных народов Сибири и Дальнего Востока. На основе лингвистических признаков он разделил традиционное декоративное искусство всех народов на пять групп: тунгусо-маньчжурскую, тюркскую, тюрко-монгольскую, финно-угорскую и палеоазиатскую. Он доказал, что если в основу классификации положить не язык, а декоративное искусство, то будет достигнут один результат.

В 1932 году в связи с созданием письменности удэгейцев Е.Р. Шнейдер был переведен в Научно-исследовательскую ассоциацию Института народов Севера на должность старшего научного сотрудника. Перед ученым была поставлена задача создания алфавита языка, системы письменности, написания букваря и первых книг на языке удэгейцев.

Первые материалы для словаря удэгейцев были опубликованы в 1898 году в монографии «Тазы, или удиhe (опыт этнографического исследования по этнографии удэгейцев)» С.Н. Браиловского. Параллельно со своим словарем исследователь обобщил ранее собранные сведения и дал словари С.Г. Леонтовича, Протодьяконова, В.П. Маргаритова и И.П. Надарова. В.К. Арсеньев, осознавая значимость языка и мифопоэтического наследия как важнейших

Хорские удэгейцы. Фото Е.Р. Шнейдера

Обработка кукурузы. Гвасюги.1936

составляющих культуры, планировал посвятить второй том монографии «Страна удэhе» устно-поэтическому творчеству, грамматике и словарю. Материалы по удэгейскому фольклору и языку содержатся в шести его дневниках.

В течение пяти лет Шнейдер создал первую удэгейскую письменность, опубликовал три учебника удэгейского языка и шесть пособий для учителей, работающих с удэгейцами. Ученый описал фонематический состав удэгейского языка, выделив более 50 фонем, в том числе большое количество гласных. Эти фонемы он передал латинской графикой в том ее варианте, который был принят в то время для младописьменных народов Сибири. Кроме этого, Е.Р. Шнейдер подготовил к изданию сборник удэгейских сказок, словарь удэгейского языка с приложением грамматического очерка.

Научная деятельность исследователя последних лет еще при жизни была высоко оценена ведущим ученым-лингвистом Л.В. Щербой, который писал: «Фонетика удэгейского языка относится к труднейшим из тех, с которыми мне приходилось встречаться. Самое трудное в фонетике неразработанного лингвистического языка – это установление фонетического состава языка. Работы эти длятся целые поколения. Евгению Робертовичу удалось это сделать одному, и в течение короткого времени (...) Поэтому я должен констатировать, что в лице Е.Р. Шнейдера мы имеем замечательного научного исследователя живых языков, готового научного сотрудника, которым должна гордиться кафедра северных языков ЛИФЛИ».

За годы работы в Институте народов Севера Е.Р. Шнейдер проявил себя и как талантливый преподаватель. Он оказал большое влияние на становление Джанси Батовича Кимонко, первого удэгейского писателя. При участии Д. Кимонко и К. Кимонко Л.Р. Зингер и М.И. Матусевич под руководством Л.В. Щербы провели работу по экспериментальному обследованию фонетической системы удэгейского языка. Ее результаты были использованы Е.Р. Шнейдером в грамматическом очерке удэгейского языка в «Кратком удэйско-русском словаре» (1936), который долгое время оставался единственным полным сводом лексики и сведений по фонетике и грамматике языка. Кроме того, Д.Б. Кимонко принимал участие в создании «Учебника удэгейского языка» (1935).

В 1936 году издательство «Художественная литература» объявило конкурс на лучшее оригинальное художественное произведение авторов-северян. Он проводился по следующим номинациям: рассказ, повесть, стихи, поэма, песня, пьеса, бытовой или исторический очерк. Для участия в конкурсе Д.Б. Кимонко написал первый рассказ «Бата». Его перевод, сделанный Е.Р. Шнейдером, состоял из отдельных фрагментов и напоминал дословный перевод с родного языка автора, но при этом обладал несомненными художественными достоинствами. Жюри конкурса присудило рассказу Д.Б. Кимонко вторую премию. Впоследствии рассказ в новой редакции Ю.А. Шестаковой вошел в повесть «Зарево над лесами» («Там, где бежит Сукпай»).

Тридцатые годы стали не только временем изучения культуры коренных народов, но и началом репрессий среди ученых-североведов, преподавателей Института народов Севера (Я.П. Кошкин-Алькор, Н.К. Каргер, Г.М. Василевич, В.И. Цинциус, М.Г Воскобойников, Е.А. Крейнович) и выпускников (С.Н. Сипин, Б.И. Ходжер, Д.Б. Кимонко). В ноябре 1937 года Е.Р. Шнейдер был арестован УНКВД ЛО (ст. 58-6, 11 УК РСФСР – «являлся участником военно-офицерской организации «Российский Общевоинский Союз» и проводил шпионскую работу в пользу Германии») и постановлением ОСО при НКВД СССР от 4 января 1938 года приговорен к высшей мере наказания. Ученый был расстрелян в Ленинграде 8 января 1938 года.

Удэгейская мастерица. Район им. Лазо. 1920–1930-е гг.

За год до этого, в декабре 1936-го, ЦИК СССР утвердил Постановление Президиума Совета национальностей о переводе латинизированной письменности народов Севера на алфавит, основанный на русской письменности, которое во многом определило дальнейшее исследование национальных языков и культур. Изучение многих из них было приостановлено в связи с судьбой их исследователей, что привело в дальнейшем к языковой ассимиляции и угасанию традиций. Так, удэгейская письменность не была переведена на кириллицу, учебники, подготовленные Е.Р. Шнейдером, изъяли и уничтожили. Имя ученого и его труды были преданы забвению. Удэгейский язык вновь стал бесписьменным, что привело к невозможности создания литературных произведений на родном языке. Изучение удэгейского языка возобновилось только спустя три десятилетия, в 1960-е годы, И.В. Кормушиным и О.П. Суником. Последний на основе своих полевых материалов написал краткий очерк грамматики удэгейского языка, в котором, однако, дал иную, отличную от Е.Р. Шнейдера, трактовку фонологической системы.

Фото из архива Краевого музея имени Н.И. Гродекова

Кадры из документального фильма «Лесные люди» (режиссер А. Литвинов), 1928

Северные фантазии Николая Менцера

Марина САМЫНИНА

Николай Николаевич Менцер (1910–1997), дальневосточный композитор и фольклорист, заслуженный деятель искусств РСФСР, был человеком огромной жизненной энергии. Он объездил почти весь Дальний Восток, не обходя вниманием даже самые отдаленные районы, и привозил из своих путешествий жемчужины этнической музыки. Потом он на их основе сочинял рапсодии, сюиты, симфонии, и в больших концертных залах звучали песни старой яранги, эвенкийские мелодии, маршевые эскимосские ритмы...

С детства полюбив музыку, Н.Н. Менцер не оставил ее даже в самые тяжелые дни своей жизни. Его музыкальный калейдоскоп, засиявший разными красками в Нижнем Поволжье, набирал силу и сложился в необыкновенную картину, наполненную национальным колоритом на Дальнем Востоке. С 1954 года, после гонений (немец!) в годы Великой Отечественной войны, он наконец-то смог свободно посвятить себя творчеству.

Николай Николаевич Менцер родился в Астрахани в самой обычной семье. Отец, Николай Николаевич Пономарев – слесарь, мать, Лидия Ивановна Менцер – портниха. Увлечение Николая музыкой всячески поддерживалось и развивалось матерью, а вот отца мальчик почти не знал. Николая Пономарева призвали в армию в 1914 году, он долго считался без вести пропавшим, а когда вернулся в 1922-м, ушел из семьи. Это наложило особый отпечаток на детство и юношество Николая Николаевича.

Время было тяжелым. В Нижнем Поволжье разруха – последствие интервенции и Гражданской войны. Менцер поступил в школу-девятилетку имени Клары Цеткин и в музыкальную школу по классу скрипки, но после восьмого класса ему пришлось пойти работать. В 1927 году Николая приняли скрипачом в кинотеатр в системе Управления зрелищных предприятий. Именно в первые годы самостоятельной жизни он пробует себя как композитор, занимается импровизацией, но вскоре ощущает нехватку глубоких, фундаментальных знаний и в 1929 году поступает в Саратовский музыкальный техникум.

В Саратове, где ему приходилось не только учиться, но и работать, Менцер попал в класс скрипки профессора В.И. Зайца, который помог молодому музыканту с устройством на работу, с жильем, приютив его даже на некоторое время у себя в доме. Именно В.И. Зайц окончательно убедил ученика посвятить себя творчеству. С первого курса техникума Николай Менцер участвовал в ученическом квартете, где был первой скрипкой, а в 1931 году поехал в Москву, чтобы продолжить свое образование. Вначале в Третьем показательном государственном музыкальном техникуме[1], позднее в областном техникуме при консерватории.

Годы учебы в Москве, с 1931-го по 1933-й, были напряженными и творчески наполненными: Николай Менцер проникал в тайны композиторского мастерства. С 1933 года молодой музыкант руководил оркестром передвижного коллектива Московского драматического театра МГСПС[2] и работал в МТЮЗе[3] в качестве скрипача. Переломным в творческой судьбе Менцера стал 1935 год: он встретился с заслуженным артистом РСФСР Гаврилой Владимировичем Гловацким, который набирал в Москве творческие кадры для Камчатского областного драматического рабочего театра и смог увлечь Менцера перспективой работы на Дальнем Востоке. В этом же году Николай Николаевич получил приглашение на работу в областной драматический рабочий театр [4] в Петропавловск-Камчатский в качестве заведующего музыкальной частью. Здесь композитор впервые познакомился

[1] С 1936 года – Государственное музыкальное училище имени Гнесиных, ныне Государственный музыкальный колледж имени Гнесиных, структурное подразделение Академии имени Гнесиных.

[2] Московский театр профсоюзов, ныне Государственный академический театр имени Моссовета.

[3] Московский ордена Трудового Красного Знамени театра юного зрителя (Московский театр юного зрителя).

[4] Камчатский областной рабочий театр (КОРТ) открылся 21 апреля 1933 г. Ныне Камчатский областной театр драмы и комедии.

с самобытным музыкальным искусством камчатских этносов: коряков, ительменов, чукчей, эвенов. Так началось его долгое путешествие в мир этнической музыки коренных народов Севера, которое продолжалось всю жизнь Николая Менцера.

На Камчатке Менцер работал в театре, на радио, где заведовал музыкальным вещанием и руководил небольшим оркестром. Композитор писал музыку к спектаклям драматического театра: «Платон Кречет» А. Корнейчука, «Путь далекий» Н. Шестакова, «Женитьба Фигаро» П.О. Бомарше, «Таня» А. Арбузова, и одновременно участвовал в концертах как солист и ансамблист. Работал в струнном ансамбле, активно поддерживал самодеятельные театральные коллективы, а в 1936 году организовал музыкальные классы, куда приходили дети из школьной самодеятельности. Спустя год по камчатскому радио состоялась трансляция выступления оркестра народных инструментов под руководством Н.Н. Менцера, где играли камчадалы, коряки, чукчи, эскимосы – учащиеся культпросветшколы.

В 1941 году Менцер переехал во Владивосток на работу в Приморский комитет радиоинформации, но вскоре его жизнь круто изменилась. Причиной стала его национальная принадлежность. Приказом Ленинского

Н.Н. Менцер с преподавателем музыки И.Н. Романовским. 1929

Дальневосточный симфонический оркестр на гастролях в г. Южно-Сахалинске. Н.Н. Менцер во втором ряду первый справа. 1964

Концерт симфонического оркестра Хабаровского краевого радиокомитета на заводе «Энергомаш». Выступает диктор радиокомитета Д.А. Сугробкин. Н.Н. Менцер в первом ряду справа. 1950-е

Дальневосточные композиторы. Слева направо: Б.Д. Напреев, Ю.Я. Владимиров, Н.Н. Менцер. 1960-е

райвоенкомата Владивостока Приморского края с 25 февраля 1942 года Николая Менцера выслали в Верхнебуреинский район. Музыкант и композитор стал спецпоселенцем. В поселке Чегдомын он строил Дом культуры, позднее ему позволили работать по специальности – вести музыкальные кружки и участвовать в зрелищных мероприятиях Умальтинского рудника. Среди таких же спецпоселенцев оказалось немало творческих людей. Вместе с Рудольфом Федоровичем Краузе Николай Николаевич собрал группу людей, умеющих играть на музыкальных инструментах, и они создали оркестр. В феврале 1948 года по ходатайству краевого радиокомитета спецпоселенцу Менцеру разрешили работать в симфоническом оркестре радиокомитета и театре музыкальной комедии в Хабаровске. Но буквально через год в связи с Указом Президиума Верховного Совета СССР, запрещавшим немцам возвращаться к прежнему месту жительства, вернули в Верхнебуреинский район, в поселок Чекунда, где он был принят на работу калькулятором в отдел рабочего снабжения Бурейшахтостроя. И только в 1951 году композитор смог переехать в Хабаровск: он стал работать в симфоническом оркестре Хабаровского радио, а также концертмейстером и дирижером оркестра Хабаровского театра музыкальной комедии.

Служа искусству, Николай Николаевич Менцер оставался спецпоселенцем, и каждое его движение контролировалось спецкомендатурой. На период гастролей первая скрипка театрального оркестра получала маршрутный лист, от которого нельзя было отклоняться. А по приезде в каждый населенный пункт надлежало делать отметки в спецкомендатуре о прибытии и убытии. Театральное руководство давало поручительство за Менцера в том, что Постановление № 5 Совета народных комиссаров СССР от 8 января 1945 года о правовом положении спецпоселенцев им не будет нарушено. Управление МГБ по Хабаровскому краю в свою очередь секретной почтой направляло в свои подразделения уведомления о предстоящих гастролях по пути следования театра – для взятия на временный учет опального скрипача. Лишь в 1992 году Николай Николаевич Менцер был реабилитирован.

Но даже такое унизительное положение не могло остановить этого творческого и энергичного человека. С 1954 года начались его путешествия по национальным селам, в которых он собирал неповторимые образцы песен и инструментальных наигрышей коренных народов. В этих поездках он черпал вдохновение, с которым позднее создавал музыкальные произведения с этническими мотивами. Увлечение этномузыкой развивалось параллельно с работой в Дальневосточном симфоническом оркестре, где Менцер был концертмейстером группы альтов. Этот период творчества принес ему полное признание, в первую очередь, в области музыки, созданной на основе песенного (реже инструментального) фольклора: «Ночная песня» – нанайская (слова А. Пассара), «Желтый песочек» – корякская (слова народные), «Великому другу» – ульчская (слова П. Дечули), «Моя песня» – нивхская (на собственные слова).

Николай Николаевич был частым гостем в национальных селах Хабаровского края – Булаве, Троицком, Богородском, Найхине, Дальже, Гвасюгах, Нижних Халбах и др. Композитор записывал песенные напевы и песни от исполнителей старшего поколения. Среди них негидальская сказительница Евдокия Иннокентьевна Спиридонова, старая ульчанка Ольчи Алтака. Знакомство с ульчем Петром Леонтьевичем Дечули, представителем сравнительно молодого поколения, позволило композитору узнать современный приамурский фольклор. И еще Николай Менцер поддерживал художественную самодеятельность национальных сел во время ежегодных праздненств и фольклорных экспедиций. В январе 1960 года состоялся большой авторский радиоконцерт Менцера, а осенью его приняли в Союз композиторов РСФСР.

Неугомонная энергия Николая Николаевича требовала новых дел. Он делал попытки сформировать национальный ансамбль в нанайском селе Троицком. В 1966 году при Дальневосточном отделении Музыкального фонда СССР с его помощью образован женский вокальный ансамбль «Мелодии Севера», который с большим успехом гастролировал по краю. Репертуар ансамбля состоял преимущественно из обработок народных песен. В 1970 году Н. Менцер организовал вокальный ансамбль при училище искусств. Его не покидала идея создать профессиональный национальный ансамбль, и ансамбль должен был по замыслу композитора стать его основой. К сожалению, и на этот раз причины нетворческого порядка помешали осуществить мечту. Однако Менцер не оставил идею создать такое учреждение, которое сохранило бы богатство народного песнетворчества. Он много ездил по Дальнему Востоку, записывал, помогал самодеятельным коллективам, выступал в печати, на радио и телевидении, читал лекции, готовил до-

Чукотско-эскимосский ансамбль «Эргырон» («Рассвет»). 1977

клады для научных конференций, находился в контакте со многими советскими и зарубежными учеными.

Участвуя в творческих конкурсах, песни Николая Менцера «По ягоды» (свободная обработка удэгейской мелодии), «Мелодии города» на стихи А. Карасика, «Прилетят весною птицы» на стихи Э. Линаск, «Баллада о Севере» на собственные стихи были признаны лучшими и отмечены премиями. Композитор создал много произведений в самых разных жанрах на фольклорном материале. Среди них «Эвенкийская рапсодия» (1958), сюита в четырех частях «Нивхские сюжеты» (1959), концерт для скрипки с оркестром в трех частях (1962), «Танцевально-игровая сюита» в трех частях (1965), «Ульчская сюита» в трех частях (1966), негидальский танец «Ходзё», симфоническая картинка «Катока» (1965), «Амурские фрагменты» (1966), неоконченная оперетта «Девушка из Найхина», балет «Анга» (в соавторстве с С. Томбаком и Ф. Садовым) по нанайской сказке, симфоническая поэма «Чайка и Буревестник» (1969). В сборник «Мой край» вошли песни Менцера «Мой край», «Нанайская рыбацкая», «Каюрок», песни «Удэгейские девушки», «Лодочка», «Край любимый», «Чикченку» и др.

Особая страница в творческой биографии композитора – работа в чукотско-эскимосском ансамбле «Эргырон» («Рассвет»)[5]. Мечта Менцера о создании профессионального национального ансамбля сбылась. С 29 июля 1968 года по июнь 1970 года Н. Менцер являлся главным дирижером и музыкальным руководителем «Эргырона». Артистами ансамбля становились молодые чукчи и эскимосы – выходцы из самодеятельности и выпускники Магаданского и Петропавловского музыкальных училищ. В состав ансамбля вошли небольшая вокальная группа, инструментальный ансамбль из пяти человек и танцевальная группа. В первые месяцы была подготовлена программа, в которой прозвучали написанные на основе чукотского и эскимосского фольклора инструментальные произведения Менцера: «Маршевые ритмы эскимосов», «Северная фантазия», «Оленьи гонки»; песни «Просторы тундры», «Эймитгэкэй»; танцы «Руки чукчанки», «Танец радости». И даже уйдя на пенсию в 1970 году, Н. Менцер не порывал творческих связей с «Эргыроном». Принимал участие в работе над второй (1972) и третьей (1975) программами ансамбля, написал «Женские танцы Чукотки», песни, вокальные партии, обработки и оригинальные сочинения, базирующиеся на чукотском и эскимосском фольклоре. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР в 1981 году за заслуги в области советского музыкального искусства Николаю Николаевичу Менцеру присвоено звание заслуженного деятеля искусств РСФСР.

В 1997 году Николай Николаевич Менцер ушел из жизни. В Хабаровске, на доме по улице Ленина, где композитор прожил 35 лет, в 2004 году установили мемориальную доску. В 2002 году вдова Н.Н. Менцера передала в Государственный архив Хабаровского края его личные документы и нотные рукописи.

Фото из Госархива Хабаровского края

[5] Н.Н. Менцер – один из основателей и первых руководителей чукотско-эскимосского ансамбля «Эргырон». В 1974 г. ансамблю присвоен статус государственного, в 2000 г. постановлением губернатора Чукотского автономного округа ансамбль «Эргырон» включен в Свод особо ценных объектов культурного наследия народов Чукотки.

Визит к шаману

Записки фотокорреспондента

Валерий ТОКАРСКИЙ

Краевая газета. Литературный сотрудник – женщина обзванивает коллективы предприятий накануне приближающегося праздника. Раньше он назывался День сталинской Конституции. Но в связи с открывшимися подробностями в культе личности предыдущих вождей зовется просто День советской Конституции.

На листе бумаги появляются строки. О том, что в коллективах крупных заводов города досрочно сдали турбину, несколько сверхплановых дизельных двигателей отправлены рыбакам на Камчатку. Перевыполнены социалистические обязательства трудящимися края, пошито столько-то одежды сверх плана, надоено столько-то молока, а от бычков получены дополнительные привесы.

Новости хорошие, но такими же они были и в предыдущие праздники. Ответственный секретарь газеты требовал чего-нибудь «вкусненького»…

Следующий звонок газетчицы был в Гидрометцентр. Хотелось сообщить читателям о хорошей зимней погоде в день праздника. Метеорологи пообещали погоду без потрясений. Заодно сообщили, что на дальние метеостанции начальство отправляет вертолет с необходимым оборудованием, продуктами питания, зимней одеждой, книгами, газетами, журналами. Следующий полет будет в марте будущего года.

В этой новости было уже что-то нестандартное. Захотелось побывать далеко-далеко, увидеть тех людей, которые несут трудовую вахту в необычных условиях. Редакционное начальство дало добро. Через три часа с начала полета корреспондент и фотокорреспондент газеты высадились на вершине горы в таежной глубинке на площадке перед несколькими домиками метеостанции. Коллектив станции – два человека, муж и жена. Их задача - несколько раз в сутки передавать данные наблюдений. Живность: собаки, кошка, козы, куры. Был поросенок, с первыми холодами его забили. Мясом обеспечены до окончания зимы. Жизнь размеренная. День сегодняшний похож на день вчерашний. И завтра будет такой же. Начальник метеостанции и радист обрадовались вертолету. Груз был перенесен под крышу. Осталось время, чтобы расспросить гостеприимных хозяев о жизни, сделать несколько снимков для газеты. Блокноты наполнялись строками, фотокорреспондент все нажимал и нажимал на кнопку спуска затвора фотокамеры. За чаем стали неспешно делиться новостями. Гости рассказывали о жизни в краевом центре. Хозяева – о медведе, который все лето пытался проверить маленькую пасеку да пугал домашних коз. Хорошо, что собаки предупреждали появление пришельца отчаянным лаем.

Рассказали и о соседях, что живут на берегу таежной реки. Что за люди? Глава семейства когда-то был проводником у Арсеньева. Журналисты попросили рассказывать неспешно и подробно. Выяснилось, что старик не помнит, сколько ему лет. Говорил, что родился в тот год, когда в тайге бушевал большой огонь, тигры и медведи, предчувствуя беду, разом исчезли. Вслед за ними ушли из этих мест и люди. Семья большая, живут так, как жили их предки и пятьдесят, и сто лет тому назад. Командир экипажа вертолета, заметив азартный настрой своих пассажиров, сказал, что гости могут задержаться на метеостанции до вечера следующего дня. Маршрут это позволял. Груз ждали еще в трех точках на севере края. На обратном пути вертолетчики обещали забрать пассажиров.

Быстро собрались в дорогу, то есть оставили лишние вещи. Фотограф решил идти налегке, взяв с собой только один фотоаппарат с запасной катушкой пленки. Дорога к стоянке загадочного семейства была проста. С вершины горы нужно было по тропинке спуститься к стойбищу на берегу реки. Сколько времени это займет? Минут сорок. На самом деле спускались по тропе два часа. Обувь горожан не была приспособлена для ходьбы по лесу, где уже лежал первый снег, на некоторых участках тропы был довольно крутой спуск. Приходилось прыгать через канавы, упавшие деревья преграждали дорогу. Высоко в небе пророкотал двигатель вертолета. Завтра будем дома, думалось газетчикам. Ожидание удачи скрашивало неудобства дороги.

Увиденное на берегу реки превзошло все ожидания. Было впечатление, что время повернулось вспять на несколько десятилетий. Поразили постройки, одежда жителей стойбища. Все напоминало музейные экспонаты.

Старик лежал на теплом кане. Ему нездоровилось. Вспоминались молодость, многочисленные родственники его рода. Был год, когда довелось быть проводником в военном отряде русских, забиравшихся в такие дебри, откуда их вывести мог только опытный охотник. Именно таким, вспоминал старик, был он – сильным, удачливым. Запомнился старший в отряде, приветливый офицер. Хорошо платил за работу. У старика и сейчас хранятся несколько серебряных монет в память о том офицере. Офицер много расспрашивал о местности, постоянно писал в толстых тетрадях. Уже потом старик, когда сносно научился говорить по-русски, узнал, что того военного звали Арсеньевым. Китайские купцы его боялись. Потом китайцы исчезли. Русских, сколько старик себя помнит, было много. Одни заставляли носить на шее крестик, крестили всех поголовно. Пришли другие, церкви приспособили для школ и клубов. Начали учить грамоте детей, а потом и взрослых. Приучать к умыванию водой в бане. Плохого в этом ничего не было. Быстро привыкли.

Русские любили собрания. По изучению текущего момента. По сбору денег на строительство ди-ри-жаб-ля. Потом начали организовывать колхозы, а в них, ударные бригады. Охотников опытных и неленивых решили раскулачивать. Все это старик в молодые годы терпел. Не смирился, когда русские и активисты сельсовета стали проводить туземные суды (тузсуды) над теми охотниками, у которых было по две-три жены. Многоженство на Амуре с давних времен считалось делом обычным. Одна жена занималась домашним хозяйством, другая искусно шила одежду для охотников – главы семейства и его сыновей. Третья жена, самая молодая, помогала старшим и училась премудростям жизни. Конечно, глава рода иногда позволял себе «поучить» жен, применив при этом кулаки. Что в этом плохого? Вот и русские женщины говорили в ту далекую пору, когда старик еще не был стариком, о своих мужьях, что если те их бьют, то любят. Но в красной юрте активисты решили ломать старые обычаи. Туземные суды работали без перерыва, охотников подвергали мерам социальной защиты – нескольким годам лишения свободы. Но принимая во внимание, что охотники, как правило, «были бедняками, неграмотными, имели первую судимость, не являлись для общества социально опасными, суд считал возможным заменить лишение свободы принудительными работами неквалифицированного труда с отчислением половины заработка в доход государства».

Старик помнит, что после суда «работ неквалифицированного труда» в тайге для него не нашлось. Помнит, какой штраф ему пришлось заплатить. После тех событий семейство охотника стало кочевать по таежным рекам. Подрастали дети. Сыновья стали отличными охотниками, работали проводниками в поисковых геологических партиях. Дочери могли выделать шкуру любого крупного таежного зверя, во время путины все вместе управлялись с заготовкой рыбы на долгую зиму...

Старик повернулся на кане на другой бок. Стало както неуютно. Старик почувствовал скрытую угрозу. Он не знал, как это происходило, но в минуту опасности вдруг мог видеть далеко. Вот и сейчас он знал, что к его стойбищу приближаются люди, от которых нечего ждать чего-либо хорошего. Они ему напомнили активистов красной юрты – любопытных, неугомонных. Двое медленно продвигаются к стойбищу, будут здесь не очень скоро.

…Весть о начале большой войны разнеслась по тайге с непостижимой скоростью. Старик знал, что беда эта будет долгой. Оба его сына ушли на войну. На фронте молодые таежники продолжали охотиться на хищного зверя. Теперь он был в человечьем обличье. Единственной весточкой от сыновей осталась газета, где с плохо воспроизведенного снимка братья серьезно глядели на мир и никак не могли наглядеться. Под фотографией была подпись, где бойцов называли отважными снайперами. Похоронили их на берегу большой русской реки. Старик помнил, что когда дети его били зверя на фронте, он сдавал шкурки соболя заготовителю. Тот говорил, что они идут в фонд обороны. Об этом у старика хранится бумага с подписью большого начальника. Старик знал, что его сыновья будут убиты на войне, уйдут в нижний мир. Знал, и отпустил их далеко от дома. Знал, что без его сыновей и сыновей других отцов война может затянуться надолго.

С окончанием войны жить не стало легче. В тайге, которая всегда была домом для тех, кто относился к ней с уважением, снова появились чужие люди. Лесозаготовители с каждым годом все больше корежили тайгу. Возобновились работы на старых золотых приисках. Неспокойно стало в лесу. И еще новость: обнаружились люди, чем-то похожие на того ладного офицера, который гонял китайцев и писал в толстой тетради. Они тоже много расспрашивали, много писали. Но проводники им не были нужны, денег от них за работу никто не дождался. Они шли в сельсовет, показывали важную бумагу. Те, кто видел этот документ, говорили, что та бумага была из а-ка-де-мии. И вот везут этих людей на батах туда, где на другой бумаге у них крестиком отмечено покинутое стойбище. Так люди из а-ка-де-мии добрались до того места, где когда-то на свет появился старик. Там-то и случилось самое страшное, чего нельзя себе представить. Люди из а-ка-де-мии потревожили умерших. Раскопали могилы. В том числе и ту, где покоились останки его матери...

Старик заворочался на лежанке. Он понял, что пришельцы добрались до их стойбища. Мужчина и женщина ввалились в землянку. Тусклый свет из оконца освещал их фигуры. Было видно, что они устали, спускаясь с вершины горы к реке.

Пока женщина-корреспондент донимала старика вопросами, фотограф прикидывал, как сделать снимок. Хозяин стойбища был персонажем что надо. Сгорбленная фигура, теплая куртка, шапка на голове. Запах табака из трубки, зажатой в морщинистой руке. «Шаман», – окрестил его почему-то фотограф. Все это хорошо для будущего кадра. Но темно. Малочувствительная пленка не вытянет изображение. Нужно что-то предпринять. Фотограф попросил хозяина выбраться на воздух. Угасающий декабрьский день еще позволял сделать снимок. Но старик не понимал, что от него нужно фотографу. Вопросы корреспондента про Арсеньева старик не понимал или не хотел понимать. Время неумолимо уходило. Казалось,

что абориген по-русски не говорит. Фотографа вдруг осенило. Он подошел к лежанке, подхватил сидящего на ней старика на руки и вынес его на воздух. Было еще достаточно светло. Вдруг повалил снег. Его крупные хлопья контрастно выделялись на темном фоне деревьев. Фотограф усадил старика на поленницу дров, принялся за фотосъемку. Лицо старика ничего не выражало. Он словно застыл в своих думах. Глаза были прикрыты веками, казалось, что жизнь покинула старое тело. Лишь дым из трубки с табаком в крепко зажатой руке струился вверх. Фотограф еще несколько раз нажал на кнопку спуска затвора фотокамеры. Не беда, что старик не смотрит в объектив. В подписи к фото читателям можно объяснить, что тот вспоминает именитого путешественника и время, когда служил проводником у Арсеньева. Уходящий день позволял ещё сделать несколько снимков. Из соседней землянки показались женщины с детьми.

Фотограф рванулся к новым героям своего творческого процесса. Вокруг молодой женщины собрал весь выводок детворы, старшую поставил на переднем плане. Композиция выстроена. Глянул на картинку через видоискатель. В левой стороне кадра заметил старика. Его ссутулившаяся фигура опиралась на посох. «Жив», – отметил с удовлетворением фотограф, сделав очередной снимок. Оставшиеся кадры на фотопленке потратил с толком. Таежная река была величественна в заснеженных берегах. Подумалось, что Арсеньеву было очень неуютно во время путешествия по этим местам в зимнее время. Тем временем литературная сотрудница заполняла блокнот строками, которые могли стать забойным материалом. Своеобразным путешествием в прошлое. Все, можно отправляться в сторону метеостанции.

В стойбище наступила тишина. Снег мигом засыпал следы пришельцев. От зажженных очагов в землянках поднимался в темнеющее небо дым.

Старик снова устроился на теплой лежанке. Почувствовал наступившее умиротворение. Совсем скоро его душа уйдет в иной мир – туда, куда ушли его старшие сыновья и другие родственники. Здесь, в этом мире, дело отца продолжает третий сын. Вырастит своих детей, которые понимают язык леса, зверей и птиц. Мысли старика, словно вода неторопливого ручья, растекались по прошлому, настоящему и будущему.

Старик был спокоен. Неожиданные гости были не страшны. Знал, что они никому не смогут рассказать о стойбище на берегу реки. Младший сын скоро вернется в теплое жилище с хорошим уловом рыбы. Зима будет хороша для охоты. Внуки радуют. Умеют многое, что необходимо делать в тайге. Они здоровы и трудолюбивы.

Тем временем журналисты от подножия горы стали подниматься вверх к метеостанции. Усиливающийся снегопад и наступающие сумерки сократили видимость. Декабрьский день был на исходе. Нужная тропа постоянно куда-то ускользала. Мысли крутились вокруг недавней встречи. Не укладывалось в голове, что в стране победившего социализма можно встретить островок прошлой жизни. Ясно было, что материал о семье аборигенов, затерявшейся в тайге, не может появиться на страницах главного печатного органа краевого комитета партии. Не пропустят. Да и про Арсеньева его проводник не очень-то и рассказывал.

Но про это все потом. Сейчас стояла задача, как кратчайшим путем добраться до метеостанции. Нужная тропа была укрыта от глаз путников пушистым слоем снега, который беспрестанно валил с темных небес. Страшно не было. Станция находилась на вершине горы, нужно карабкаться вверх, и цель будет достигнута. Через час подъема силы оставили женщину. Она просила фотографа бежать к людям за помощью. Ноги не слушались ее. Молодой мужчина понимал, что выходить из тайги к жилью нужно только вместе. Чуть ли не взвалив терявшую сознание коллегу себе на спину, он медленно стал подниматься вверх по склону. В какой-то момент почувствовал, что силы его удвоились и утроились, будто кто-то неведомый мягко поддерживал его на подъеме. Стали слышны выстрелы из ружей, лай собак, потом послышался голос метеоролога. Скоро путники ввалились в тепло избы метеостанции.

Дрожавшую от холода и пережитого волнения женщину уложили к теплой печке. Горячий чай, казалось, грел душу. За окном дома завыл ветер, неся тучи снега.

Метель не прекратилась и в следующие сутки. Ветер гудел в печной трубе. Стало ясно, что винтокрылая машина за журналистами не прилетит. У корреспондента поднялась температура. Лежа под одеялами и огромным тулупом, она надсадно кашляла.

Вертолет санитарной авиации прилетел за больной через десять дней. Из аэропорта ее доставили в краевую больницу, где предстояло долгое лечение. Фотокорреспондент открыл дверь квартиры своим ключом. Мать, увидав сына, заплакала. Все десять дней она была в неведении, не знала, что случилось с сыном. Оказалось, все просто. С метеостанции азбукой Морзе через промежуточную станцию отправили сообщение в редакцию газеты о нелетной погоде в районе пребывания в командировке двух сотрудников этой самой редакции. В пути телеграмма затерялась. Неизвестность породила слухи о несчастье.

После приключения в тайге прошел месяц, затем другой. Зима заканчивалась. Литературная сотрудница выписалась из больницы, но чувствовала себя неважно. Профком редакции газеты выхлопотал для нее путевку в санаторий, куда она и отправилась поправлять здоровье.

Фотокорреспондент, обладавший в те времена завидным здоровьем, продолжал трудиться в редакции. Фотографировал передовиков социалистического соревнования в разных отраслях промышленности и в сельском хозяйстве, студентов во время экзаменационной сессии в вузах края. Его хвалили за работу. Но снимки той злополучной командировки никак не могли попасть на газетную полосу. Причина проста: не было текстов о работниках метеостанции, проводнике знаменитого путешественника, о стойбище аборигенов и образе их жизни в глухой тайге… Неважное здоровье и что-то непреодолимое мешало литературному сотруднику завершить работу. Члены редакционной коллегии не торопили. Понимали, что та командировка на Север осталась в ее памяти страшным сном.

Река Керби. Семья. 1899 год. Фото Эмиля Нино

Фотограф время от времени сдавал снимки с каких-то событий, проходивших в крае, в редакции других газет. Как говорится, подрабатывал. Начальство во всех газетах на подобные действия своих фотомастеров смотрело сквозь пальцы, хотя (это было известно) не поощряло такую «инициативу». Когда перед утренней планеркой фотокорреспондента пригласил в свой кабинет ответственный секретарь газеты, и в его кабинете на видном месте красовалась первая полоса чужого издания с отличными фотографиями метеорологов, то стало ясно: день не задался. Потом с ним разговаривали оба заместителя редактора, затем и сам редактор, говоривший об ответственности перед коллективом газеты, о чести журналиста. Воспитание закончилось на планерке, когда фотокорреспондент обратился к присутствующим, объясняя причину «инициативы» тем, что снимок сделан в начале зимы, а сейчас на дворе весна и зимний сюжет летом не напечатают в газете; что, в конце концов, метеорологам, их детям и внукам будет приятно увидеть снимки на первой полосе, пусть и чужой газеты. Сочувствия окружающих своей речью не вызвал. Пачку фотографий с изображениями стойбища и его обитателей, как говорится, от греха подальше фотограф сдал в краеведческий музей. Что касается снимков с изображениями метеорологов, окрестностей станции, то фотографии были отмечены дипломом Всесоюзной выставки «Семилетка в действии». Вернисаж состоялся в столице, затем коллекция фотографий начала путешествие по крупным городам страны. Наконец добралась и до краевого центра. Члены редколлегии газеты гордились тем, что их сотрудник стал лауреатом престижного журналистского конкурса.

С той поры минуло пятьдесят лет. Фотокорреспондент уже давно получает пенсию. Время от времени к нему обращаются ответственные секретари газет нового столетия в надежде получить из его архива редкие фотографии, на которых запечатлено ушедшее время и его герои. Недавно краевой музей имени Н.И. Гродекова издал книгу с воспоминаниями той активистки, которая заседала в тузсуде. В книге много фотографий времен коллективизации. Попал на страницы издания и снимок, сделанный фотографом в стойбище рядом с метеостанцией. На снимке шестеро детей, две женщины, в углу фотографии можно разглядеть старика с палкой. Кажется, что он загадочно подмигивает нам. Под снимком указана дата фотосъемки – 1929 год. Но эти цифры неверны. Издатели ошиблись на тридцать лет.

Но это знает лишь сам фотограф, и знал тот старик, который был, надо полагать, шаманом.

Хабаровск.
21 июля 2010 г. – 15 октября 2011 г. – декабрь 2012 г.

Праздник Белого медведя

Игорь СИМОНОВ
Фото автора

Четвертые сутки над заливом Креста висит непроницаемая пелена тумана. Словно сотни тонн тонковолокнистого хлопка рассеяли в воздухе. Аэропорт замер. Четвертые сутки сижу в диспетчерской, жду погоду, чтобы вылететь в чукотско-эскимосское село Уэлькаль. Здесь, в Чукотском автономной округе, будет проходить праздник Белого медведя. Это древняя эскимосская традиция – проводить праздники, посвященные животным.

На пятые сутки ночью неожиданно разразилась гроза, да такая, какой не помнят самые старые жители Эгвекинота. Мощные струи дождя так хлестали по крышам и каменным склонам сопок, что кольцом окружили районный центр. Молнии раскалывали потемневшее небо. Грохотал гром. После грозы прояснилось. И чуть свет «вертушка» (так здесь называют вертолет) взмыла в воздух.

В иллюминатор видны ледяные поля, заполнившие залив, и среди них точкой маячит ледокол «Ермак», который проводит суда порт Эгвекинот. Взметнулись ввысь крутолобые вершины сопок, в складках которых лежит снег. Вертолет то и дело ныряет в туманную пелену, окутавшую залив. Летим совсем низко, кажется, что вот-вот лопасти винтокрылой машины заденут водную гладь. Примерно через час полета внизу под нами проносятся домишки села Уэлькаль, расположившегося у самого уреза воды. Уэлькаль в

переводе с эскимосского языка обозначает «нижняя челюсть кита». Еще в воздухе слышу ритмичные звуки яраров, а на берегу видны десятки людей в цветастых одеждах.

Вертолет делает круг и садится на площадку, расположенную почти у самых домов поселка. Люди в праздничных кухлянках высыпали нам навстречу. На берегу установлена яранга. Здесь будет проходить праздник. По его условиям, самый удачливый охотник должен привести своим сородичам в гости Белую медведицу. Собравшиеся на берегу с нетерпением всматриваются в морскую даль. Вот на горизонте показалась черная точка. Она все ближе и ближе… Над морем раздается клич: «О-гой! О-о-о-о-гой!» Это хозяин-охотник извещает, что везет в гости Белую медведицу. В руках у него расписное весло. В ответ на берегу зазвучали ярары (ярар – музыкальный инструмент чукчей, представляющий собой рамный мембранофон с крестовидной держалкой на тыльной стороне. – *Примеч. ред.*). Белая медведица ступает на землю. Ее встречает жена хозяина, подносит ритуальное ведерко с водой, дает из него отпить.

– А, мын мытьенмык (Вот и приехали), – говорит хозяин. – Гостья наша, пойдем в наш дом.

Все направляются к яранге. Впереди, конечно, бегут дети. Девушки обхаживают гостью: подносят ей белые и пестрые шкуры, расстилают их, приглашают садиться. Затем угощают чаем и строганиной.

– Вэлымкык, у, нэ! (Спасибо за гостеприимство), – говорит Белая медведица.

Ритуал праздника соблюден, теперь можно поговорить о серьезных вещах.

– Как идут дела, что нового произошло в селе, как учатся ваши дети? – спрашивает гостья.

Уважение к гостю прежде всего! И собравшиеся оленеводы, морзверобои, животноводы рассказывают о своих делах и заботах.

– Ка-а-ко-мэй! – говорит гостья. – Славно вы потрудились, а вот детишки ваши здоровы?

– Все здоровы! – отвечают стоящие рядом школьники. – Все мы учимся. В нашей школе нет лентяев!

– Тогда веселью час настал, – говорит Белая медведица.

Звонко ударили ярары, полилась песня: выступает национальный ансамбль «Имля». Потекли, как ручей, сказки и скороговорки. Поплыли в танце участники праздника...

Праздник Белого медведя имеет глубокие корни. На протяжении сотен лет береговые чукчи и эскимосы, потомственные морзверобои и охотники, выходили в море на добычу морского зверя. Выходили на лодках-байдарах, сделанных из моржовых шкур. Оставшиеся на берегу женщины и дети с надеждой ожидали их возвращения. История народов Чукотки богата различного рода традициями и обрядами, родившимися из наблюдений за природой, за жизнью животных и посвященных началу сезона охоты или его завершению.

Долго длится веселье. Под конец одна из старейших жительниц поселка подносит гостье подарок – торбаса и коврик, расшитые волосом оленя.

– А, тав! Пусть сопутствует удача вам в охотничьем сезоне, – вставая, говорит гостья. – До встречи!

И она состоялась через считаные минуты. Не успели отгреметь ярары, как на берег вышли два настоящих белых медведя. Не обращая внимания на сотни собравшихся на берегу людей, звери не спеша, по-хозяйски шествовали по берегу и стряхивали со своих белоснежных шкур капли воды. Около двух часов бродили они по берегу, радуя все население села, а затем, разбежавшись, прыгнули в воду и поплыли через пролив к видневшимся вдали льдинам.

Попытка узнать

Историко-архитектурное исследование «По следам «Дальстроя» в Якутии». Экспедиция по маршруту Якутск – Хандыга – Тополиное – Оймякон – Усть-Нера. 19–31 июля 2012 года

Нулевой пикет хандыгской трассы (п. Хандыга).
Сидят: И.И. Игошин, И.И. Шишигин, С.А. Дыминский.
Стоят: Н.П. Крадин, И.А. Николаев, Н.Н. Алексеев, В.В. Носырев

Вместо предисловия

Дружбе якутских и хабаровских архитекторов много лет. Не будет большим преувеличением сказать, что во всем нашем Союзе архитекторов России таких тесных связей между региональными организациями нет. Много было увлекательных совместных путешествий: на знаменитые Ленские столбы, по прекрасной реке Амге к Амгинским столбам и к местным коневодам, неоднократные поездки на Ысыах – праздник встречи солнца. Но эта поездка особая.

Откровенно говоря, разговоры о ней шли не один год. Заводилой всегда выступал Иннокентий Афанасьевич Николаев (Кеша), изъездивший эти места вдоль и поперек, в том числе на пару с Николаем Николаевичем Алексеевым (Колей) на велосипедах. Конечно, с той поры, как мы учились в институте, многие обзавелись степенями, лаврами лауреатов, должностями и животами, но здесь, в поездке, мы остаемся Витьками и Сережьками[1]. Регалии оставляем руководителям.

«Старые мосты исчезают, их надо успеть если не сохранить, то зафиксировать», – говорил и говорил Кеша[2], но ставил одно условие: Николай Петрович Крадин, наш институтский учитель, он же доктор архитектуры, профессор, член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, должен принять участие в этой экспедиции в качестве научного руководителя.

Технический руководитель – Иван Иванович Игошин, краевед, профессиональный турист и проводник, сертифицированный спасатель, академик Российской академии туризма, был готов в любое время. Наконец все срослось: отпуска, дела, работа и прочее были подогнаны, и мы собрались вместе.

Н.П. Крадин – архитектор, научный руководитель экспедиции (Хабаровск); И.И. Игошин – профессиональный турист, технический руководитель (Хандыга). Члены экспедиции: Н.Н. Алексеев – архитектор (Якутск); С.А. Дыминский – архитектор (Хабаровск); З.В. Игошина – жена, друг и помощник И.И. Игошина (Хандыга); Т.В. Копырин – строитель (Якутск); И.А. Николаев – архитектор (Якутск); В.В. Носырев – архитектор (Хабаровск); И.И. Шишигин – архитектор (Якутск).

Маленькая деталь: четверо архитекторов – членов экспедиции – ученики Н.П. Крадина.

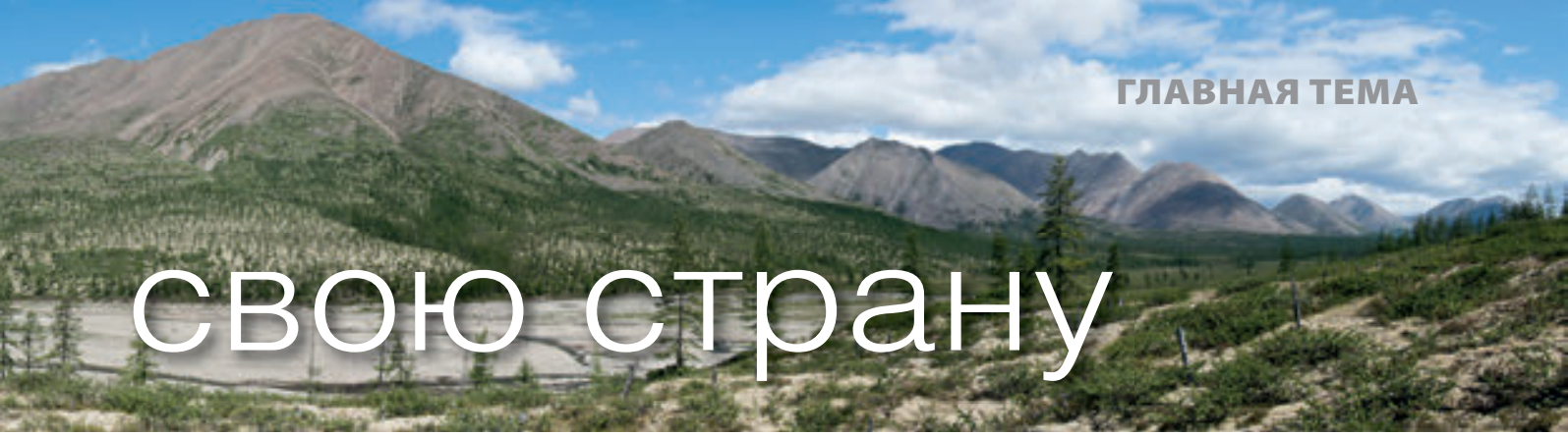
Первоначально во время экспедиции строчить заметки бросились многие, но настоящим Нестором стал именно Иван Ильич Шишигин: он не бросил этого занятия до последнего дня. Каждый вечер он уходил от шума и суеты подальше в лес и творил летопись экспедиции, тратя на это немало времени. И когда редакция журнала обратилась ко мне с предложением рассказать о нашей поездке, я позвонил именно ему. Ильич не возражал против публикации и предложил мне сделать некоторые правки, чем я с удовольствием воспользовался. В основном это касается сносок, и лишь информацию о Э.А. Герлингере я включил в текст: когда Ильич писал свои заметки, некоторых деталей мы еще не знали.

Сергей ДЫМИНСКИЙ

[1] Именно так Кеша кричит в телефон: «Сережька (или Витек), давай приезжай!»

[2] Почему мосты? Просто мосты красивы, а деревянные вдвойне. А может, это «голос профессии»: ведь когда-то мостостроение, так же как и кораблестроение, было уделом гильдии архитекторов.

Ольчанский перевал



свою страну

Пейзажи вдоль дороги недалеко от Заячьей Петли

Полевые заметки

Иван ШИШИГИН

18.07.12. Якутск

Утро – визит вежливости наших друзей Н.П. Крадина, С.А. Дыминского, В.В. Носырева в институт «Якутпроект». До обеда посещение музея (краеведческая выставка, посвященная 100-летию А.В. Ополовникова[1]). Экскурсия по Якутску, посещение вновь построенных объектов – бассейна, спорткомплекса, моста.

19.07.12. Якутск

8.00 – выезд на арендованном микроавтобусе из Якутска. Напихали все, что можно. Удачно погрузились на паром Якутск – Нижний Бестях.

Нижний Бестях – как никогда много ГАИ, остановили два раза. По трассе первая наша остановка была в небольшом селе у старой чайной. Долго осматривали деревянную скульптуру артиллериста[2] – местного жителя Гаврила Дмитриевича Протодьяконова. В Отечественную он в одиночку отбивался от фашистских танков в Сталинграде, получил Героя и был личным другом Чуйкова.

Чурапчу и Чёркёх пролетели пулей. Наша задача – попасть на последний паром через Алдан к 21.00. По пути попали в дождь, дорога была слякотная. Прибыли вовремя, но паром ждали долго, часа два или больше.

Открытие: на берегу Алдана В.В. Носырев нашел хрен! Хабаровчане быстро сообразили и приготовили 1,5 литра настойки на хрене. Вот так!

В Хандыгу прибыли где-то в 01:00. Встретил нас легендарный И.И. Игошин. Устроились в гостиницу энергетиков, легли спать приблизительно в 3:00.

20.07.12. Хандыга (гостиница энергетиков)

10:00 – прием у главы улуса Г.Е. Герасимова. Официальная часть.

Узнали, что наша машина, КамАЗ (вахтовка), задерживается – не успели проскочить трассу до начала взрывных работ. Несколько часов простоя на трассе сдвинули наш график практически на сутки. Оперативно поменяли программу. До 18:00 – посещение достопримечательностей Хандыги: церкви, нулевого пикета магаданской трассы[3], гулаговского лагеря (два здания, сохранившиеся до сих пор).

Прочитал рукопись И.И. Игошина о ГУЛАГе – шикарная информация. Оказывается, я многого не знал!

21.07.12. Утро. Река Восточная Хандыга

В 10:50, к нашей великой радости, подъехал КамАЗ. Наши спасители – три геолога, из которых я особо запомнил двоих – водителя Андрея и Виктора, главного геолога солидной фирмы. На сборы 30 минут, и все на местах. В КамАЗе к нашей восьмерке присоединилась и супруга И.И. Игошина Зоя Викторовна.

---

[1] Ополовников Александр Викторович – советский и российский ученый, архитектор, реставратор, академик, доктор архитектуры. Его огромная архитектурно-художественная культура и, главное, любовь к России позволили не только воскресить величественные образы архитектурных шедевров, но и подняли на достойную высоту смысловое значение их реставрации – как яркого отражения христианского мировоззрения русского народа. Имя Ополовникова уже неотделимо от Кижей и русского деревянного зодчества. По его проектам и под непосредственным руководством восстановлено свыше 60 памятников в северных областях Европейской России, в Сибири, Якутии; еще около 300 детально исследованы и графически реконструированы, включая многочисленные и разнообразные сооружения городов-крепостей, в том числе заполярных – от Колы до Колымы.

Никто не планировал такого совпадения, но все же: Н.П. Крадин, которого мы единогласно выбрали нашим научным руководителем, неоднократно бывал в экспедициях с Ополовниковым и является соавтором ряда его публикаций.

[2] «Самодеятельные» памятники односельчанам – героям войны весьма распространены в якутских селах. Они бесхитростны, порою наивны, но всегда искренни. Истинная, не официозная гордость за своих земляков.

[3] Два распространенных заблуждения «в одном флаконе». Первое: часто люди считают, что трасса, которую строили в суровые времена ГУЛАГа, шла от Якутска до Магадана. Это не совсем так, гулаговская трасса начиналась именно в Хандыге, поэтому там «нулевой» пикет, тогда и возникло это поселение. В 1938-м – пристань Хандыга, в 1939-м – поселок, в 1941–1943 годах – Алданский исправительно-трудовой лагерь «Дальстроя», в 1951–1954 годах – управление Янстройлага, Хандыгский ИТЛ УСВИТЛа.). Второе: это была дорога Хандыга – Оймякон. Первоначально дорогу на Оймякон планировали вести из села Крест-Хальджай, но М.К. Карпов, начальник дорожно-изыскательской экспедиции «Дальстроя», предложил строить ее с новой точки, выбрав берег Алдана. Так возникла Хандыга и «хандыгская трасса» (последнее наименование сегодня практически забыто).

Нельканский перевал. Если мы займемся съемкой нового «Властелина колец» - то только здесь!

Выход на маршрут

Н.П. Крадин. Да, здесь есть о чем подумать…

Наша задача – доехать до Теплого Ключа[4], оставить джип Н.Н. Алексеева – и остановка на 100-м километре. В Теплом Ключе предположительно «короткая», но очень продолжительная остановка у гостеприимной семьи Юры Шебалкина (он знаком с Кешей и моим братом). Хороший молодой человек! Дегустация хариуса (солоноват).

Едем дальше, остановка «100-й километр». Кстати, как нам подсказал Юра, слева в лесу находится неизвестное сооружение. Встали цепью и пошли на поиск. Нашли! Непонятное сооружение. Провели пробный осмотр, сняли участок комплекса (все находится в фотографиях и обмерных чертежах) [5]. Общий вывод – объект крайне интересный, необходимо серьезное обследование. Дальше поворачиваем на 90 градусов и едем по направлению к Тополиному. Переезжаем много рек с мостами гулаговских времен.

Конечная точка – 200-й километр (там водопад!).

Разбиваем базу. Где-то в 20 километрах позади нас остались двое геологов – промышляют хариуса. Будет на следующий день уха или что-нибудь…

22.07.2012

Наша задача – посещение лагеря ГУЛАГа, тропа к нему где-то в 500 метрах от нас по дороге. Короткие сборы, и мы пошли, оставив в лагере двух поваров.

Нашли спуск, добрались. Конечно, увиденное подавляет. Все заросло. Целый комплекс лагеря 1950-х годов. Есть сохранившиеся объемы, идентифицированные нами как барак, карцер и баня. По возможности накидали схему расположения объектов, частично обмерили. Само собой, все сфотографировали, думаю, по приезде выставим «в масштабе». Нехватка времени просто убивает!

На поляне недалеко от лагеря по-походному пообедали, помянули и дали салют из карабина в память заключенных. Выстрел произвел Н.П. Крадин.

Прибыли на базу, обед и сборы заняли небольшое время, и наша «экспедиция» тронулась в путь. По дороге были незапланированные остановки. Особенно нас удивил перевал Олчан. На постаменте стоят серебряные олень с олененком, рядом огромный булыжник, на котором традиционно оставляют на память мелкие подручные вещи.

С высоты открываются шикарные просторы… Нас немного огорчило, что это святое место достаточно замусорили. Решили на обратной дороге совершить акцию по очистке местности. Наши друзья из Хабаровска (С.А. Дыминский, В.В. Носырев) нашли на сопке высокое место и повесили на лиственнице государственный флаг России. Молодцы!

23.07.2012

Утро! Чувствую себя очень хорошо. Уже готов чай. Все потихоньку встали. Чай – кофе – сборы, и мы тронулись в путь. В Тополином нас уже ждали в администрации поселка. Все кинулись к розеткам, так как почти у всех сели аккумуляторы фотоаппаратов и телефонов. Пробыли в Тополином до 17:00. Посетили местный музей, изучили «склады»

---

[4] Теплый Ключ – поселок, ставший в свое время столицей дорожников всего северо-востока Якутии, вплоть до побережья Ледовитого океана.

Иногда попадается информация, что первый колышек будущего поселка забил инженер Э.А. Герлингер, автор мостов, к которым мы стремились. О нем самом чуть позже.

[5] Возможно, это сооружение как-то связано с бытующими в Хандыге рассказами о лагере, где в 1929–32 гг. добывали мышьяк. Утверждают, что лагерь был на 100-м километре, а вывозили мышьяк на лошадях к Алдану, именно к тому месту, где сегодня расположена Хандыга.

– два сооружения, оставшиеся от бывшего лагеря. Обмерили «Аврору» – дом комсостава. Посетили места захоронения заключенных и действующее кладбище. Меня удивила традиция захоронения старых эвенов[6] . Рядом с могилой на лабазе оставляют умертвленных оленей. Говорят, что душа умершего улетает в небеса на оленях.

Хотели пополнить запасы хлеба, но нам не досталось. Уехали из поселка с и. о. главы наслега Викторией и ее супругом, который занимается оленеводством. По дороге через 29 километров от поселка остановились у лагеря ГУЛАГа. Поверхностно осмотрели, решили, что на следующий день подъедем. Ехали на базу оленеводов по реке, прямо по дну каньона – очень красивые места.

Прибыли в лагерь оленеводов под вечер. Для нас специально пригнали с пастбищ стадо оленей голов примерно в сто. Состоялась «фотосессия».

На ужин нам предложили оленину. Посидели за ужином, дружно общались с семьей Виктории. Сегодня вечер такой тихий, но чувствуется – очень прохладно. Поставили только две палатки, остальные будут спать в имеющихся в стойбище домишках. Все предвещает холодную ночь.

А день сегодня был очень теплый, говорят, и дальше будут теплые дни… Увы, нам предстоит продолжать дорогу на север, к полюсу холода, к снежным вершинам Верхоянья…

24.07.12

Чувствуется, что ночью были заморозки[7] , а солнце яркое уже греет – тепло! Кстати, место ночлега было на высоте более 1 000 метров над уровнем моря. Сборы и в обратный путь! На 29-м километре посетили лагерь ГУЛАГа, в который заезжали вчера. Обмеры, исследования – все по правилам.

На 51–52-м километре от Тополиного с левой стороны обнаружили удивительно сохранившийся барак, видимо, женский, так как нашли предположительно женскую обувь. Что удивило – тройной ряд колючки, прекрасно сохранившиеся вышки, да еще остатки изоляторов и проводов! Судя по всему, лагерь был усиленно охраняемый, под током[8]. Хабаровчане (В.В. Носырев, С.А. Дыминский) предположили, что это лагерь для «особо буйных». Не знаю…

Обратной дорогой остановились на реке Томпо, обедали. Дальше изучили один из сохранившихся мостов ГУЛАГа. Мост деформировался и стал горбатым – похоже, что центральные опоры были сильно повреждены ледоходом.

Сергей ДЫМИНСКИЙ: Здесь на время прервем записи Ивана Ильича, и вот почему: мост через реку Менкюле – один из тех мостов, который достоверно построил Эрих Андреевич (Андреасович) Герлингер, человек, которого иногда называют «гением северного мостостроения».

В 2013 году исполняется 100 лет со дня его рождения, и это хороший повод немного о нем рассказать. Арестованный в 1937 году еще студентом, он несколько лет двигался с этапами на северо-восток, чтобы в конце концов оказаться сначала в столице «архипелага ГУЛАГ» Магадане, а затем и на одном из его самых дальних «островков», что именовался «Пристань Хандыга Дальстроя НКВД». Инженер-самородок, не растерявший едва полученные в вузе знания, а умноживший их самообразованием и интеллектом, первым принялся за решение проблем строительства дорог на неведомой и коварной вечной мерзлоте. По его проектам и под его же практическим руководством уложены сотни и сотни километров дорожных насыпей, возведены крупные мосты через Агаякан, Сунтар, Куйдусун, Менкюле, Терех, Росомаху и многие другие. Ситуация усугублялась тем, что технически и физически очень сложные работы выполнялись практически вручную, в адских условиях. Как вспоминал сам Герлингер, иногда для прокладки километра пути требовалось не менее миллиона кубов отсыпки, выполненной с помощью одних только тачек и лопат. На болотистых участках насыпи за ночь проваливались так, что наутро от них не оставалось даже малейшего следа, и все приходилось начинать с нуля. А в отвесную стену 18-километрового Черного прижима, высекая в нем полку дороги, заключенные вгрызались взрывчаткой и кайлами целый год.

Утро перед выходом к мосту на Заячьей Петле. Иван Иваныч, как всегда, встал первым и уже настроил костер

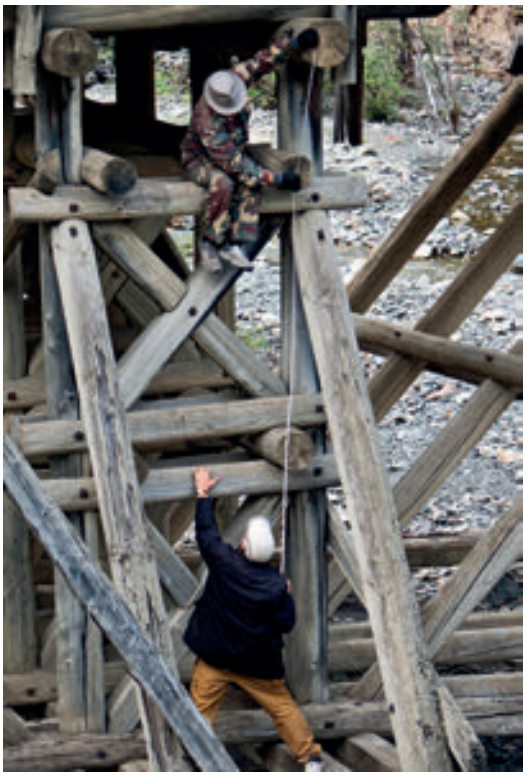
[6] Томпонский улус Якутии – место проживания коренного северного населения – эвенов. Якуты – пришельцы в эти места от преследований Чингиза с побережья Байкала. Об этом можно прочитать у прекрасного русского этнографа Леопольда Ивановича Шренка, но Кеша рассказывает гораздо эмоциональнее: «Э-э-э… Предки наши пришли сюда на плотах летом: «О-о-о, рай земной» – и остались. А мы теперь круглый год живем!»

[7] В 7:00 вещи, оставленные на улице, были покрыты инеем – и это в июле!

[8] Довольно непонятное место. Тройная колючка, изоляторы, «приличный» барак (дерево, оштукатуренное по дранке) и… отсутствие на территории или рядом карцера (в других местах эти сооружения отличались именно своей сохранностью – добротно строили).

Легендарная Заячья Петля. В кадр попал И.И. Игошин

Мост на Заячьей Петле



Работы по обмеру моста. Сверху вниз: И.И. Шишигин, Н.П. Крадин

Сорок лет жизни отдал он Колымской трассе. После смерти Сталина Э.А. Герлингер был реабилитирован и награжден несколькими медалями. Дата его смерти неизвестна (по крайней мере, нам не удалось ее установить), однако еще в конце 1970-х годов он проживал в Хандыге. Об этом есть упоминания сотрудников хандыгской районной газеты того времени «Красное знамя».

Того старого деревянного моста через Менкюле уже нет, стоит новый, металлический, но ряжевые опоры старого моста продолжают служить новому…

25.07.12

Выехали поздно. По дороге были частые остановки. Искали могилы – не нашли. Осмотрели по дороге останки мостов – вид удручающий, все стирается с земли… Стихия и человеческий фактор – все вместе!

УАЗ маловместительный. Вещи сложили на верхний багажник. Расставание с нашими друзьями-геологами было очень теплым. Тронулись в путь вечером, в 18:00, и наконец поняли «прелесть» уазика – пыль непроглядная, шум, тряска. Ну что делать... В уазике нас четверо: Носырев, Дыминский, Кеша и я. Остальные на «крузаке». Задача – успеть осмотреть прижимы, остановиться около Заячьей Петли и найти моих братьев в «Сахамостстрое» (160-й километр). По всей дороге работает тяжелая дорожная техника, пыль непроглядная. Конечно, радость от открытия новых мест и предвкушение увидеть настоящие верхоянские горы придает силу.

«Желтый» прижим, «Черный» прижим – это что-то фантастическое. Идет мощная стройка, в общем, борьба с природой. Скалы, отвесные горы, узкие дороги, высота – аж голова кружится…

26.07.2012

Быстрые сборы. В 9:00 уже выехали на маршрут. Впереди главная цель – мост на Заячьей Петле. Мост впечатляет своим видом, инженерной мыслью того времени! Все дружно занялись делом – обмеры, фотофиксация. За 1,5–2 часа уложились. Дальше гулаговских объектов нет! Решили ехать оперативно, цель – попасть в село Томтор – полюс холода[9].

[9] Общеизвестно, что полюс холода – Оймякон. Однако памятный знак стоит именно в. Томторе, а расположенный в этом же поселке аэропорт именуется «Аэропорт Оймякон». Просто два этих поселка расположены рядом (по якутским, не европейским меркам). А по части холода на столицу претендует Верхоянск, но официальная регистрация была все-таки в Томторе.

Остановку на обед сделали на Красном озере – очень красивое место.

По дороге попали в лесной пожар. Большой пожар. Говорят, длится долго. В Томтор прибыли где-то в 21:00 по местному времени. Кеша у знакомых договорился оставить на подзарядку аккумуляторы. Решили, что завтра проведем день на этом месте.

Наконец связался с родными по телефону. На душе легче стало!.. Базу разбили недалеко от Томтора, около моста через Куйдусун.

Нужно отдохнуть!

27.07.2012

Проснулись рано. Слышал утром, где-то в 5:30, кто-то уже ходил. Это наш Иван Иваныч колдовал над костром. По местному, оймяконскому, времени, часы надо переводить на час вперед. Мы решили этого не делать.

К 10:00 были в администрации. Главы на месте не оказалось – уехал на сенокос. Ребята поставили печать на своей карте в память о посещении полюса холода. Посетили местный краеведческий музей, школьный музей. Очень много информации…

Осмотрели Дом Санта-Клауса и аэропорт, построенный специально для АлСиба[10]. На прощание поднялись на гору. Дальше в путь-дорогу… Не доезжая до Красного озера, джип сломался – пробили колесо. Надо ремонтировать, заодно решили пообедать. Рядом оказался ручей, где наши ребята наконец-то поймали десяток хариусов. Дальше поехали почти без остановок.

В пути нас застал дым. В районе реки Брюнгяде сильный пожар. Кругом дым. Проехали еще около 50 километров и остановились на ночлег. Лагерь разбили уже где-то в 22:00. Все!

28.07.2012

Утро! Проснулся от шума мелкого дождя. Неожиданно как-то, еще вчера были жара, пыль и дым. Вот тебе и пожалуйста.

На трассу выехали где-то в районе 9:00. Цель – Усть-Нера! По дороге шел сильный дождь, зато не было пыли!

Короткая остановка на Ольчанском перевале. Невероятная красота, как сказал В. Носырев, «сурово-сумасшедшие пейзажи». Швейцария отдыхает! Начинаем спуск по серпантину. Бог ты мой! – склон перевала буквально усыпан останками машин – дальнобойщиков-лесовозов…

Прибыли на место до обеда. Остановились у въездного знака п. Усть-Нера, где нас встретил зам. главы администрации улуса Илья Васильевич Мальцев. Молодой, энергичный человек! Познакомились, обрисовали программу, затем поехали обедать в кафе «Хуторок». После нашей спартанской жизни кафе показалось вершиной цивилизации.

Посетили администрацию, на память о районе нам вручили подарки – очень красивые книги «Оймякон: суровый и нежный». Зам. главы администрации по социальным вопросам Раиса Михайловна Садыкова долго рассказывала об имеющихся материалах по лагерю «Аляскитовый», куда мы стремились попасть. Это всего 90 километроов от Усть-Неры, но из-за того, что в горной реке Арангас сильно поднялась вода, попасть туда в настоящее время невозможно. Нам пришлось отказаться от своих намерений.

Дальше нас в сопровождении главы улуса М.М. Захарова и И.В. Мальцева повезли на Нельканский перевал. Это где-то в 27 километрах от Усть-Неры. Доехали быстро, высота примерно 2 500 метров над уровнем моря.

Невообразимая красота… Здесь ветрено и холодно. Много-много снимаем на фото и видео. Такой красоты мы еще не видели… Все поражены красотой этого края! Запомнится надолго!

Ну, вот мы и на полюсе холода. Правда, летом…
В.В. Носырев, Н.Н. Алексеев, Н.П. Крадин, И.А. Николаев, И.И. Шишигин, Т.В. Копырин, С.А. Дыминский, З.В. Игошина, И.И. Игошин

30.07.12

Утром вставали тяжело, почему-то усталость чувствуется, отменили посещение администрации района, так как надо попасть на последний паром в Нижний Бестях! Были долгие расставания с семьей Игошиных – обмен информацией, впечатлениями и т.п. Выехали из Хандыги почти в 12:00. Это очень поздно! Прямо на ходу, в машине ели. Остановки были только в одном селе в Таттинском районе, где родился Н.Н. Алексеев. Наш УАЗ ехал так медленно, что мы упустили последний паром. А наши ребята на джипе успели. Пришлось нам оставаться на ночь на берегу Лены. Спали в машине в тесноте – шесть человек: нас четверо,

[10] Аляска – Сибирь, воздушная трасса Красноярск – Уэлькаль, Красноярская воздушная трасса – советская часть авиатрассы между Аляской (США) и СССР по перегонке американских самолётов, которые США поставляли в СССР по договору ленд-лиза. Начала действовать в 1942 году. К этому времени на трассе было введено в эксплуатацию 10 аэродромов: 5 базовых – отремонтированные в Якутске и Красноярске, новые – в Киренске, Сеймчане и Уэлькале; 5 запасных в Алдане, Олекминске, Оймяконе, Берелёхе (Сусуман) и Марково. Дополнительно строились аэродромы в Бодайбо, Витиме, Усть-Мая, Хандыге, Зырянке и Анадыре.

До сих пор в труднодоступных местах находят останки самолетов. К сожалению, из-за нарушенного графика нам пришлось отказаться от подъема к месту гибели бомбардировщика «Бостон А-20».

Ленские столбы. Нереальное утро 4 августа 2012 года

водитель и его приятель. Ну ничего… Предвкушение, что утром будем дома, нам давало энергии. Уснули где-то в час ночи. Вечер очень теплый.

31.07.12

На паром погрузились в 5:00, в 5:30 отчалили. Наконец мы плывем в сторону Якутска. Утро тихое. Сильный дым. Где-то большой пожар. Зато настроение хорошее.

В Якутск прибыли быстро. Где-то в 7:00 уже стояли у дома И.А. Николаева. Вот и закончилась наша экспедиция. Устали, но довольны, что экспедиция состоялась! Мы пока еще не совсем осознали, что сделали. Все впереди.

Вот и конец моим «полевым» запискам. Думаю, материал пригодится. Все.

Продолжение

Все – это для наших якутских друзей. А нас ожидало еще одно приключение – мы к нему готовились, но такого не ожидали.

Готовились мы к поездке на Ленские столбы, причем хотелось не просто в очередной раз подняться и уехать, а разбить палатку и переночевать у подножия этих поистине невероятных скал[11], где «душа сливается с дикою, но величественною природой». Так когда-то давно написал А.А. Бестужев-Марлинский, и написал верно.

01.08.12

В Якутске узнаем, что к столбам нас будет сопровождать Георгий Олегович Карамзин (Гоша) – представитель известной, и не только в Якутии, архитектурной династии. С Гошей мне уже доводилось путешествовать по Амге и возможность новой встречи радует. К столбам запланировано идти из Якутска по Лене (это примерно 220 км) на новой моторке Гоши.

И здесь первая неожиданность: к нашему возвращению в Якутск сильно поднялась вода в Лене – в это время года такого паводка не было 50 лет. Вода несет много мусора, в том числе и деревья – выход маломерного флота на Лену закрыт. Снова смещение графика, ждем.

02.08.12

Не без приключений – заправка на лодочной не работает, так как из-за высокой воды к ней не может подойти бензовоз, но мы все-таки выдвигаемся к столбам.

Обычно кристально чистая, из-за половодья вода в Лене стала мутной, приобрела грязно-коричневый оттенок, тянет дымом, ведь буквально кругом лесные пожары. Через пару часов приближаемся к Табагинскому мысу. Здесь сооружен уникальный переход высоковольтной линии передачи через могучую реку. Опора ЛЭП поднимается прямо из воды, и ее конструкция такова, что позволяет противостоять мощнейшему весеннему ледоходу. Подходим к ней максимально близко – удивительное зрелище!

Движемся дальше. На полузатопленных островах табуны лошадей знаменитой якутской породы. Бредут по колено в воде… Пасутся? Купаются? Или все сразу?

Вскоре налетел сильный дождь, но и он не разогнал дым. Но не все так плохо! Крутой и неприступный левый берег раздвигается, виден спуск к реке и чем-то заинтересовавшее нас строение. Причаливаем. Не верим своим глазам – старая ямщицкая станция! Не в идеальном виде, но еще вполне живая. Выше по склону полосатый верстовой столб – 1743. Чудеса![12] .

Вперед, вперед! Входим в зону сильных лесных пожаров. В дымовом шлейфе видимость заметно падает, солнце выше дыма, и небо над нами приобретает тревожный желтоватый оттенок. Возникает ощущение чего-то сюрреалистичного. К счастью, периодически движемся по относительно незадымленной территории.

Собственно говоря, мы уже движемся вдоль столбов – ведь их протяженность порядка 80 километров. Но наша цель – старая деревня, где живут друзья Гоши и где мы будем ночевать. Официальный комплекс «Ленские столбы» расположен как раз напротив.

Спустя чуть более семи часов после отплытия мы прибываем на место…

03.08.12

Утром гостеприимство Гошиных друзей пришлось ограничивать – нас ждут столбы! Выходим. Видимость не более 15–20 метров. Дым! Но, несмотря ни на что, мы нашли нужное место. Разговор с экскурсоводами печальный: видимости нет, подниматься бессмысленно…

Разбить лагерь у самого подножия скал невозможно – высокая вода. Располагаемся рядом, в устье впадающей в Лену речушки. Рыбалка отменная: окуни настолько прожорливы, что готовы вырвать блесну друг у друга.

После обеда дым немного рассеялся, и мы все-таки поднимаемся на столбы. Что сказать: если бы не дым… Но все равно открывающееся зрелище захватывает! Но есть и тревожные моменты: пожары практически вокруг нас. Начинаем спуск. Вот это «подарок»: небо над долиной реки, в устье которой наша палатка, красное от пожара! А когда поднимались, этого не было!

Спустились. В долине горячий ветер. Да нет, это не ветер – это жар пожара, идущего по долине. Но что бы ни было – ночуем здесь…

P.S. Когда-то давно, лет около сорока назад, в свою ученическую записную книжку, я нацарапал умную, как мне тогда казалось, мысль: «Из всех людских безумств и заблуждений самым непостижимым мне представляется то, что живя на земле – один только раз, человек не стремится познать ее всю целиком!»

Сказал это испанец Фэстис де Тольна – великий мореплаватель, покоритель Тихого океана. Но: посмотрите на карту Испании и России в одном масштабе, и вы все поймете. И я имею наглость поправить этого великого испанца:

Самое большое заблуждение – не пытаться узнать собственной страны. Она удивительна и прекрасна.

Фотографии выполнены членами экспедиции

[11] Незадолго до нашего приезда, 2 июля 2012 г. , Ленские столбы вошли в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

[12] Конечно, это не чудеса – это память (когда она есть). Уже позже узнал: верстовые столбы были установлены в ямщицких станках в 2008 г., к 265-летнему юбилею Иркутско-Якутского тракта. Удивительно отношение к ямщикам в Якутии. Некоторое время назад мне довелось побывать в старинной ямщицкой деревне Еланка. Есть там музей ямщиков, есть посвященная ямщикам часовня на высоком берегу Лены. И с тех пор есть у меня книга «Моя Еланка». Ее автор – Анатолий Дмитриевич Соколов, уроженец Еланки, выходец из потомственной ямщицкой семьи. Почетный строитель РФ, почетный гражданин Хангаласского улуса, член совета общественной организации «Потомки государевых ямщиков», выйдя на пенсию, он полностью посвятил себя Еланке, ее музею и памяти.

В сотый раз подняться на вершину

Владимир Голубцов

Валерий ТОКАРСКИЙ
Фото Владимира ГОЛУБЦОВА

Капитан-лейтенант и наш школьный учитель Юрий Георгиевич Брагин. 1982

Свои находки с мест древних стоянок жителей Курильских островов Владимир Голубцов легко находит в экспозиции Сахалинского областного краеведческого музея

Мне, автору этих строк, и моему товарищу Владимиру Голубцову в детстве повезло. В школе № 10 Южно-Сахалинска в 1960-е годы учителем физкультуры и военного дела работал Юрий Георгиевич Брагин. В военное время служил он на «морском охотнике», участвуя в высадке десанта в августе 1945 года у поселения Маока (сегодня это город Холмск Сахалинской области), был тяжело ранен. Воспитанием мальчишек Брагин занимался как-то неназойливо. В шестом классе мы узнали от него о подводнике Маринеско, усвоили, что одноклассниц нужно первыми пропускать в школьную раздевалку и по возможности подавать им пальто и что в спорте, как и в жизни, важно уметь терпеть, преодолевая трудности. В 12,5 километра от Южно-Сахалинска возвышается горный массив с пиком Чехова. Брагин был одним из инициаторов восхождений на эту гору накануне Дня Победы. Сам Юрий Георгиевич поднимался на пик более ста раз, Владимир Голубцов – раз восемьдесят. Так что тяга к походам у нас с детства. И, конечно, в каждый поход мы брали с собой фотоаппараты.

Путешествия по Дальнему Востоку для Голубцова стали страстью. Он побывал на всех крупных островах Большой Курильской гряды. Сахалинские археологи почти каждый год проводят раскопки на месте древних поселений живших там айнов. Владимир – непременный участник всех этих работ. Что у него за профессия, которая позволяет бывать в столь отдаленных от цивилизации местах? Он работал электросварщиком. Каждый свой отпуск тратил на похо-

Утро у берегов Тихого океана

Курилы, остров Янкича, бухта Кратерная

Курильские дожди

Курилы. У лисицы нет врагов на острове. Человека с фотоаппаратом она увидела впервые

ды по Дальнему Востоку. Бывает и на материке, то есть в Хабаровском крае. Дело в том, что прежде чем начинать строительство нефтепровода, строителям нужно быть уверенными, что они не нарушат и не порушат стоянки древних людей. Первыми на маршрут выходят археологи.

Страсть к фотографированию у Владимира с годами крепла. Фотохудожником, мастером светописи он себя не считает. К увлечению фотографией относится ответственно. В 2008 году в адрес первого всероссийского проекта Best of Russia было прислано 16 000 работ из 304 населенных пунктов. Из них к экспозиции было отобрано 339 фотографий 59 авторов. Владимир Есипов, главный редактор журнала GEO отмечал: «От фотографий номинации «Природа» не оторваться. Это как любовь с первого взгляда. Редкое удовольствие, когда сидишь и смотришь на красоту. Живая, нетронутая природа всегда интересна».

В этой номинации были отмечены пять работ фотографа из Южно-Сахалинска Владимира Голубцова. Примечательно, что на выставке фотографий в центре «Винзавод» из 59 авторов только четверо фотографов были представлены каждый пятью снимками. Остальные в меру своего таланта довольствовались показом от одной до двух-трех, редко четырех фотографий. Тема фотографий Владимира Алексеевича в московской экспозиции – природа Курильских островов. В награду сахалинский фотограф получил по почте фотоальбом весом в 4 килограмма.

В конце лета Владимир Голубцов всегда отправляется на остров Кунашир, чтобы в очередной раз подняться на вулкан Тятя. Лет двадцать назад, в январскую стужу, он в составе группы спасателей участвовал в эвакуации оставшихся в живых пассажиров упавшего на склон этого вул-

Курильские туманы

кана вертолета. Тогда спасатели были удостоены государственных наград.

Горным лыжам, фотографии, путешествиям по Сахалину и островам Курильской гряды отдана большая часть прожитых лет. Но, как и прежде, Владимир Алексеевич Голубцов, сегодня 68-летний пенсионер, считает, что лучшими делами являются каждодневный труд и путешествия по Дальнему Востоку. И, как поется в песне, «Не нужен нам берег турецкий, и Африка нам не нужна». В своих странствиях он только раз испытал настоящий шок. Побывал однажды на сейсмической станции на Камчатке, а на обратном пути один из спутников вдруг спросил, а знает ли он, что маленькая дочь сотрудницы станции – правнучка Сталина? Сахалинец понял, что страна наша огромна и жить в ней интересно.

Животный мир Курильских островов

Путешествие в двух измерениях

Интервью с сопутствующими отступлениями

Александр ЛЕПЕТУХИН
Рисунки Александра ЛЕПЕТУХИНА
Фото Игоря САЛЬНИКОВА

Александр Лепетухин

Отправляясь в путь, человек может стать туристом или паломником, двигаться по горизонтали или по вертикали. Туризм дает возможность поглазеть на чужие красоты и чужую жизнь, с любопытством попробовать, что едят, что пьют. Еще туризм дает возможность на время стать фотографом и оператором. Признаюсь, мне в таких путешествиях больше всего нравится возвращение домой. «Слава богу! – искренне сказал я как-то в Шереметьево. – Никаких пальм!» Сказал, увидев березы, стоящие по колено в талой воде. Не зря говорят, что в гостях хорошо, но дома лучше.

Совсем иное дело – паломничество. Занимаясь почти тем же, что и турист, паломник ищет свою духовную родину, которую глазами увидеть нельзя. Иначе говоря, он ищет встречи с Богом, личной встречи с Царством Небесным. Как же так, скажете вы, Бог – Дух, он трансцендентен, его глазами увидеть нельзя! Правильно. Искать Бога в реальном мире – занятие странное. Точно так можно купить новое издание «Войны и мира» и перелистывать его в надежде найти реальный волос Льва Николаевича Толстого.

И, все-таки, есть на земле места, где сердцем можно ощутить присутствие. Очевидно, дух свободы, который мы называем Утешителем, веет в этих местах с особой силой и постоянством. Прикосновение к Гробу Господню, к Вифлеемской звезде, намертво вделанной в мраморную плиту, к раке святого Сергия Радонежского, к святыням Афона что-то меняет в душе. У нее появляется опыт. Может быть, самый важный опыт встречи со святостью, которая есть не что иное, как отзвук высшей реальности. Эта реальность зовет нас всегда. Но мы увлечены повседневной суетой и проходим мимо, теряя от этого связь с собственной душой.

Летим в Грецию. Я еще не знаю, какие испытания и искушения ждут меня впереди. Но как я теперь счастлив, что они были!

Если считать, что туризм есть путешествие по горизонтали, а паломничество – поиск пути наверх, то оказывается, что все мы, даже никуда не уезжая, туристы или паломники по жизни. Разумеется, можно совместить эти два направления, такой путь доступен каждому.

Разрешите представить вам моего собеседника – священника, клирика Христорождественского кафедрального собора города Хабаровска, отца Игоря Сальникова. Он несколько раз побывал в Греции. Одну из таких поездок мы соверши-

Такой я увидел Грецию. Когда-то лесистая, благодатная страна. Теперь много голой, выветренной земли

Так завершается одно из надгробий на территории бывшего русского скита св. апостола Андрея Первозванного. Оно удивительно красиво. Медь, синяя, черная эмаль и золото. Ангел трубит о том, что смерти нет

Алтарная часть храма великомученика святого Димитрия

Отец Игорь в тени греческой оливы

ли вместе. Это нас сблизило, поэтому в своем «интервью» я буду вести себя неофициально. Есть у меня такой недостаток – люблю встревать и перебивать собеседника.

Итак, отец Игорь о Греции: *«Первый раз я поехал в Грецию в 2007 году. Разумеется, хотел побывать на Афоне. После бензиново-резиновой Москвы с ее дождями, шумом-грохотом оказался в благоуханной греческой осени. В Греции везде пахнет морем, и каждая травинка имеет свой запах. Для местных Эгейское море было уже холодным, но в нем купались две женщины из Нижневартовска. Я тоже полез, потому что земля и море еще дышали теплом прошедшего лета.*

Понравились люди в отеле, они были вежливые. Нужно сказать, что в Греции работает мощная туристическая компания, и турист никогда не останется один, без внимания. О нем всегда кто-то заботится. Для начала нам сказали: «Гуляйте и дышите». Я гулял и дышал. Потом мы поехали в Салоники. Город интересный, он весь обращен к морю. Согласно преданию, основал его македонский царь Кассандр и назвал в честь своей жены Фессалоники, единокровной сестры Александра Великого и дочери македонского царя Филиппа II[1]*. Салоники пережили множество завоеваний и впитали следы эллинизма, римской, византийской и турецкой цивилизаций. Большое впечатление произвела на меня древняя базилика, построенная на месте тюремного заключения великомученика Димитрия Солунского. Храм, построенный в его честь, сооружен из остатков языческих капищ, поэтому колонны, поддерживающие свод, разного цвета, и у них разные капители…»*

Тут я без разрешения прерву собеседника и скажу несколько слов о святом Димитрии Солунском. Жил он в III веке, был римским проконсулом и открыто проповедовал христианство. Многие жители Салоник стали христианами благодаря его проповедям. Когда император Максимилиан возвращался с войны против скифских племен, то остановился в Салониках. Святой Дмитрий раздал свое имущество бедным и стал готовиться к мученичеству постом и молитвой. Призванный на суд кесаря, он объявил себя христианином и был заключен в темницу. Спустя несколько дней в городе были устроены бои, в которых императорский любимец боец Лий побеждал многих противников, в том числе городских христиан, которых понуждали к бою с ним. Присутствовавший при этом христианин Нестор по благословению Димитрия вступил в бой и сбросил Лия с помоста на ко-

Вот та самая рака с мощами святого Димитрия, из которой истекало миро

[1] Она же, в свою очередь, была названа Фессалоникой от слияния двух слов – Фессалия и Ника, поскольку родилась в день битвы на крокусовом поле, когда македоняне и фессалийцы одержали победу над Фокидой, благодаря которой фактически выиграли Третью Священную войну (Википедия).

Рисуя человек может пользоваться внутренним или внешним зрением.
Таким я изобразил бы монастырь Кутлумуш, если бы поднялся над ним безо всякого вертолета или аэростата

Монастырь Кутлумуш действительно похож на крепость. Очевидно, раньше попадали в него в корзине (своеобразном лифте), как в монастыре святой Екатерины на Синае

Разнообразие в колонном единстве храма святого Димитрия

пья. В гневе император приказал тут же казнить Нестора, а следующим утром и Димитрия.

Отец Игорь: *«Мощи святого Дмитрия вскоре стали обильно источать миро, стекавшее прямо в море. Есть свидетельства, что пираты-норманны кощунственно мазали этим маслом свои обувь и даже жарили на нем рыбу. Когда славянские племена осаждали город с суши (а это случалось достаточно часто), то перед их полками являлся святой Дмитрий, который выступал на защиту своего города. Интересно, что впоследствии святой Дмитрий стал покровителем славянского воинства. В частности, в честь него в центре города Владимира построен небольшой украшенный резьбою Свято-Димитровский храм, в котором русские воины принимали присягу. Есть храм великомученика Димитрия и в поселке Князеволконка Хабаровской митрополии, где расположено несколько учебных подразделений Российской армии.*

Солоники знамениты еще и тем, что здесь проповедовал иудеям и язычникам апостол Павел. Мы знаем два его послания, адресованных жителям Салоник».

Здесь я прерываю рассказ, чтобы напомнить несколько слов из первого Послания к Фессалоникийцам: «Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. За все благодарите: ибо такова о вас воля Божия во Христе Иисусе».

Переписывал этот текст и думал: вот бы нам научиться всегда радоваться! Чтобы узнавали нас в любом аэропорту мира не по хмурым, раздраженным лицам, а по радостной улыбке, идущей от самого сердца.

Отец Игорь: *«Напомню, что в Салониках жили святые Кирилл и Мефодий. Здесь они начали дело просвещения славянских народов (перевод Евангелия, богослужебных книг и так далее). Здесь было много наемных солдат, купцов и рабов из славян.*

Греция – небольшая страна. По оценке Евростата по состоянию на 1 января 2010 года, население Греции составляет 11 309 000 человек. Около 60 процентов его живет в городах Салоники, столице Северной Македонии Фракии и в Афинах.

Гора Афон

Афины, столица Греции, знамениты своими древностями. Мировая известность принадлежит огромному музею под открытым небом, включающему Акрополь с Парфеноном. Интересно, что длительное время Парфенон был христианским храмом. Именно это позволило ему сохраниться до наших дней. В руины же его превратил «удачный» выстрел венецианского наемника, попавшего в турецкий пороховой склад. Храм был разрушен основательно, и по сей день вся Европа занимается его реконструкцией и реставрацией. Когда входишь в Парфенон, невольно чувствуешь свое единство с ним. Построен он по законам золотого сечения, пропорции которого использовались при изображении человека».

От себя могу добавить: греки верили, что душа и тело человека совпадают «по контуру». Поэтому, изображая тело, они всегда думали о душе. Не в этом ли секрет воздействия древних греческих скульптур?

Отец Игорь: *«Конечно, Афины известны не только античной, но и христианской культурой. Здесь есть прекрасный музей, посвященный Византийской эпохе. В экспозиции представлены находки археологов от Аравии до Карпат и от Армении до западной Италии. Входя в музей, мы видим древние катакомбные алтари, колонны, портики, затем удивительные иконы. В Византии было несколько школ иконописи, и каждая имела свое неповторимое лицо. Так через откровение менялось зрительное представление человека о святыне и святости. Икона – запечатленная на века молитвенная встреча человека с Богом.*

Мы видим в этом музее, как греки бережно хранят свою историю и культуру. Большая экспозиция показывает, как можно «срезать» со стен фрески в храме, который оказался в зоне затопления ГЭС. У нас же нередко такие храмы с уникальной росписью просто забывали в рукотворных морях. Титаническая работа, говорящая о любви к Богу и Родине».

А мне в связи с этим вспомнились мерцающие всю ночь лампадки. Они горели на кладбище в рыбачьем поселке, где мы временно остановились в отеле. Смотрел я на живые огоньки

Меня поразили спокойствие и тишина на пристани. Такое спокойствие разлито в самом воздухе Афона. Может, это и есть намоленность?

Этот монах каждый вечер вывешивает над входом в монастырские ворота красивый фонарь. На моих глазах он довольно ловко поддел ногой и отправил в кусты наглую кошку. Чего ей понадобилось в этом святом месте?

Беседа паломников на Афоне

на могилах и думал: вот она, материализованная любовь, которая сильнее смерти. И сердце отогревалось...

А как греки любят своих детей! Ребенок то и дело подбегает к маме и папе за поцелуем, и сами родители не скрывают своих чувств к нему и друг к другу. Столетия турецкого ига не смогли сделать с ними того, что сделали с нами семьдесят лет коммунистического «рая» и последующие события. Как нужно нам вновь научиться любить!..

Отец Игорь: *«В Афинах запомнился небольшой храм, построенный на одной из городских высот. Холм Ликавитос весь порос кактусами. Вершину можно «покорить», поднявшись туда на фуникулере.*

Ликавитос, Ликабетт – гора в центре Афин, столицы Греции. Высота около 300 метров над уровнем моря. Гора знаменита расположенной на ней византийской церковью Святого Георгия. Ее возведение (XI–XII века) было связано с укреплением могущества Византийской империи и христианства в результате балканских военных походов императора Василия II.

Старые афиняне называли ее церковью Святого Сидерея. В 1930 году здание было разрушено пожаром и восстановлено в 1931 году[2]*. Когда-то в начале XIX века один из христианских подвижников – священник Эммануил Лулудис поднялся сюда и… исчез. Его пытались найти, но вскоре почему-то решили, что он умер, и поиски прекратили. Прошло некоторое время, и холм стал местом активного паломничества горожан, ибо обнаружилось, что старец жив и крепок духовно. К пещере, в которой он поселился, нескончаемым потоком шли люди за советом, утешением, благословением.*

Видимо, именно отец Эммануил на средства благотворителей восстановил сгоревший в 1831 году византийский храм. Расписали его заново, в своеобразной «мужицкой» манере критской школы. Проходят годы, а люди все идут в это намоленное место. Предприимчивые греки построили в рекреативной зоне рядом с храмом три небольшие кафе. А почему бы паломникам, сидя рядом с могилой праведного Эммануила Луллудиса, не помолиться, выпив чашку бодрящего кофе?

Попав в Афины, иностранец легко и незаметно входит в жизнь города. Он свой в любом многолюдном ресторанчике, где люди общаются больше, чем едят, где старики могут просидеть целый день, рассказывая молодым то, что кроме них уже никто не знает…»

В Афинах мне побывать не удалось. Заболел и провалялся в тени у моря, делая наброски с пляжных фигур. Но зато мы вместе с отцом Игорем буквально прорвались на Афон. Чтобы туда въехать, нужен особый пропуск. У нас, по нерадивости турфирмы, его не оказалось. И тогда мы, заплатив не очень большую сумму нужным людям, вполне легально с ветерком примчались на катере и причалили наконец-то к вожделенной афонской земле. Меня поразила внутренняя тишина и спокойствие, которые были разлиты в воздухе Святой Горы. Похожее состояние бывает в православном храме, если зайти в него после службы. Может, это состояние следует назвать намоленностью?

Отец Игорь: *«Афон – уникальная монашеская республика на северо-востоке Греции. Гористый полуостров, на котором расположены двадцать мужских монастырей: семнадцать греческих, один русский, один сербский и один болгарский.*

Женщинам сама Пресвятая Богородица запретила вход на эту территорию. Однако у дам, желающих прикоснуться к святыне, есть возможность совершить круиз по западной стороне полуострова на специальном декоративном, «загримированном» под пиратский галеон судне. При этом есть шанс, что к судну с благочестивыми паломницами из ближайшей обители Святой Горы прибудет на лодочке священник и помажет их освященным елеем, наставив на путь истины.

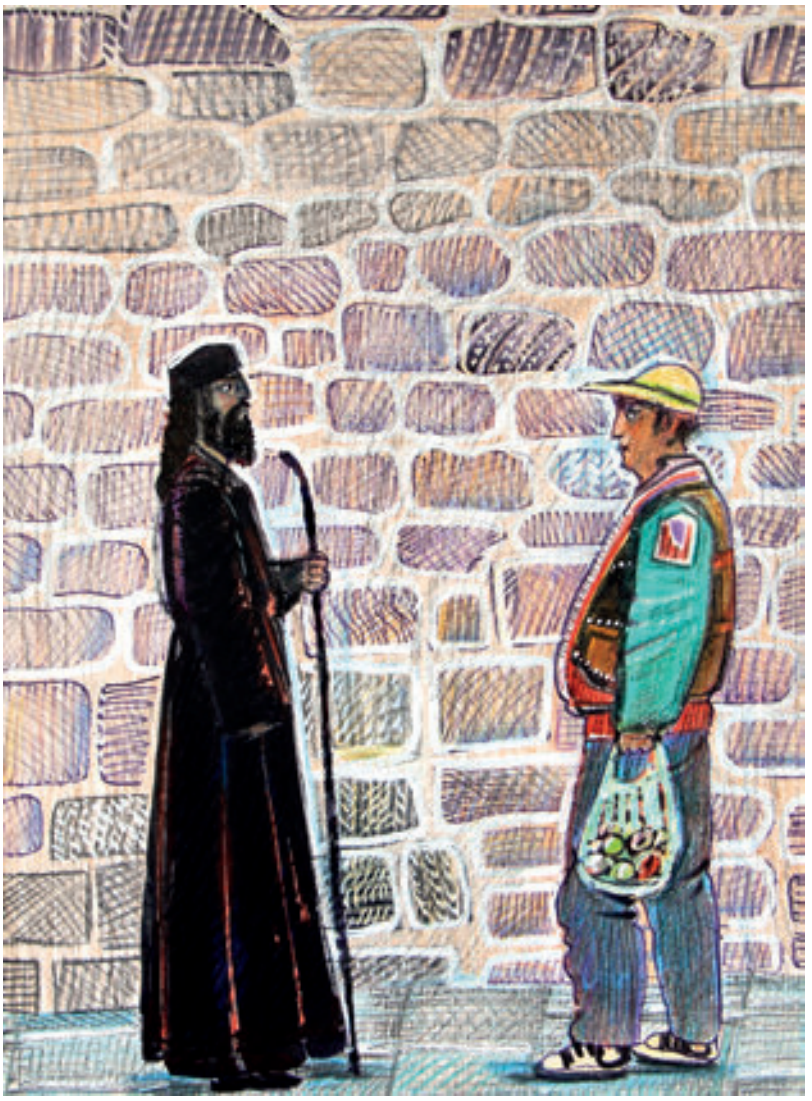
Путешествовать по Святой Горе можно двумя способами. Первый – «галопом по Европам», стараясь охватить множество монастырей, чтобы увидеть как можно больше святынь. Второй – посетить один монастырь, выстоять ночные службы, понаблюдать за повседневной жизнью братии, вкусить монастырской трапезы, периодически выбираясь в окрестные живописные скиты и кельи, принадлежащие этому же монастырю.

Я попробовал и первый, и второй путь, и последний мне показался с духовной точки зрения продуктивнее. В нашей с вами поездке мы выбрали один из монастырей. Кутлумуш (именно так называется эта гостеприимная обитель, расположенная вблизи Карьеса, столицы монашеской республики) оказался очень тихим и, даже можно сказать, отстраненным от земных забот местом. Неподалеку от монастыря находится келья, в которой подвизался из-

[2] Данные взяты из Википедии.

Галерея в монастыре Кутлумуш интересна своей древней кладкой. Порой в нее вделаны куски древней керамики, скульптуры. Вделаны на века. Для чего? Чтобы любоваться седой стариной и совершенством

Ради этого разговора многие люди совершают путь в десятки тысяч километров. И не зря. Потому что жизнь некоторых из них после встречи с афонскими старцами обретает новый смысл



Афонский разговор. Люди, живущие в сегодняшнем времени, разительно отличаются от людей, живущих на фоне вечности

вестный в России старец – Паисий Святогорец. Сейчас, по некоторым данным, готовится его прославление в лике преподобных. Во всяком случае, фотографические изображения отца Паисия можно увидеть не только в Греции, но и в России. Мне удалось побывать в его келье, выпить воды из источника старца, посидеть на одном из пеньков, где сидели паломники, задававшие старцу беспокоившие их духовно вопросы.

Но вернемся в монастырь Кутлумуш. Он прекрасно организован, его братия – одна из самых дисциплинированных на Святой Горе. Игумен Кутлумуша, отец Христодул, считается одним из самых ярких миссионеров. Его книга, посвященная современному монашеству, переведена на русский язык. Особое внимание в своей проповеди игумен Христодул уделяет христианскому воспитанию молодежи. Зримый показатель миссионерской деятельности настоятеля – в монастыре подвизаются представители разных национальностей, в их числе мы видели трех русских послушников, один из которых устраивал нас в монастырскую гостиницу – архондарик».

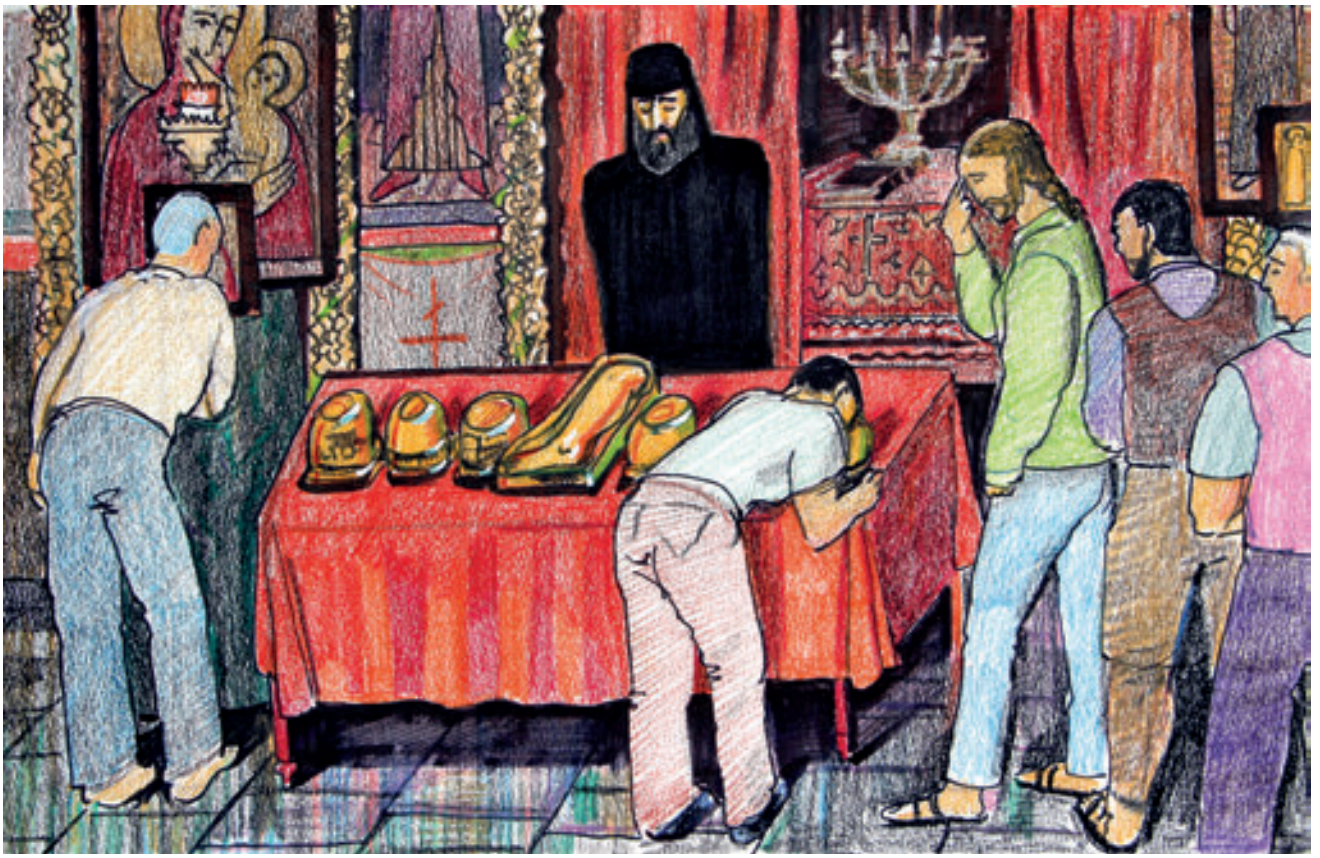
Мне Кутлумуш показался древней крепостью, впрочем, так оно и есть. В былые годы набеги пиратов были частыми, и, чтобы спастись, монахи строили так, чтобы без осадных орудий в монастырь проникнуть было нельзя. Запомнились ночные службы. Незнакомая греческая речь доносила главное: смирение и внутреннее равновесие молящихся. Есть в греческих службах какая-то хорошая обыденность. Привычно людям предстоять перед Богом, потому что это и есть жизнь, самая главная ее составляющая.

Еще запомнилась необыкновенно вкусная вода из святого источника. Пьешь и радуешься. Весь организм радуется, оживает. И, конечно, запомнилось посещение скита Андрея Первозванного – когда-то русского, но теперь греческого. Скит – памятник былому духовному величию России и ее падению перед искушением революции. Именно в скиту мне подумалось, что, отходя от Христа, мы оказываемся не в пустоте безверия. Нас с вожделением принимают лапы врага, и мы утрачиваем свободную волю, к которой так стремились.

Отец Игорь: *«Самое интересное на Афоне – это встречи с людьми, которые приезжают в это святое место, ища защиты от скорбей мира. Человек удивительным образом раскрывает здесь свою душу, у него пробуждаются самые лучшие стороны характера. И разноязыкие паломники приобретают взаимопонимание, столь редкое порою в мире даже среди родственников.*

Помню, как один англичанин, сидя в монастырской беседке, доказывал греку, что Сибирь и Дальний Восток давно заселены китайцами. Беседа шла на интернационально-ломаном английском. Мне пришлось вмешаться в беседу, чтобы опровергнуть заблуждение.

В одну из поездок на Афон у меня сильно поднялось давление. Уже на пристани почувствовал, что путешествие по Афону нереально. И тут меня неожиданно окликнул старый приятель Сергей Голубев, предприниматель из Москвы. Год назад я уже странствовал с ним по Святой горе. В общем, не пришлось мне тогда много ходить пешком. Покидая Святую Гору, он передал меня из рук в руки другим благочестивым людям, с которыми мы сразу сблизились духовно. С новыми друзьями я на арендованной машине благополучно объехал весь Афон и вернулся на «большую землю». Наше общение превратилось в христианское братство, о котором я с удовольствием вспоминаю в Хабаровске, а мои друзья – в Москве, Швейцарии и Брюсселе. Так являет себя любовь и заступничество хозяйки Святой Горы Богородицы в отношении паломников».



Поклонение святым мощам в монастыре Кутлумуш. Они хранятся в алтаре, и выносят их, очевидно, не всегда. Нам очень повезло прикоснуться к великим святыням

Ночная служба начинается в 4 часа утра. Незнакомый язык совсем не мешает услышать главное – разговор с Богом

Под синим шелком иерусалимских небес

Из дневников

Марина ЦВЕТНИКОВА
Фото автора

Полет

Самолет называется загадочно – «Юрий Воробьев», класса ТУ, из тех, что машут крыльями. Летим. Расчетное время полета – 15 часов. После дозаправки в Ташкенте затруднительно сидеть на чем бы то ни было, разве на животе. Книги, CD-плейер, дневники в раздражении отброшены. Чтобы помочь пассажирам пережить этот длинный перелет, каждые 15 минут им предлагаются соки, каждый час самая разнообразная еда на выбор: курица, рыба, мясо? Паштеты: гусиный, куриный, грибной? К концу полета пассажиры резко прибавляют в весе и реагируют, как сытые удавы, только на блестящие предметы (как у Чехова). Наконец в иллюминаторе разворачивается огромная цветная панорама Тель-Авива. Шасси касаются взлетной полосы, и пассажиры разражаются аплодисментами! Так приветствуют Землю обетованную.

В иллюминаторе по периметру взлетного поля – силуэты пальм в дымчато-сером сумраке. Плюс 22 градуса, южная разнеженная ночь. Аэропорт Бен-Гурион. Ничего красивее не видела: охряно-медовые стены, синие фонтаны, острый запах молотого кофе. Появляется пкида (служащая аэропорта) с вопросом: кто впервые в стране? На «глазастом» автобусе едем в другой терминал, и через какие-то полчаса выдают первые документы и первые деньги – подъемные, около 2 000 шекелей. Деньги напоминают новогодние флажки. Пкида задает вопрос: «Где госпожа желает жить?» Такси везет меня (на него выдается бесплатный талон в любую точку страны) в Бейт-Шемеш (буквально – Дом Солнца) – маленький гористый городок в предгорьях Иерусалима.

Бейт-Шемеш. Вдали Иудейские горы, похожие на Хехцир

На въезде возникает комическая ситуация: шофер, коренной тель-авивец, не ориентируется и нарезает

круги понизу, сестра Дина носится поверху, и их диалог по сотовому начинает крепчать и накаляться. Молодежь на заднем сиденье машины заливается хохотом, видимо, знает иврит хорошо. А я смотрю в окно: в крапчатых предрассветных сумерках качают ажурными ветвями финиковые пальмы с «ананасными» стволами. Наконец я вижу Дину. Шофер в сердцах вышвыривает чемоданы и сумки из багажника. Приехали!

Переводные картинки

Просыпаемся в двенадцать дня. Как в детских переводных, картинках небо налилось густой атласной синевой, в которую впечатаны оранжевые стволы финиковых пальм. Я тороплю Дину скорее пойти знакомиться со страной, но она печет бурекасы, попросту слойки с картошкой, и не торопится.

Первая встреча. Под волнами июльского зноя (27 сентября) сонно дремлет маленький городок, увитый бугенвиллеями, всюду пальмы и розарии, и каких только роз там нет, вплоть до бледно-зеленых. Идем в супермаркет «Мистер Золь» («Мистер Дешево»). Много непривычных продуктов: творог с укропом (зеленый) тхина, хумус, горы авокадо.

Завтра едем в Тель-Авив.

Небоскребы Азриэли. Тель-Авив

Это огромный, трехмиллионный, мегаполис у Средиземного моря. Дневные плюс тридцать плавно переходят в ночные плюс тридцать. Во влажном дрожащем воздухе горят голубым огнем огромные небоскребы – Азриэли. Шум трасс такой, что не слышишь голоса своего спутника.

Иерушалаим

Я влюбилась в него в первые же пять минут. Гористый, видны бесконечные панорамы. Длинная улица Яфо, золотая брусчатка, прохладный ветер с арбузно-огуречным запахом – горный озон. В кипении его улочек – Гилель, Агриппас все равно неспешный ритм. В октябре – настоящая осень, под ногами шуршат листья платанов. Нашла маленькие локальные концертные залы. В музее Анны Бейт-Тихо каждую пятницу в одиннадцать утра царит фортепианная или скрипичная классика.

Улица Хамапилим, 56

Уголок Иерусалима

Учиться (учить язык) буду в Иерусалиме. Только одно это поднимает дух. Мой маленький Бейт-Шемеш находится в 20 минутах езды на мониторе (маршрутном такси). А с 1 ноября я переселяюсь в «свою» снятую трехкомнатную квартиру на улице Хамапилим (Первопроходцев).

Израильские родители

Самую счастливую карту я вытащила, заимев соседей из квартиры напротив. Профессор Фаина и международный переводчик Вера стали моими настоящими израильскими родителями. Арбатские москвички, они отличались настоящим московским хлебосольством, давали толковые и дельные советы. Я называла их квартиру, как пьесу Фермо – «Двери хлопают». У их набитых деликатесами холодильников паслись целые стада гостей, а в шабат (празднование субботы) наблюдалось настоящее вавилонское столпотворение.

В свободное плавание

Первая самостоятельная поездка в Тель-Авив. Еду на встречу с Яковом Меровичем. Человек с уникальным голосом – бельканговским тенором и такой же уникальной биографией. Был принят в Тель-Авивский оперный театр в 64-летнем возрасте. Ехать побаиваюсь. Уши для языка пока закрыты. В Тель-Авиве почти не звучит русский, в отличие от Иерусалима, где по-русски говорит каждый второй. Мы гуляем с ним по центру города, и Яша поет во все горло арию Ленского. Шум трасс таков, что его почти не слышно. Впрочем, проходящая мимо русская израильтянка улыбаясь кричит: «Онегин?»

С шофером междугородного автобуса объясняюсь заученной фразой: «Гам бэ хазара» («билет туда и обратно») не без страха, что не поймет меня.

Тур-а колледж

(он же ульпан Мораша колледж)

Первые занятия начались. В классе 41 человек. Публика разновозрастная, но уровневая: профессор математики, переводчица из Перу, которую все зовут сеньорой, тупой как бревно тренер из Симферополя.

Пять часов чистой говорильни. Через два с половиной часа – афсака (перерыв) на чай, кофе, молоко (все за счет заведения). Голова плывет. Директор со звучным именем Арье (Лев) тасует педагогов как колоду карт. Никогда не знаешь, кто придет: носители языка – Орна, толстая Финна, россияне – лохматая Оля или обаятельный Вадим.

Шабат Шалом

В какой-то степени Израиль живет в своем измерении – поперек всего мира. Шабат (празднование субботы) начинается около четырех часов пополудни пятницы. По радио объявляют время зажигания субботних свечей. Замирают улицы, закрываются магазины, не работает общественный транспорт. На виллах, коих в Бейт-Шемеше великое множество, у большого обеденного стола собирается вся семья, седой патриарх читает Тору. Шабат длится до вечера субботы. Сначала было странное чувство, что не можешь никуда поехать, но потом я научилась использовать эту благословенную передышку для интенсивных фортепианных занятий. Отец прислал мне 700 долларов, и я купила старенькое немецкое фортепиано «Кэмлер» с «измученной» душой.

Невыразимая легкость бытия

А лето все продолжается, хотя уже середина октября. Полностью в белом хлопке под жарким залитым вездесущим израильским солнцем улочкам иду на остановку, чтобы через какие-то тридцать минут оказаться на Средиземном, в городке Бат-Ям (Дочь моря). Каждый шабат нас возит на моря русская репатриантка Рая. Средиземное! Изумрудное, с белыми барашками волн. Помнится, в автобусе кто-то счастливо выдохнул: «МОРЕ!!!» Когда плывешь в упругой горько-соленой воде, впадаешь в настоящую эйфорию! Совсем иное – Мертвое море (Ям мелах, переводится – соленое). Дымчатые краски, розовые горы за которыми Иордания. Пейзаж для художника-импрессиониста. Сестра Дина плавает в одетом виде на пластиковом стуле и читает газету. Вода концентрированная и напоминает жирный бульон. Утонуть невозможно, она выталкивает плечи, покрытые узорами соли, независимо от того, какая под тобой глубина – 1 метр или 10. Россияне намазывают себя черной грязью «для здоровья», серой для косметики. Черные тела и серые лица – картина маслом!

Израильский оперный театр

Оперный театр в Тель-Авиве, ул. Леонардо да Винчи

Впервые в оперном театре. Дают «Армиду» Глюка. Качество голосов выше всяких похвал, поскольку приглашаются молодые оперные звезды Европы и США. Но на сцене минимум декораций, никакого сценографического решения, интерьер также странен: черные стены, а вместо люстр софиты. Театр не начинается с вешалки, ее нет по определению.

Еду после трехчасового оперного действа к себе в Бейт мимо мандариновых садов, освещенных закатным светом солнца, висящего над садами большим мандарином. Подъезжаем. Бейт-Шемеш – это ботанический сад, наполненный ароматами эвкалиптов и кипарисов. Розы, пальмы, бугенвиллеи – вся эта южная красота долго застит глаза, забываешь что это просто сонный маленький городок, где главные события – вторник, четверг – базарные дни. В дальнейшем, думаю я, надо перебираться в Иерусалим.

Первые ученики

Мои первые ученики

У меня трое новых учеников. Это внуки хозяев квартиры. Батель (дочь Бога), Зоар (сияние), Элиор (божий свет). Имена детей красивы и многозначны. Все трое

обладают абсолютным слухом и итальянскими голосами. Отец – Авнер – выходец из Марроко, мать – Люба – россиянка. Батель и Зоар занимаются фанатично, Элиор разгильдяй. Бабушка (родом из Чернигова) разрешает мне свернуть ноты в рулон и огреть его по башке. «Но-но, – говорит Элиор, – я звоню в полицию!» Дети Израиля отлично знают свои права! Вспыльчивый и своенравный Авнер может только повысить голос на своего отпрыска, даже шлепнуть нельзя. Для начала папу ждет крупный штраф, потом и вовсе могут счастья отцовства лишить!

«Бройлерная» балетная школа

Первая работа. Я концертмейстер балетной школы, что находится в кибуце Цора. Во французские окна балетного зала доносится «упоительный запах» навозных брикетов. Работать сложно, потому что нет ни единого человека, говорящего по-русски. Но язык балета – французский, и все эти «батман тандю», «батман фраппэ» знакомы. Опыт работы в балетной школе у меня был. Среди балерин, учениц старшего школьного возраста, двоетрое с фактурой бройлерных кур и весом 90–100 килограмм. На мой вопрос, почему принимают таких, ответ короток: кто платит, тот и танцует! В перерывах «бройлерные куры» едят бутерброды, типа нарезной батон продольно, а на нем хумус, сыр, ветчина. Потом они идут к автомату и пьют кофе, чай, шоколад, пока не начинают булькать. Хореографы на высоте: и школа отличная, и вес балетный. Однако реплика «Играйте из головы балеты Чайковского!» обескураживает, нот нет в принципе. Комментарии, как говорится, излишни…

Эвелин

Служебный вход в театр

У меня появляется новая взрослая ученица-пианистка Эвелин. Балерина в прошлом, ныне врач, она проявляет завидный фанатизм и дисциплину. Когда я впервые позвонила ей для составления расписания, она издала восторженный марокканский вопль! На Песах она опустошила свою виллу и привезла 15–16 курток, пальто, более 200 тарелок, старенький, но вполне работоспособный компьютер. Щедрая душа. Михаэль, муж Эвелин попросил меня поиграть прелюдии Скрябина, а потом задумчиво так сказал: «Большое искусство – оно в России…»

Приезд Анки

Приезжает моя юная племянница. Гуляем с ней по Иерусалиму, по его древним улочкам, по арабскому рынку. Витражная дверь среди его торговых рядов выводит прямо к храму Гроба Господня. Внутри храма – скамья Тайной вечери, к которой все прикладывают крестики, а в маленькой пещерке, в которую стоит небольшая очередь, скамья, на которой лежал Христос после снятия с креста. Мы заходим в нее, становимся на колени и вдруг, раскованные и развеселые после арабского рынка, начинаем плакать разом. Дух – он нетленен…

Юлька

Археологический парк в г. Шифта. II век до н.э.

Неделя Песаха. Под окном раздается бибиканье Юлькиного «форда». Загрузив своих трех шумных отпрысков на заднее сиденье машины, она везет нас по атласным дорогам Израиля. Благодаря ей мы увидели археологический парк города Шифта (II век до нашей эры), волшебный город Яффо – по набережной его разгуливал Наполеон, скульптура которого напоминает об этом событии. Старинный Яффо – это мост зодиаков, и найдя свой, можно положить на него ладонь и загадать желание, это улочки зодиаков, мастерские художников, маленькие театры. Назавтра мы едем в Эйн Керем – средоточие религиозного духа и храмов православных и католических, а также во французский монастырь, где покоятся мощи матери Иоанна Крестителя. Мы смотрим на страну через призму Юлькиных влюбленных глаз. Приехав в Израиль из Харькова пятнадцатилетней девчонкой, она обошла его вдоль и поперек, где автостопом, а где пешком. Как-то их с подругой обнаружила полиция на горе Кармель, где они устроились на ночлег в спальных мешках. «Что вы здесь делаете, девчонки?» – спросили полицейские. «Как что? Изучаем страну», – донеслось из мешков. «Ну тогда спокойной ночи», – сказали стражи закона.

Садик у Дома-музея Анны Тихо. Иерусалим

На пасхальном седере у Эвелин

Мы с Анкой приглашены на пасхальный седер. Это когда многочисленные родственники собираются все вместе и читают Агаду – исход из Египта. На столе соленая вода – слезы рабства, куриные крылышки – символ свободы. Мы тоже читаем (на русском), а потом начинается пир горой в марокканском вкусе.

Заканчивается вечер вполне по-европейски: меня просят поиграть Шопена.

Ужасы израильской зимы

Зимней одеждой в Израиле считаются толстые шерстяные носки и тапки, потому что зима в полном смысле слова в квартире. Это на улице сияют свои плюс 14. Россияне, привыкшие к горячим батареям, обескуражены: батарей нет по определению. Два мозгана (кондиционеры), три электрокамина и масляная батарея едва нагревают квартиру до плюс 21 градуса. Сплю под пуховым атласным одеялом в шерстяном трико. Утром первое движение к пульту – я устанавливаю на 29 градусов, через 10 минут можно вставать. В зале всего плюс 14!!! От пола (мраморные плитки) несет холодом. Зима длится примерно с ноября по конец апреля.

Доктор Коскин и другие

Пережив пять месяцев израильской зимы, в июне я все-таки заболела какой-то чудовищной смесью ангины с гриппом с температурой 39,4. Моя поликлиника, которая правильно называется Меохедет («особенная») и впрямь оказалась чем-то из ряда вон! Доктор не придет, сбивай температуру и ползи как можешь по адской жаре. Зайдя в кабинет доктора (ее фамилия оказалась Коскин), я приготовилась перечислять симптомы: але гарон (болит горло), как вдруг услышала привычное : «На что жалуетесь?». Оказалось, что антибиотиками население пичкают лишь в случае нахождения стрептоккоков и стафилоккоков, если же обычный вирус – аккомоль (мягкий аспирин), вода в больших количествах, фрукты, Мертвое море. «Мы не травим химией людей», – подвела итоги доктор Коскин.

На волне любви к Иерусалиму

Это единственное место в Израиле, где мне хотелось бы жить. Часто, гуляя по нему, я испытывала странное ощущение иррациональной эйфории: когда в маслиновом садике слушала репетицию прекрасного пианиста Анатолия Тартаковского, играющего «Крейслериану» Шумана, в Доме-музее Анны Тихо, когда на улице Агриппас в русском книжном подруга купила мне полное собрание сочинений М. Зощенко, когда с друзьями сидела в кафе и любовалась панорамой Биньяней ха Ума, когда бродила по шуку (старый рынок) и смотрела на синий шелковый купол высокого иерусалимского неба. В октябре я засобиралась домой, в Россию, как полагала, на месяц… Но приехав, поняла, что не смогу вернуться, в приоритете оказалось ТВОРЧЕСТВО! Мой класс (14 человек) собрался за неделю. Начались концерты – фортепианные и вокальные. Возродилась «Фортепианная гостиная». В филармонии были каскады фортепианных концертов.

Но что же было делать с маленькой страной, любовь к которой прочно вошла в мое сердце? Может быть, следовало бы жить на две страны? Об этом стоит поразмыслить.

Аюттая – средневековая столица Сиама

Виктория ШИШКИНА
Фото автора

Тропы почти всех туристов в Таиланде непременно ведут к многолюдной и шумной столице страны – Бангкоку, которая удивляет каждого неожиданным сочетанием урбанизации и архаики. Повсюду на улицах украшенные цветочными гирляндами, нарядные, почти игрушечные, домики духов со свежими подношениям. А рядом ревущие ленты многоярусных скоростных магистралей и крыши небоскребов с разметкой посадочных площадок для вертолетов.

Современное состояние руинированного ансамбля Ват Чай Ваттанарам 1630 г.

Свидетели старины мегаполиса – ребристые высокие башни храмов на берегах быстрой реки Чуапраи, буквально кипящей от стремительных движений священных белобрюхих сомов. Экзотика, безмерная яркость цвета и изощренность форм архитектурного декора дворцов в сочетании с невыносимо влажной жарой просто ошеломляют. Шестиметровые статуи великанов-ракшасов, охраняющие от злых духов павильоны Большого Королевского дворца и храм Изумрудного Будды, устремленные к небу золотые шпили реликвариев невероятно далеки от привычно сдержанного облика европейских столиц. Блеск и мерцание красочных форм как-то незаметно погружают в восторженные детские видения волшебного царства, полного невиданных красот и несметных богатств. Если вы никогда не были в Большом Королевском дворце Бангкока в солнечный день – это значит, что о яркости цвета у вас самые прозаичные представления.

Руины другого некогда великого города – средневековой столицы Сиама, изумлявшей своей красотой европейцев, находятся примерно в 80 километрах от Бангкока. Приехать сюда в сезон завершения дождей непросто. Туристический бум пока еще не начался, да и, к сожалению, у русских туристов Аюттая (Аюттхая, Аюттхайя, Аютия), часто характеризуемая в путеводителях как полностью разрушенная древняя столица Сиама, не вызывает большого интереса, представляясь грудами битого камня и кирпича. Между тем руины некогда прекрасного города занесены в список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО, могут и сейчас поразить воображение.

Уже с XIV столетия в нижнем течении Менама князь Утонга основал в 1350 году новую столицу – Аюттаю. Вскоре она стала центром государства Сиам, распространив свое влияние на центральный Таиланд и на юг – на часть Малаккского полуострова. С XIV по XVIII век Аюттая была мощным культурным центром. Прочные торговые связи соединяли ее с Китаем, Японией, странами Юго-Восточной Азии и Европы. Король Франции Людовик XIV отправлял в Сиам своих послов, а британские и португальские купцы приезжали сюда за ароматными специями. Историки отмечают, что «столица Сиама в XVII в. превосходила Париж. Считалось, что в Аюттае проживают подданные (или представители) 43 государств. Подданным каждого иностранного государства предоставлялся особый квартал, или слобода, где они могли жить, следуя законам и обычаям своей страны, под управлением старшины, выбранного из их числа и ведшего дела с сиамскими чиновниками» (Э.О. Берзин. История Таиланда. 1973). Интенсивная торговая жизнь города привела к стремительному расцвету его культуры. Аюттая стала центром художественной жизни и ремесленного производства. Великолепие отстраиваемых дворцов и храмовых ансамблей, искусно украшенных умелыми мастерами прикладного искусства, было отмечено в восторженных описаниях, побывавших здесь европейцев: купцов, путешественников и миссионеров.

Между тем история столицы не была безмятежной: страна часто страдала от военных походов Бирмы. Сиам пережил огромное потрясение, когда после продолжительных войн бирманцы на боевых слонах все же сумели в 1767 году окончательно покорить город. Жители Аюттаи надеялись, что разлив реки спасет их, оттеснив завоевателей, но этого не произошло. Бирманцы, зная коварный нрав стихии, предусмотрительно заняли возвышения,

Обряд укрывания статуи Лежащего Будды покрывалом в действующем храме Аюттаи

сохранив осаду. Покорение страны было жестоким. К сожалению, в огне войны погибли исторические летописи и архивы Аюттаи, поэтому о печальной участи города мы узнаем из других письменных источников. Оказалась уничтоженной гражданская деревянная архитектура и великолепные дворцы правителей Сиама. Завоеватели расплавили золотые статуи Будды и ограбили реликварии, некоторые из них в поисках ценностей были разрушены до основания, ведь тайские храмы того времени были истинными сокровищницами. Со временем в обезлюдевшей столице исчезли пруды для лотосов и водоемы у храмов для разведения священной живности. Опустевшие ряды маленьких и больших ниш храмовых комплексов, заполненные ранее статуями святых, постепенно зарастали травой. Руины города были преданы полному забвению.

Сейчас о былом величии столицы Сиама свидетельствуют панорамы храмовых ансамблей. Здесь тихо и спокойно, хорошо думается, не отвлекают разноголосица и толкотня ошалевших от влажного и горячего воздуха полчищ туристов. Культовые памятники Аюттаи предстают перед посетителем как гигантские полуразрушенные пазлы, и прошлое здесь особенно осязаемо. Многочисленные утраты и разрушения настойчиво требуют мысленного восстановления. Каменные статуи Будды, украшавшие храмовые комплексы, утратили свои головы, разбитые бирманцами. Завоеватели также были буддистами, но не побоялись обезглавить богов в сиамских храмах, показывая, что тайцы не в состоянии защитить даже свои святыни. Так и остались до современного времени аллеи обезглавленных священных статуй в ансамбле Ват Махатхат, строительство которого было завершено в 1384 году при короле Рамесуане. Сам храм был королевским монастырем, и здесь сохранилась не разбитой от варварской акции бирманцев лишь одна средневековая голова Будды. Срубленная с плеч статуи и погребенная под обломками, она одновременно простым и чудесным образом явилась миру только через века. Корни дерева оплели и постепенно подняли над поверхностью земли спокойный, медитирующий лик с полуприкрытыми глазами. Древний образ Будды в объятиях корней – одна из главных святынь в Аюттае для исповедующих буддизм, рядом с которой можно фотографироваться лишь присев на

Уличная торговля перед входом в храм

Панорама комплекса Ват Пхра Си Санпхет. XV в. В реликвариях захоронен прах короля Боромарача II и двух его сыновей

корточки, дабы не возвышаться над святыней, с которой у тайцев связано множество легенд.

Один из замечательных руинированных архитектурных комплексов Аюттаи, стоящий на берегу реки Ват Чай Ваттанарам, основан в 1630 году. Рядом с храмом установлена модель реконструкции всего ансамбля, но даже без нее можно видеть зримое воплощение не только универсалий средневековой эстетики буддизма, но и традиции классической точной пространственной упорядоченности форм. Панорама храмового комплекса – отражение глубокого понимания пропорций и соотношений постепенно нарастающих объемов башен, создающих эффект грандиозности величественного замысла. Массивные ребристые башни напоминают выросшие из земли гигантские кристаллы. При создании архитектурных ансамблей зодчие Юго-Восточной Азии, конечно, были связаны многочисленными канонами. По-видимому, ансамбль воспроизводил в буддийской версии уменьшенную модель Вселенной. Центральная башня – стройная, 35-метровой высоты, как бы задает собой вертикальную доминанту и символизирует легендарную гору Меру, состоящую из золота и драгоценных камней. Согласно мифу гора – центр вселенной, на ней живут боги, а вокруг вращаются солнце, луна и планеты. Четыре меньших башни словно вторят формам центральной башни, подготавливая ее медленное движение кверху. Они олицетворяют четыре континента, плывущих в стороны света. Ват (храм) принадлежал королевской династии и был построен в правление Прасаттхонга. Грандиозный ансамбль был связан с религиозными обрядами тайцев и предназначался для культовых церемоний с участием членов королевской семьи. На его территории также проходила кремация принцев и принцесс. Здесь было установлено более ста статуй Будды, также обезглавленных бирманцами в 1767 году. Храм, веками страдавший от наводнений, не был пощажен стихией и в позапрошлом году, когда в Таиланде случилось самое большое за последние 50 лет наводнение, Ват Чай Ваттанарам не спасла даже стационарная дамба. Поэтому не удалось пройти по священной тропе процессий мимо реликвариев и других культовых сооружений. Но не только река, но и жаркий влажный климат разрушает древние памятники, способствуя бурному росту растений прямо

в каменном декоре руин. Их цепкие корни постепенно разрывают тщательно выполненную кирпичную кладку и даже блоки латерита (горная порода). Изумление вызывает бесстрашная работа уборщиков, которые без страховочных веревок и ремней на многометровой высоте выдергивают ярко-зеленые побеги, закрепившиеся на стройных башнях. Даже в руины Ват Чай Ваттанарама вызывают восхищение красотой пропорций и соразмерностью форм. Стройный и гармоничный, он навсегда останется таким, каков есть сейчас – разрушенным ослепленными, обезумевшими от ненависти людьми, стихией воды и временем, и все же удивительно прекрасным. Хотя еще в 1956 году правительством Таиланда было принято решение о реставрации архитектурных памятников Аюттаи, этот ансамбль из-за значительных утрат может быть восстановлен лишь частично.

Средние века – это время, когда происходил непрерывный обмен художественным опытом между странами Юго-Восточной Азии. Многочисленные руины реликвариев можно видеть в каждом храмовом комплексе Аюттаи. Часто они образуют композиционно продуманные группы с другими памятниками, а иногда своеобразные микроансамбли. Появление этого типа сооружений уводит на родину буддизма – в Индию и связано с известным событием из жизни Просветленного. Согласно легенде, ученики Будды однажды спросили его: «Как поминать тебя, Учитель, когда ты уйдешь?» В ответ Будда молча расстелил на земле свою накидку, поставил на нее вверх дном чашу для подаяний и зонт. То есть три обязательных компонента реликвария означают одежду монаха, чашу для подаяний и зонт, защищающий от солнца и дождя. Так в соответствии с традицией возник индийский реликварий (ступа). Ступа также воплощает собой космическое начало вселенной и всегда состоит из основания, полусферы, шеста на ее вершине с нанизанными на него кругами, символизирующими небо. В Сиаме этот тип культового сооружения несколько изменился в пропорциях и получил название пранг. Тайский пранг иногда называют разновидностью прачеди (Моде Х. Искусство Южной и Юго-Восточной Азии, 1978). Реликварий всегда имеет вытянутую форму, его высокий шпиль часто состоит из нанизанных друг на друга дисков, условно передающих многоярусные зонтики индийских ступ. Эти сооружения первоначально строили для хранения реликвий Будды или просто в память о Просветленном, позднее некоторые из них тайцы строили для хранения пепла членов королевских династий.

Как известно, «колесо учения» (дхармачакра) – один из главных символов буддизма. Согласно традиции оно было приведено в движение Буддой после его просветления во время первой проповеди в роще близ Сарнатха (Индия). В Аюттае также ощутимо символическое присутствие Будды. Верующие приносят дары и цветы лотоса – символа чистоты и духовного просветления к действующим святилищам. Преклоняются перед огромным почти полуметровым отпечатком ноги Будды (Буддапада), являющимся священным знаком его присутствия. Как это часто бывает, здесь одновременно уживаются святое и житейское, обыденное. Всего за 500 батов можно укрыть золотистым покрывалом многометровую белоснежную статую Лежащего Будды и решить этим обрядом личные финансовые

Голова Будды, извлеченная корнями из культурного слоя – символ средневековой столицы Сиама Аюттаи. Ансамбль Ват Махатхат. 1384

проблемы. В литературных источниках часто отмечается, что ни в одной другой стране Юго-Восточной Азии не изготавливалось такого количества статуй Будды, как в Таиланде. Камень, металл, терракота, а сейчас даже литье из разноцветного пластика служат для создания миниатюрных и больших статуй. Несмотря на то, что миниатюрные фигурки буддийских святых продаются совершенно свободно и не только на территории храмов, вывоз из страны даже современных изображений Будды не поощряется. По словам экскурсоводов, исключение делается только для фигурок высотой не более 8 сантиметров.

Действующие монастыри в Таиланде есть повсеместно и играют заметную роль в обществе. До сих пор во

На переднем плане многогранное основание разрушенного в поисках сокровищ реликвария. Ансамбль Ват Ратбурана. 1424

Панорама загородной летней резиденции тайских королей. В центре озера павильон Айсаван Типпайя Асна. XIX в. На втором плане дворец Банг Па-Ин. XVII в. Аюттая

многих семьях принято на сезон дождей отправлять туда сыновей. Если же отпрыски огорчают своих близких непутевостью, то родные отправят их в монастырь обязательно. Строгие правила поведения, удаленность от мирских соблазнов и утех, ежедневный физический и духовный труд, по словам тайцев, творят чудеса, часто возвращая в лоно семьи исправившихся юношей.

В окрестностях Аюттаи находится загородная резиденция монархов Таиланда, посещаемая ныне королевской семьей. Живописная парковая территория, включающая систему искусственных каналов с фонтанами, перекинутыми мостами и водоемами с островками – один из примеров ландшафтного мышления тайских мастеров. Тонкое понимание природы помогло зодчим продумать принципы размещения зданий в самых живописных местах. Первый летний дворец Банг Па-Ин был построен королем Прасат Тхонгом еще в XVII веке, но весь ансамбль создавался постепенно, на протяжении нескольких веков. Одной из достопримечательностей королевской резиденции является павильон Айсаван Типпайя Асна, построенный в XIX веке. Он находится в центре искусственного озера и напоминает хрупкий цветок. Легкая многоярусная крыша с тонким резным шпилем – характерный пример тайской архитектуры – создает эффект парения над водой. С течением времени здесь были выстроены дворцы и павильоны в традициях неоклассики и водонапорная башня, решенная как неоготическая постройка. Издалека заметна двухъярусная черепичная крыша, украшенная драконами и сложной резьбой. Окрашенные в красный цвет элементы декора позволяют безошибочно отличить дворец, построенный в «китайском стиле». Весь загородный ансамбль представляет собой образец эклектики, невероятного и даже забавного смешения европейских и тайских традиций архитектуры. Парк королевской резиденции оформлялся с таким расчетом, чтобы посетитель мог чувствовать себя окруженным природой, пышными тропическими растениями, цветами и с разных точек обзора ему открывались новые ландшафтные перспективы. В каналах и прудах парка кипит жизнь. Здесь привольно живется черепахам, рыбам и кайманам. Увидеть сонную рептилию, отдыхающую на ухоженной травке, считается хорошей приметой. Комплекс по своему характеру и назначению перекликается с парижским Версалем и отечественным Петергофом. Он такой же пышный, эффектный, но очень… тайский.

Бывшая средневековая столица Сиама Аюттая живет сейчас вполне тихой жизнью сравнительно небольшого провинциального города, оживающей только в туристский сезон. Ее бурное и яркое прошлое отражено в замечательных памятниках архитектуры, способных вызвать в сознании отчетливые исторические реминисценции. Здесь, среди величественных развалин, где неспешно ведутся реставрационные работы, невольно возникают раздумья о противоречивой сущности человеческой натуры, наделенной как способностью к безудержному творческому созиданию, так и к безумному разрушению.

Максим Ананенко.
Старая пластинка. 1991
Бронза, литье. 58 x 60 x 40

Единое пространство культуры

Фотовыставка «Панорама родного края»

Событие

Путешествие по ночной библиотеке

Глеб МОРДОВЦЕВ
Фото Елены КОСОГОВОЙ и автора

В ночь с 19 на 20 апреля на центральной улице Хабаровска было абсолютно нормальным услышать вопрос «Не подскажете, как пройти в библиотеку?». Никто не удивлялся, потому что впервые в нашем городе проходила всероссийская акция «Библионочь».

Песни дальневосточных бардов

Участниками этого масштабного события стали несколько хабаровских библиотек, а его центром – Дальневосточная государственная научная библиотека. Три этажа старинного здания стали такими многолюдными, что яблоку негде было упасть. Все, кто пришел в эту ночь в библиотеку, с большим интересом обследовали каждый ее уголок, делясь друг с другом впечатлениями. Среди поздних гостей оказалось много молодежи, уже готовой к подобным неформальным акциям. Пожалуй, впервые в храме книги было так весело и шумно.

В одном зале проходила захватывающая игра в жанре живого квеста, и каждый желающий мог на час превратиться в литературного героя из любимых книг о пиратах и кладах и даже стать главным действующим лицом. В другом зале развернулась фотовыставка «Панорама родного края», которая отправляла зрителя в путешествие по старому Хабаровску. И здесь же организаторы устроили самый настоящий аукцион, где главным лотом стала единственная копия самой первой фотографии Хабаровска 1865 года. Третий зал стал территорией творчества, где учили скрапбукингу (искусству создания фотоальбомов и открыток), бумагокручению, валянию из шерсти, боди-арту, работе с аквагримом, созданию кукол-оберегов и многому-многому другому. Ря-

дом распахнуло двери литературное кафе, где любой мог прочитать перед зрителями стихи собственного сочинения (и не только), а заодно приобрести известные краевые журналы, книжные новинки хабаровских издательств, познакомиться с дальневосточными писателями и даже взять у них автограф.

Кто-то из участников «Библионочи» играл в старые добрые шашки, шахматы, домино или лото, кто-то слушал сказочные истории нанайской мастерицы Раисы Барановой, а иные пробовали свои силы в интеллектуальной викторине. Особое звучание этой ночи придавала этническая музыка в исполнении музыкантов студии «Лотос», которые владеют традиционными инструментами разных народов мира. А в главном холле библиотеки звучали песни дальневосточных бардов в исполнении самих авторов.

И еще столько всего интересного: модное дефиле, живые скульптуры – образы исторических и литературных героев, танцы народов мира, аттракцион-планетарий, художественная мастерская… Но главным и самым интригующим событием стала экскурсия-путешествие «Тайные лабиринты плюснинских подвалов, или В поисках первой книги о Хабаровске». В обычные дни в недра книгохранилища могут попасть далеко не все сотрудники библиотеки, только привилегированные хранители – работники отдела книгохранения, но в эту ночь двери тайных комнат открылись для всех.

Вместе с экскурсоводами гости библиотеки спускались в темные помещения и, освещая свой путь фонариками, проходили мимо многочисленных рядов стеллажей, заполненных книгами. Петляя в загадочном лабиринте полок, коридоров и книжных переплетов, зрители окунались в атмосферу прошлого, попутно участвуя в викторине на знание родного города и узнавая много интересной информации об истории самой крупной на Дальнем Востоке библиотеки. Раньше здесь находился торговый дом купцов Плюсниных, и эти стены все еще хранят многолетние тайны. Всех, кто отважился на путешествие, ждал сюрприз: в пути им встретились таинственный Дух библиотеки и купец Плюснин собственной персоной. Напоследок во дворике библиотеки студия «Найтфолл» устроила незабываемое файер-шоу, окрасив ночное небо и колоритную кирпичную кладку библиотечных стен яркими всполохами огня.

Эта ночь для многих стала незабываемой, дав возможность каждому открыть для себя другую, креативную, сторону научной библиотеки. Те, кто раньше приходил сюда очень редко, благодаря неформальной атмосфере – через игры, мастер-классы и викторины, прикоснулись к ее богатому миру и смогли найти для себя что-то особенное. И они обязательно придут на следующий год, чтобы снова стать частью большого праздника, объединяющего всю Россию.

Представители былых эпох

Шахматный матч

Гаврила Николаевич Баранов

Выставки

А.В. Мащенко. Весна
Холст, масло

Голоса художников

Слышно, как падает роса...
Кто-то живет здесь в гармонии с этой тишиной.
Виднеется дым... Заваривается чай...

Иноуэ Сиро

Ольга ПРИВАЛОВА

Д.А. Гутов. Осенние аккорды. Энкаустика. Холст, масло

В арт-галерее «Метаморфоза» (Комсомольск-на-Амуре) уже традицией стало проводить выставки «Память сердца». Они посвящены художникам, которых сегодня нет с нами, но их творчество и составляет тот животворящий процесс, который обозначен как история дальневосточного искусства.

История изобразительного искусства – это визуальные живые страницы истории, показывающие, как наряду с освоением сурового края набирало силу духовное культурное наследие. Художники творчеством вспахивали духовную целину. В свои поиски они вбирали и уверенность человека-пер-

Г.М. Кутуров
Хабаровск
Холст, масло

вопроходца, и мощную природную красоту Дальнего Востока.

Каждая такая выставка еще раз убеждает, что картина есть голос личности художника. И это результат активного поиска авторского языка. Дальневосточные художники смело работали как с яркой насыщенной палитрой, так и с изысканной приглушенной гаммой цветовых оттенков. Особенно выразительно это проявилось в творчестве Д.А. Гутова (г. Комсомольск-на-Амуре). Он окончил Художественный институт г. Киева, и учеба в центре славянской культуры дала толчок его живописным поискам выразительного напряжения цветового тона. Поэтому он создал собственные энкаустические краски, и цвет приобрел внутреннюю упругость, а цветовая композиция в целом создавала текучие переходы. Более того, художник создал и черный энкаустический карандаш, и в соединении с углем серия работ в этой технике показывает неисчерпаемые возможности взаимодействия серого и черного тонов, при этом усиливая идею монументальности Природы. В графическом пространстве офортов А.В. Гурикова (г. Хабаровск) этот притягательный черно-светлый контраст также неисчерпаем и загадочен.

Подобные выставки приносят и неожиданные находки для изучения творчества художников. В экспозицию вошли работы художника Г. С. Ли Гирсу (г. Комсомольск-на-Амуре) разных периодов его творчества. В Комсомольск художник приехал с художественными работами, сделанными во время и после учебы в Самарканде, Ленинграде. Они

Д.А. Гутов. Туман
Энкаустика. Оргалит, уголь

Г.М. Кутуров. Памяти Рихтера
Бумага, смешанная техника

Д.А. Романюк. На пленэре
Линогравюра

классически выверены по цвету и композиции. Когда же художник решил жить на Дальнем Востоке, то вдруг увидел другой природный мир, другой воздух. И он, как будто прикоснувшись к своим восточным корням, создал новый синтетический язык в своей живописи, который называют и мерцающим, и серебристым с неуловимо пастельной гаммой.

Как ни странно, но эта экспозиция обнаружила, что монохромные по технике линогравюры Д. Романюка (г. Хабаровск) обладают таким же притягательным цветовым ощущением жемчужного перелива. Художник так тонко, в счастливом настроении открывателя, перебирает своим штихелем разнообразие природных форм, буквально тактильным чувством создает мир лесных обитателей, присоединяя радость человека от прогулки, от встречи с друзьями, с природой.

Художника можно сравнить с коллекционером, из природы собирающим душой, мыслью образ, каждую линию, неповторимые цветовые сочетания. Мастер создает пластические идеи, преображая окружающий мир в духовную суть. Лейтмотивом живописного и графического наследия Г.М. Кутурова (г. Хабаровск) стали женщина и музыка. В триптихе, посвященном С. Рихтеру, явно слышится мелодия, как тонкая (искренняя) нота человеческого чувствования. Здесь есть и видимый, и невидимый след ангелов как ирреального пространства, и по изобразительности, цветовой сдержанности – сосредоточение на мелодии, но графическая фактура (золочением, эффектом рукотворной бумаги) вносит ту ноту движения жизни, которая обогащает полифонию композиции.

Такие выставки – это как новые встречи, которые учат жить и творить сегодня. Это профессиональная культура художников, отмеченная особым отношением к самому творческому процессу, где чувствуется деликатность в теме, идее, желание выразить собственный мир чувствования, – это сродни священнодействию над холстом, бумагой. Искусство не терпит суеты. Невольно в сравнении с сегодняшним днем испытываешь ностальгию о понятиях «Художник», «Творец», «Искусство». Особенность таких выставок еще и в том, что художественные произведения собираются из частных коллекций, из мастерских художников. Поэтому они в какой-то мере являются неожиданностью и для публики, и для профессионалов. Их можно увидеть только в короткий период, во время выставки, а потом они возвращаются к людям, которые продолжают бережно их сохранять для потомков.

Художники, чьи произведения представлены на выставке «Память сердца»:

Андрианов Геннадий Иванович (1930–1994), живописец, Рязанское художественное училище.

Васильев Владлен Викторович (1929–1976?). График офорт, плакат, карикатура, иллюстрация. Художественно-графическое отделение г. Биробиджана.

Ли Гирсу Георгий Семенович (1922–1995). Заслуженный художник РСФСР, живописец. Самаркандское художественное училище, Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина.

Гуриков Александр Викторович (1941–2005). Заслуженный художник России, живописец, график. Художественно-графический факультет Хабаровского государственного педагогического института.

Гутов Дмитрий Андреевич (1927–2000). Живописец. Художественный институт г. Киева.

Димура Евгений Федорович (1930–2004). График. Народный университет культуры г. Владивостока, отделение живописи.

Заславский Николай Гаврилович, (1921–1991). Живописец. Краснодарское художественно-педагогическое училище.

Кутуров Геннадий Матвеевич (1937–2001). Живописец, график. Художественно-графический факультет Хабаровского государственного педагогического института.

Лукьянов Геннадий Сергеевич (1941–1995). Живописец, график. Художественно-графический факультет Биробиджанского педагогического училища, художественно-графический факультет Хабаровского государственного педагогического института.

Романюк Дмитрий Андреевич (1932–1992). Живописец, график. Владивостокское художественное училище, графический факультет Харьковского художественного института.

Петухов Сергей Иванович (1953–2007). Живописец. Художественно-графический факультет Хабаровского государственного педагогического института.

Пихтовников Анатолий Валентинович (1942–2010?) Живописец. Свердловское художественное училище.

Мащенко Алексей Васильевич (1919–2005). Живописец. Ярославское художественное училище.

Шкраб Вениамин Львович (1915–1987). Живописец. Одесский художественный институт, Художественный Московский институт повышения квалификации художников-живописцев.

А.В. Пихтовников. В низовьях Амура. 1975

Холст, масло

Г.С. Ли Гирсу. Горячий ключ. Жажда

Холст, масло

Г.И. Андрианов. Ветка яблони

Холст, масло

Беседы в мастерской

Шахназар Шахназаров: «Керамика – это все!»

Нечасто удается побывать там, где рождаются произведения искусства. Тем значимее моменты, когда появляется возможность заглянуть за закрытую от чужих глаз дверь и приобщиться к таинству. Мне посчастливилось побеседовать с хабаровским художником-керамистом Шахназаром Шахназаровым в его мастерской. Готовясь к этой встрече, я узнал, что мастер работает в самых различных художественных техниках. Список внушительный: живопись, скульптура, резьба по дереву, керамика, эмаль…
И что же во главе угла?

Шахназар ШАХНАЗАРОВ – художник-керамист, сотрудник Хабаровского краевого музея им Н.И Гродекова (Музей археологии). Родился в 1963 году в селе Гасан-Кала Азербайджанской ССР. В 1996 году окончил Хабаровский краевой колледж искусств, в 2008 году – факультет изобразительных искусств и дизайна ДВГГУ. Участник ряда городских выставок. Персональные выставки проходили в Дальневосточном художественном музее (Хабаровск), Музее изобразительных искусств (Комсомольск-на-Амуре), Краевом музее им. Н.И. Гродекова, Картинной галерее им. А.М. Федотова. Участник краевых и региональных выставок, международных выставок в Республике Корея и КНР.

– Наверное, керамика, – говорит Шахназар. – Когда я устроился на работу в Хабаровский музей археологии, имел контакт с керамикой, найденной при раскопках на территории Дальнего Востока. В ней обнаружил совершенно незнакомые мне узоры, особые способы декорирования. Это и натолкнуло на мысль создать уникальный и узнаваемый образ хабаровской керамики. Сначала была лишь идея, но после соприкосновения с древностью она получила конкретное воплощение. Теперь я работаю преимущественно в этом направлении, занимаюсь керамикой, но не забываю и о других техниках.

В прошлом году в Краевом музее им. Н.И. Гродекова прошла моя персональная выставка «Наследие». Готовясь к ней, я попытался вести диалог с древностью, с гончарами давно ушедших эпох, сравнивая их работы с собственным представлением о хабаровской керамике. На выставке вместе со своими работами мне удалось представить интересные образцы керамики, долгое время хранившиеся в запасниках музея, так что практически все экспонаты зритель увидел впервые. Этот выставочный проект стал моим первым большим шагом к рождению того творческого образа, в поисках которого я нахожусь уже много лет.

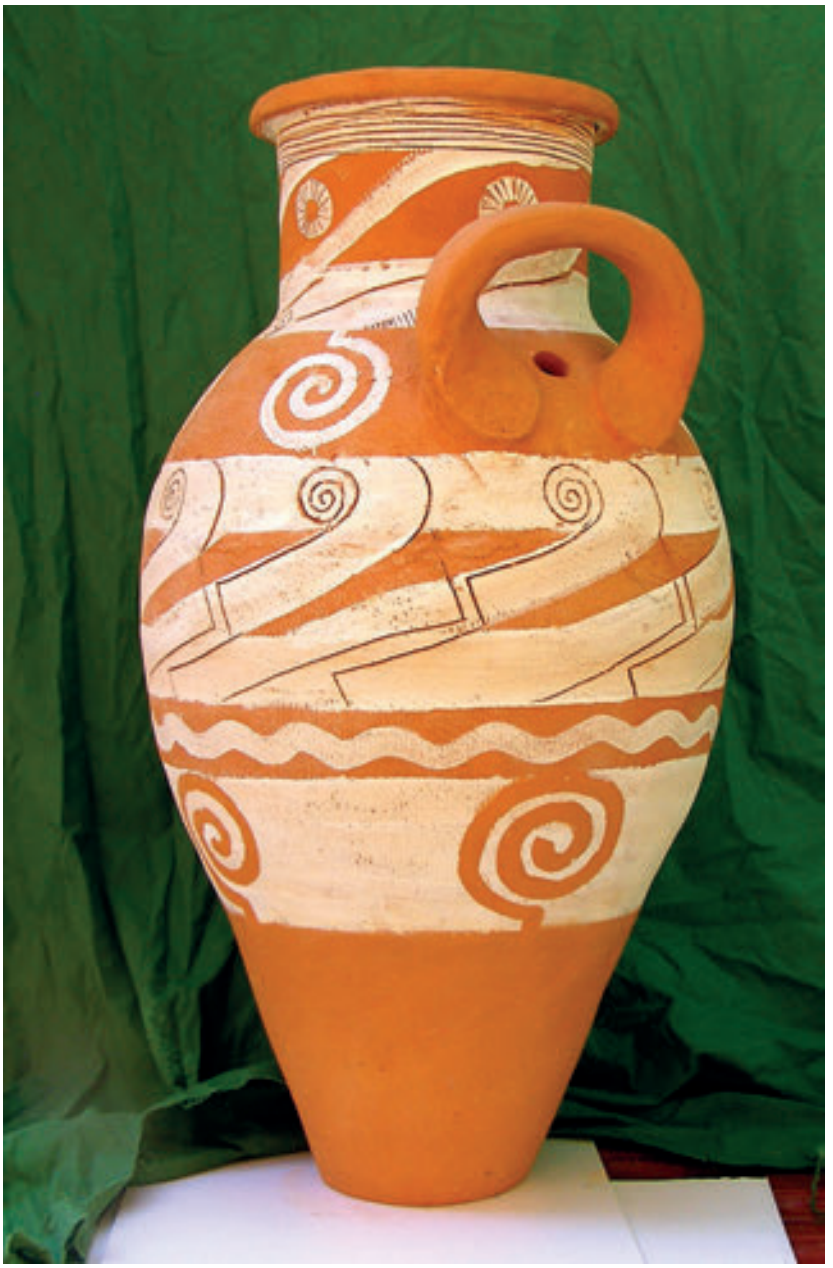
– Что же отличает хабаровскую керамику от керамики других регионов?

– Особенность хабаровской керамики в формах и способах декорирования. На найденных оттисках и черепках хорошо видны особые чешуйчатые узоры. Археологические исследования подтверждают, что ни в одном регионе России такой способ декорирования не применялся. Еще на обнаруженных образцах встречаются изображения символа, многим известного как инь-ян. И вот что интересно: этим черепкам намного больше лет, чем самому восточному символу. В древности сосуды декорировали не только для красоты, но и в качестве оберега, для защиты от злых духов, привлечения достатка в семью и так далее. Орнаменты и декоры на керамике, найденной при археологических раскопках, представляют собой интересные образы, которые я стараюсь воплотить в своих работах.

– Когда глина в руках мастера становится произведением искусства, в этом тоже есть что-то мистическое. А с чего все начинается?

– Первый шаг – идея. Она вынашивается долгое время, и наконец наступает момент, когда появляется необходимость воплотить ее в жизнь. Например, если это будет сосуд, я придумываю его будущую форму и орнамент, делаю эскизы. Иногда это бывает экспромт, когда идея развивается по мере создания произведения.

Материал для художественной лепки я использую тот же, что и гончары тысячи лет назад, – красную глину. Добываю ее сам – неподалеку от Хабаровска есть замечательное месторождение. Очищаю от крупной примеси, добавляю песок и делаю густую массу. Для гончарного дела глину нужно просеивать от любой примеси, иначе из-за маленького чужеродного тела вся работа пойдет насмарку. Для этого я развожу ее до жидкого состояния и сцеживаю готовую глину. Когда материал готов, начинается процесс лепки и обжига. Вообще при работе с глиной сущест-



Маслобойка «Изобилие». Керамика ангоба, 74 х 38, 2013

вует очень много мелких нюансов, которые всегда необходимо учитывать. В этом мне помогает многолетний опыт работы с глиной, а также мои личные хитрости и секреты.

Изначально у керамики всегда было исключительно практическое назначение, и зачастую из нее делалась только посуда. Я стараюсь расширить возможности керамики, и делаю из нее очень многое – от женских украшений до облицовочного кирпича. Керамика – это все! И отсюда вытекает другая моя цель – внедрение архитектурной керамики.

– И что же это?

– Так называют искусство внедрения керамики в различные архитектурные решения. Речь идет о монтировании керамики непосредственно в конструкцию здания. Это может быть что угодно: облицовка здания, декорирование фасадов домов и их интерьеров и многое другое. Керамика – это не только плитка, но и декоративный кирпич, и скульптура. И она прекрасно сочетается с другими строительными материалами, потому что может быть любой фактуры, ритма и цвета. Техники ее исполнения практически безграничны.

– И керамика так же надежна?

– Очень надежна. Керамика ничем не уступает по прочности природному камню. И с ее помощью ничем не примечательное здание можно превратить в произведение искусства. Именно поэтому я хотел бы преобразить улицы Хабаровска, украсить город архитектурной керамикой. Только представьте, как бы они ожили!

Конечно, потребуется много сил, но можно начать и с малого. Например, вдоль дорог поставить небольшие памятники и скульптуры – скажем, любимых сказочных персонажей. Ведь нигде в мире такого нет. Бронза, медь, бетон – вот современные материалы. Глину давно и незаслуженно забыли.

Или такая идея. Я часто работаю с детьми, потом мы организуем выставки их работ. Порой ребенку удается передать с помощью глины намного больше, чем взрослому художнику. Можно было бы объявить творческий конкурс среди юных хабаровчан, а по его итогам лучшие детские работы мастера воссоздавали бы в большем масштабе. Или создать аллею скульптур, основанных на детских работах. Ребенок – автор, мастер – технический исполнитель.

– Это действительно отличная идея. Как вы думаете, найдет она поддержку?

– Трудно сказать. Вопрос поддержки той или иной творческой инициативы часто оказывается непростым, но главное – не опускать рук. Чтобы заявить о себе, я участвую в различных конкурсах и выставках, стараюсь донести до зрителя свои идеи. Пока я один, но у меня есть ученики, которым передаю свои знания, подсказываю, в каком направлении двигаться.

Я верю, что для любого благого дела обязательно найдется поддержка. Ведь создание хабаровской керамики – это, в первую очередь, поддержка своей региональной культуры. С помощью такого уникального материала, как глина, можно по-настоящему украсить город, добавить новые цвета в дальневосточный колорит. Уверен, что керамика может стать основным языком архитектуры. И я думаю, однажды искусствоведы, посмотрев на мои работы или на работы моих учеников, скажут: «Да, это действительно хабаровская керамика». И это будет означать, что я добился своей цели.

Беседовал Глеб МОРДОВЦЕВ.
Фото предоставлены Шахназаром Шахназаровым

ДАРЫ Софьи Витухновской

Евгения БЫКОВА

Софья Семеновна Витухновская, 100-летие со дня рождения которой исполнилось в декабре 2012 года, стала знаковой фигурой в истории Музея изобразительных искусств Комсомольска-на-Амуре. Благодаря творческой и подвижнической деятельности этой художницы и ее мужа Хоскеля Моисеевича Сандлера в городе юности существует художественный музей, фонды которого на сегодняшний день насчитывают более 15 тысяч экспонатов.

Баржи на Амуре. 1960-е

В архивах хранится не так много документов, рассказывающих о жизни Витухновской: авторская карточка, заполненная ее рукой, дает скупые сведения о том, что родилась она в Нижегородской губернии в городе Павлово на Оке, отец был зубной врач, а мать домохозяйка. Но самыми главными свидетелями непростой жизни художницы можно по праву считать ее живописные и графические листы.

Очень наполненными и революционными были годы учебы Софьи. Это время, когда разрушалась старая, дворянская, культура и создавалась новая, пролетарская, в поиске этих новых форм находилась и Софья, в коллекции нашего музея хранятся работы художницы, датированные 1920–1930 годами. Можно представить, как вместе с другими молодыми бунтарями она пыталась найти новые формы выражения собственных эмоций. В 1931 году Витухновская окончила изопрофшколу в Москве и с 1931 по 1935 год посещала различные изостудии, затем училась в институте повышения квалификации живописцев. Но эти годы споров и исканий закончились официально в 1932 году: крепла и набирала скорость регламентация искусства, власть требовала сделать его доступным для «среднего» зрителя, резко возросла политизация искусства. Неизбежно инстинкт самосохранения приводил многих мастеров к отказу от поисков собственной манеры и утрате творческой индивидуальности. Индустриализация, развернувшаяся в это время в стране, требовала привлечения не только рабочей силы для грандиозных новостроек, но и певцов, способных запечатлеть для истории грандиозные победы социализма. В командировки на ударные стройки были отправлены многие художники, так как искусство должно было сыграть организующую роль в привлечении общественного внимания. Софья Витухновская приехала на строительство Комсомольска-на-Амуре в 1937 году, вместе с мужем Х.М. Сандлером. Город готовился к первому юбилею, и одним из важных событий этого мероприятия должна была стать художественная выставка. Софья Семеновна знала о городе не только со слов своего мужа, но и по рассказам брата Михаила, автора сценария фильма «Комсомольск», побывавшего на стройке города в 1936 году. Ей несомненно было известно о всех бытовых и климатических сложностях, но тем не менее она разделяет с мужем трудности трехгодичной командировки.

Комсомольск. 1938

Помимо непосредственно творческой работы на натуре и в мастерской они работают на детской технической станции, ведут изостудию, рассказывают детям о великих русских художниках, учат их работать на пленэре, постоянно устраивают выставки детского творчества, победителей которых премируют редкостными для того времени и места этюдниками. В это время Софья Семеновна работает в технике масляной живописи, пишет портреты и пейзажи, делает эскизы декораций для местного театра. В фондах музея хранятся «Зимний пейзаж» и «Портрет артиста нанайского театра» – работы, написанные художницей в 1939 году. Она пишет о том, что поразило ее: «…на моих глазах на пустом месте создавался город. Но главное – красота этого края. Природа резко отличается от обычной природы средней полосы России. Изумительная тайга, Амур. Я знала Волгу, Оку, но сравнить их с Амуром нельзя. Он намного красивее».

Сандлер создает серию рисунков, пишет этюды, пейзажи, рисует портреты молодых строителей города. Очень интересны для художника коренные жители Приамурья, галерея портретов детей, стариков, артистов первого нанайского театра, охотников и рыбаков создана им в 1930-е годы (к сожалению, большая часть этих работ погибла в годы Великой Отечественной войны, так как хранилась в Москве). В 1938 году в городе открывается первая выставка живописи и графики в честь двадцатой годовщины ВЛКСМ. Это была первая большая выставка работ Сандлера и Витухновской. В 1939 году они возвращаются в Москву, и в залах МОСХа, показывают совместную выставку, в которую включены 46 работ, рассказывающих о людях, живущих на берегах далекого Амура. В планах художников на основе собранного натурного материала написать большое живописное полотно, рассказывающее о жизни и героических буднях строителей Комсомольска-на-Амуре. Война помешала осуществить задуманное, и связь с городом прервалась на долгие годы.

Сандлер прошел войну командиром пехотного взвода от Кишинева до Берлина, с первой штурмовой группой форсировал Одер, между атаками на Магнушевском плацдарме, под бомбежками делал наброски, портреты однополчан. Для искусства военного времени характерно использование более оперативных видов графики. И в большей массе оно представлено карандашными зарисовками, беглыми набросками пером. Но в коллекции музея имеется живописное полотно «Зенитчики на Одере», написанное Сандлером в 1945 году. Для создания подобных работ художникам-фронтовикам была предоставлена резиденция генерала Дитмара в Карлсхорсте. Работы, написанные там, принимали участие в выставке «От Сталинграда до Берлина» (1945–1946 гг.) в городе Шверине (Германия, советская зона) и отразили боевой путь 5-й ударной армии. Сандлер

Берлин. 1946
Бумага, акварель

награжден орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией». Софья Семеновна во время войны находилась в эвакуации в Казахстане.

После войны в 1946 году она вновь следует за мужем, которого направляют для продолжения службы в Германию. Семья живет в Шверине и Магдебурге, где еще видны разрушительные следы войны. Этот отрезок времени отражен в акварельных работах художницы о войне, перевернувшей жизни множества людей. В 1949 году семья возвращается домой в Москву. Послевоенное время для многих творческих людей ощущалось как некий тупик, для Витухновской этот период был отягощен тяжелой болезнью. Малоподвижный образ жизни заставляет взять в руки перо, и в это время она начинает писать повесть о судьбе немецкого скульптора Вальтера, которого, судя по портрету 1949 года, знала лично, размышляя в ней о превратностях человеческой судьбы. Книга, к сожалению, не была опубликована. В начале 1960-х она обращается к эстампу, этот период для нее – период поиска не только новых выразительных средств, но и новых тем. Но в главном она остается, верна себе: «В искусстве бесполезно становиться на ходули. Сквозь самое яркое внешнее оперение неизбежно проступит подлинная внутренняя сущность».

В 1964 году в Москве газетой «Комсомольская правда» организована встреча первостроителей Комсомольска-на-Амуре. В числе приглашенных Сандлер и Витухновская. Город вновь позвал их, и они возвращаются в свою молодость. Возникает идея о создании в городе картинной галереи. Им хотелось оставить добрый след в городе, где они начинались как художники. Они написали воззвание всей стране «Подарите работы комсомольчанам!». Его публикуют «Советская культура» и «Московский художник». Чтобы обращение действительно нашло отклик, необходимо было провести большую организационную работу. При помощи ЦК ВЛКСМ им удалось добиться специального решения Художественного фонда СССР, взять кураторство над созданием коллекции. В Москве, на улице Черняховского, 5, был организован штаб, где дирекция Художественного фонда самым тщательным образом отбирала графические и живописные произведения, достойные украсить стены будущего музея. Первая посылка со 105 работами была получена в Комсомольске в августе 1965 года – это был личный дар художников-графиков страны. Художниками, заложившими фундамент будущей коллекции, были члены МОСХа: Лев Аронов, Бениамин Басов, Илларион Голицын, Юрий Рейнер. И, конечно же, свои работы подарили Сандлер и Витухновская. «Комсомольская правда» публикует статью, в которой пишет: «Двое художников, когда-то начинавших свою творческую биографию на берегу Амура, собрали для Комсомольска что-то около сотни картин. Их мечта – организовать в городе картинную галерею». Но мечта уже стала явью, и следующая посылка – это 240 живописных и графических произведений от дирекции Художественного фонда РСФСР и других союзных республик, Московского художественного комбината – поступила в Комсомольск в конце декабря 1965 года. Стоимость этого «всесоюзного» подарка превышает миллион рублей. Картинная галерея открыта в феврале 1966 года. И теперь уже до конца жизни художники Сандлер и Витухновская заботились о созданном по их почину музее, передавая в дар работы не только собственного исполнения, но и своих друзей и соратников по искусству. В 1960-е годы в период очередной командировки Сандлер не ограничивает себя работой только в Комсомольске, он постоянно выезжает на строительство городов-спутников Амурска и Солнечного, совершает длительные поездки к рыбакам Нижнего Амура, посещает поселки Комсомольского, Ульчского, Нижнеамурского районов, у Татарского про-

лива. В 1967 году, к 35-летней годовщине Комсомольска, Сандлером и Витухновской вновь ведется отбор работ среди художников Подмосковья. Музей вновь принимает бесценный дар: более 50 авторов – 127 графических листов и 50 живописных полотен вновь пополняют коллекцию музея. На сегодняшний день в коллекции музея около 300 живописных и графических произведений самого Х.М. Сандлера, ушедшего из жизни в 1983 году, они частично закуплены музеем, частично переданы в дар его супругой.

Софья Семеновна была человеком неравнодушным, ее волновала судьба не только собственных работ, но и работ соратников по цеху. Многие имена канули в Лету, работы художников, не имевших наследников, пропадали, участь их была непредсказуема. В 1987 году Витухновская пишет статью в газету «Московский художник», в которой просит и требует от Союза художников внимательного отношения к работам художников, ушедших из жизни. Благодаря опеке Софьи Семеновны не растворилось наследие Лидии Сергеевны Полянской, работы которой при жизни не попали в музеи, но после ее смерти в 1979 году стараниями Витухновской 450 работ художницы поселились в 15 музеях страны, в том числе и в Третьяковской галерее. Музей изобразительных искусств Комсомольска-на-Амуре тоже стал счастливым обладателем прекрасных акварельных работ художницы, про которую замечательно сказал Игорь Савицкий, основатель музея в Нукусе: «Подождите, придет время, когда ее работы станут золотым фондом советского искусства».

В переписке, которую Софья Семеновна постоянно вела с директором комсомольского музея Е.Ю. Турчинской, есть такие слова: «…у меня совершенно неукротимое желание раздаривать и раздавать работы. Хочу, чтобы они жили, чтобы общались со зрителем».

Только в 1974 году художница получила персональную мастерскую, перевезла в нее офортный станок, долгое время стоявший в тесной десятиметровой комнате по соседству с кроватью, и погружается в тихую жизнь любимых ею предметов. О том, что Витухновской дорого, что волнует и греет ее душу, можно узнать, рассматривая созданную ею галерею

Амурские подруги
Сухая игла

Нанайка. 1967
Бумага, литография на цинке

Малышка. 1959
Бумага, акварель

Артист нанайского театра
Холст, масло

портретов современниц, необыкновенные натюрморты, где соседствуют элегантные раковины, причудливые кораллы и укрощенные кактусы.

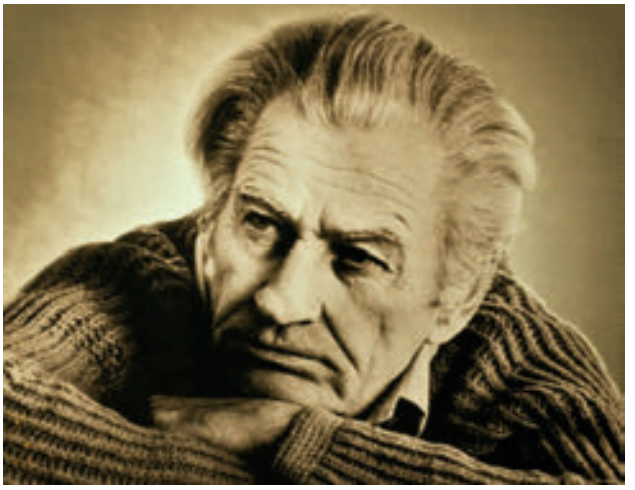
В 1989 году Витухновская вновь передала в дар музею Комсомольска восемьдесят две работы художников М. Митурича, В. Фролова, З. Позднякова, Н. Благоволина, понимая, что работа художника живет, лишь когда ее видят зрители.

В 1990-х годах она с нетерпением ждала открытия своей первой персональной выставки в Комсомольске. Работы уже перевезены в музей, но в стране вновь произошли перемены, и выставка откладывалась. Но для Софьи Семеновны она очень важна, хотя художница не обделена вниманием искусствоведов и критиков, выставки с экспонированием ее работ проводятся регулярно не только в России, но и за рубежом. 1991 год стал удивительно удачным для Витухновской: она участвует в Московской зональной выставке, с которой ее работы отбирают для Третьяковской галереи, в групповой выставке в Центральном Доме художника, Всесоюзной выставке акварели; Министерство культуры РСФСР и Союз художников России закупают у нее работы. И, наконец, в 1994 году в Музее изобразительных искусств города Комсомольска открылась персональная выставка С.С. Витухновской. И вновь полетели письма из Москвы, в которых она очень интересуется мнением зрителей и художников, а в конце письма такие строки: «…привет Амуру и сопкам! Ваша и комсомольчанская С. Витухновская.

P.S. Никогда не была ни комсомолкой, ни даже пионеркой, но город МОЙ!».

Григорий Зорин. Честная летопись

Татьяна ДАВЫДОВА



Григорий Степанович Зорин – легенда дальневосточной живописи. Ветеран войны, заслуженный художник РСФСР родился 28 февраля 1919 года в деревне Власово Уральской губернии. Его биография вмещает Гражданскую войну, коллективизацию, Великую Отечественную войну. Судьба преподнесла ему и реформы конца XX века. Зорин – один из немногих художников социалистического периода, настойчиво создающий в своих картинах историю, непопулярную в кругах официальных. Историю, какую он знал и чувствовал благодаря своим родителям, дедам, благодаря своему острому желанию показать правдивую сторону жизни своего отечества. «Землепроходцы», «Сибирской дальней стороной», «Кандальный звон», «Первые русские на Амуре», «Русские. Северным путем», «Революция свершилась»…

У жителя России на генетическом уровне есть ощущение, что судьба поколений его отечества – судьба непреходящих страданий. Особенно это относится к той части, куда по-прежнему не доехать, не дойти – Дальнему Востоку. Не потому ли существовало привычное выражение среди дальневосточных жителей «это было еще там, «в Расее», поскольку корни их, связи, как правило, оставались за Уралом? Наряду с темами землепроходцев, Гражданской войны и революций – Первой русской и Великой Октябрьской, волновала Зорина и малоизвестная история России: кем и как заселялся Дальний Восток. Это история переселенцев и каторжан, тех, кто был вынужден поселиться на Дальнем Востоке волей судьбы. Такая тема не разрабатывалась, упускалась и, конечно, не поощрялась. На одной из краевых выставок, увидев очередное историческое произведение Зорина, кто-то обронил: «Певец кандального звона», и эта фраза в какой-то степени отражает творческое любопытство Зорина.

Мастера уровня Зорина не вписываются в рамки спокойного течения времени, они впитывают в себя время потрясений, эти потрясения, как предчувствие, всегда присутствуют в их творчестве и опережают текущие события. Будучи наследником уральских мастеровых и крестьян, он мыслил и ощущал себя в пространстве огромных территорий, любил эти могущественные пространства – от Урала до Тихого океана, и потому его раздражало, когда вновь прибывшие художники начинали рассуждать об искусстве Дальнего Востока как о провинциальном искусстве. Это не вмещалось в его голове – огромные территории нужно осваивать и заселять избранными! Только сильные духом могут впитать такую мощь и красоту. В полотнах Зорина не костюмированная история этой большой части России в ее ярком и заманчивом оформлении, а история, по-прежнему малоизвестная, малоисследованная. Он пытался заглянуть в нее. Художник тщательно подыскивал персонажей к своим картинам, сотни эскизов, этюдов предшествовали созданию любого его полотна. В одном из разговоров впервые от Зорина я услышала, что для русского человека слово «воля» более близкое и ожидаемое, чем свобода. У каждого или почти у каждого художника есть полотно, являющееся ключевым регистром всего творчества. Картина Зорина «Сибирской дальней стороной» стала главной в его творчестве и по масштабу замысла, и по художественной выразительности, даже для критериев художников-шестидесятников, к коим он относится. Моделью для главного персонажа картины послужил художник Иван Петухов. Его славянская внешность и бунтарский характер как нельзя лучше подошли в работе над образом. Композиция кар-

Первые русские на Амуре. 1957–1959. *Холст, масло. 126 х 267. Дальневосточный художественный музей*

Землепроходцы. 1958. *Холст, масло. Дальневосточный художественный музей*

Эскиз к картине «Кандальный звон». 1977
Холст, масло. 45 х 60
Частная собственность (Австралия)

«В лимане Амура». 1963
Холст, масло. 90 х 195. Дальневосточный художественный музей

Сибирской дальней стороной. 1966

Холст, масло. 126 х 238. Собственность ДВХМ (Хабаровск)

тины развернута по горизонтали, в ее центре фигура каторжанина, и ясно, что каторжанин беглый и что он не преступник в обычном понимании. Покоряет удивительная цельность характера героя картины, дух бунтарства и несогласия с обстоятельствами жизни царит в нем, и воплощен он в далеко не романтическом образе героя. Не вдаваясь в изобразительную описательность – свойство жанровых произведений, шестидесятники умели концентрировать свои идеи, и Зорин, один из них, выразил извечную людскую горечь в своей главной картине. «Сибирской дальней стороной» – огромное пространство, пространство России, но почему в нем нет места для простой человеческой жизни?

Когда Зорин сожалел о чем-либо, увы, ушедшем, он произносил шутливо: «… да это было еще до Первой русской революции». Григорий Степанович не отрицал возможности, которые ему открыла советская власть, хотя она же и стала причиной его нищего, голодного детства и юности. Его родители были достаточно зажиточными, поскольку отец и братья жили общим хозяйством, много работали, оттого и пострадали во время коллективизации. Тем не менее художник всегда ценил, что благодаря созданной общественной организации «Союз советских художников» он может писать картины, не задумываясь о хлебе насущном. Картины на исторические темы требуют не одного года работы: историческое полотно Зорина «Оборона Петропавловска на Камчатке, 1854 год» создавалось в течение трех лет (1950–1952), и для его написания требовались командировки. И удивительно: даже в послевоенное время в государстве нашлись деньги на поездку художника на Камчатку и для работы в архивах в еще не восстановленной после разрушений войны Москве. Зорин осознавал участие государства в его судьбе, ведь, если до конца быть честным, нельзя пользоваться благами и одновременно хулить тех, кто их дает.

У человека всегда есть возможность выбора. Каждый для себя определяет его самостоятельно: какому богу молиться, каким путем идти в профессиональном отношении, чему служить – последнее зависит от нравственных критериев. Зорин не льстил власти и не заигрывал с нею. Были картины, заведомо учитывавшие желание заказчика, коим было государство, они писались без особого напряжения и без страдания духа. Например, картина «Приезд Кагановича на Дальний Восток» соответствует эстетике пятидесятых годов, официальным вкусам, но выполнена качественно, и наверняка заказчик остался доволен. Картины «За власть Советов» и «Революция свершилась» нельзя отнести и к категории заблуждений художника: созданы с верой и с осознанием событий, но без фанатичного восторга. Скажем, художник Василий Николаевич Высоцкий, первый председатель Хабаровской организации художников, не терпел, если даже осторожно, в шуточной форме кто-то позволял не совсем корректно высказаться по поводу идеологии власти. Он пытался читать лекции о методе социалистического реализма – увы, безуспешно. Зачастую уже в начале его лекции многие демонстративно вставали и уходили; особенно студенты не могли слушать примитивно выстроенные, всем из-

Иван Петухов позирует для картины «Сибирской дальней стороной»

вестные мысли о «единственно правильном методе в искусстве». Зорин позволил себе по тем временам поступок: не вступать в ряды Коммунистической партии даже в период, когда был председателем правления Хабаровской организации. Для него художник, политика и власть – вещи несовместимые. Отделы пропаганды и агитации крайкома КПСС через партийные собрания художников требовали повышать идейно-художественный уровень, развивать чувство высокой требовательности к своему творчеству. Прежде чем дать официальное разрешение на открытие краевой выставки, посвященной очередной годовщине Великой Октябрьской революции, ее непременно оценивали чиновники среднего звена, отвечающие за идеологическую чистоту и содержание. Критерии оценки произведений всем были известны: безыдейные, стало быть, «сырые» работы. Быть может, поэтому все отмечали, что более всего на краевых выставках процветал жанр пейзажа. Помнится, как страдала картина Ильи Машкова «Натурщица», находящаяся в постоянной экспозиции художественного музея. Заведующий отделом по культуре крайкома партии с символической фамилией Могила невзлюбил «Натурщицу». В музей он приходил всегда неожиданно и ругался, что «опять эта пьяная баба» висит в экспозиции. Видимо, в официальных списках запретных фамилий не числился художник Машков, иначе было бы все проще. Просто бы выгнали директора за такой недосмотр, и делу конец. Но в 1970-х уже издавались монографии о великих французских импрессионистах, альбомы и монографии по искусству художников русского Серебряного века, среди которых были художники объединения «Бубновый валет», к коим относился Машков.

Иной раз идеологическое рвение самих художников доходило до абсурда, если вспомнить картину дальневосточного мастера «Нанайские ходоки у Ленина». Но Зорин уважал себя, чтобы «готовить» такие полотна, легко проходящие все художественные выставкомы. В течение нескольких лет он работал над картиной «Первые русские на Амуре» (1955–1957) – тема, имеющая мизер документов, архивных материалов, которые давали бы возможность соотнести фактическую историю с замыслом автора. На картине – часть крутого откоса многоводной реки, у ее обрыва остановились кряжистые мужики, вглядываясь вдаль, они убеждаются, что эта река их будущий кормилец. Другая группа персонажей: спиною к зрителю сидит женщина в лилово-розовой кофте, пестром платке и просторной юбке, напротив нее расположились с разговором казаки и мужики, на головах у них что-то вроде специальных накидок – признак дальневосточного комариного края. Далее взор уходит вслед движущейся в обратном направлении от зрителя телеги, на которой больная женщина, укрытая одеялом, сшитым из лоскутов разноцветной ткани. Что заносит людей, заселяющих эти дикие земли, в этакую даль? Много страданий их ждет впереди, но вместе с ними приходит сложный уклад народной жизни, и, судя по присутствию казаков и пушки, переселение не стихийное, а предусмотрено и организовано государством. Персонажи, их характеры, одежда, хозяйственная утварь, а также любая деталь, чтобы не утратить исторической достоверности, требовала от художника изобразительной точности, стало быть, интуиции и знаний. Многофигурная композиция картины создана по всем канонам исторического полотна. Каноны требуют кропотливого изучения не только времени и места действия, но и понимания исторического материала, характеров персонажей. Такой подход исключает всякую небрежность в изображении, на первый взгляд, даже самой незначительной детали. Типажи картины художник искал и находил в среде коренных дальневосточников: среди жителей села Нижняя Тамбовка – мужиков, казаков нашел в в селе Князе-Волконское, прототипом одного из персонажей картины послужил художник Евгений Короленко, натура неординарная, поскольку судьба заставила его бороться за жизнь с малолетства. В то же время картина Зорина имеет и романтический флер, который заключается в понимании исторической данности, что освоить земли Амура, заселить их могли люди, не только сильные духом, но и обладающие недюжинными физическими возможностями. Цветовые камертоны картины усиливают смысловые акценты: пестрое одеяло, укрывающее больную на телеге, одежда персонажей, указывающая на принадлежность к определенной группе – крестьяне, казаки… Нередко произведения исторического характера отличаются сдержанным, если не сказать, темным колоритом, тем самым якобы унося нас в далекое прошлое. Картина Зорина отличается богатством колористическим, точной лепкой рисунка, она динамична в композиционном решении.

Особую художественную ценность имеют эскизы художника к картинам. Вот один из них. Остров Сахалин. На фоне рубленой избы изображены сахалинские каторжане в белом исподнем. Но для тех, от кого зависело «быть или не быть» работе на краевой выставке, они узники совести. Живописно сложен и красив эскиз. Как замечательно обыграл автор цвет белый, который никогда и не бывает белым в природе. Жаль, эскиз вывезен в направлении Австралии. Известно, что более всего интересовало гостей, путешествующих по России в 1990-е годы. Все повторяется: во время любых перемен и революций самый большой ущерб наносится культуре и искусству, и, конечно, создается новая история, удобная текущему времени.

1979 год. Краевая выставка, посвященная Великому Октябрю. Внимание зрителя приковано к картине Зорина «Кандальный звон». Ее понятийный стержень – каторжане, они основное население Сахалина. Другая картина, где главный персонаж – огромный колокол, что звонит, собирая Русь. Другого понимания этой картины нет, как и других ассоциаций. В ней нет персонажей, стало быть, и отдельных характеров, люди обобщены в толпу, неопределенную и безмолвную. Основной цвет в картине – красный, от напряженной киновари до светлого, размытого красного. На Руси красный цвет – цвет соборности, возвышенной позитивности. Но не всегда красный от слова «красивый», чаще он становится цветом тревожного предчувствия, цветом ожидания беды, как в картине Зорина. Опять Зорин комиссию поставил в тупик: что за колокол, зачем звонит? Нет стройной мысли, соответствующей новейшей истории государства СССР. Вечно он сбивает с толку: то каторжане его совсем мало похожи на революционеров, то непонятный колокол. Но члены комиссии боялись прямо задавать вопросы Зорину.

Чтобы лучше понять, почувствовать Григория Зорина, мне кажется, нелишне будет сказать о его друзьях, близких ему по духу и по совести. В художественной среде имена

Григория Зорина, Алексея Федотова и Ивана Рыбачука звучали вместе, уже при жизни они стали легендой. Конечно, легенды рождаются только о личностях неординарных, талантливых, а талантливые люди не обладают характером, например, инструктора крайкома партии, они обязательно в чем-то эксцентричны. Эксцентричность Федотова проявлялась в действиях, не всегда соответствующих облику советского художника. Манера говорить, равно как и двигаться, напоминала внезапно обрушившийся ураган. Мягко говоря, его порывистый характер и необдуманные поступки даже у некоторых художников вызвали сомнения в том, что он достоин официальных наград и поощрений. Но божественный дар ни к чьей компетенции не отнести, он водит кистью художника и рождает произведения такого звучания, которое вызывает у зрителя чувство восхищения и благодарности, отсюда и народная любовь. Федотов так и не получил никаких официальных званий, но признание художника было истинно народным.

Еще один друг Григория Зорина – народный художник Иван Рыбачук – яркая, неординарная личность. Талантлив был во многом. Мощный живописец, он обладал еще и замечательным голосом, что в среде художников не является неожиданностью. Видимо, поэтому обязательным атрибутом его одежды почему-то был концертный галстук-бабочка. В его варианте он мог сочетаться и с джинсовым жилетом, и с пуловером – стоило Рыбачуку только заговорить, и это сочетание казалось вполне естественным. Наконец, Григорий Зорин – высокий, с благородной осанкой, небрежности в одежде не признавал, всегда был выбрит и аккуратен. Это для друзей он был просто Гриша, а в среде художников непререкаемый авторитет. Несколько раз избирался председателем Хабаровской организации, руководил без тупого проявления начальственного тона, но достаточно жестко и требовательно. При нем был выстроен Дом художников, укреплена материальная база, но главной, и это весьма важно, в его работе председателя Хабаровской организации была выставочная деятельность. Он не боялся творческого соперничества, мог отличить настоящий талант и проявление творческого поиска от халтуры и профессиональной беспомощности. Сам был подвержен творческим сомнениям, потому не гнушался профессионального совета другого мастера. Из приезжих столичных художников уважал Александра Максимовского, блестящего рисовальщика, увы, недолго задержавшегося в Хабаровске. Зорин привлекал квалифицированные кадры на Дальний Восток, им были приглашены в Хабаровск Борис Шахназаров, Алексей и Степан Федотовы. При нем Хабаровская организация из самодеятельной организации превратилась в профессиональный союз художников. Некоторые выражения Зорина становились, что называется, крылатыми и часто цитировались в художественной среде. Лидер не только по духу, но и по призванию, он никогда не пользовался своим положением: чувство меры – свойство достойных, отличало его. Достаточно посмотреть на полотна Григория Степановича – в них его статус и все звания. Для художника гораздо важнее обрести имя, уважение в среде коллег по кисти, нежели иметь огромный перечень поощрений и наград. Алексею Федотову «за плохое поведение» не было присвоено даже звание заслуженного художника. Но существует понятие «федотовский пейзаж», и это выше всякого официального присвоения. Зорин по лени или по равнодушию служивых так и не был удостоен звания народного художника России.

Наследие живописца Григория Степановича Зорина внушительно, но еще до конца не осознано современниками. Его имя, прежде всего, связывают с понятием «историческая картина», но он еще и блестящий пейзажист. «Осень», «Голубой Амур» – в них восхищенная душа, умение чувствовать изменения в настроении природы, тончайшие нюансы цветовых ощущений. Как замечательны его деревенские пейзажи! Привычно размытые дороги, слякоть, почти осязаемое непролазное месиво в пейзаже «После дождя». Как можно этим восхититься? Красивый пейзаж, пастозная сочная живопись – и это наша деревня с домами, в которых живет не одно поколение, именно такие дома всегда строились в России. Такие дома любил и умел писать Зорин. Или вот «Амурский поселок» – их сотни вдоль Амура, где в каждом дворе на вешалах вялится кета – улов местных рыбаков. Красная рыба, которая для жителей таких поселков является хлебом. Как же это точно написано, любой гурман живописи оценит достоинство зоринских пейзажей. Но более всего пейзажи Амура свидетельствует о состоянии души художника, потому они так искренни. Как говорится, «красота пустыни в душе самого араба».

Сейчас теряется связь между поколениями, потому многим становится непонятен восторг художника. В чем прелесть любования этими видами? «Заготовка сена» - мотив, как визитная карточка России, художник поэтично и осязаемо точно передал всем понятные чувства. Все мы или почти все вышли из этой России. Как не почувствовать замечательный простор и запах свежего сена, запах родного дома, даже если родился не в деревне? Неразрывна связь многих поколений, она существует независимо от пребывания человека в данный момент в данном месте. Произведения Зорина теперь точнее любого документа передают картину уходящей, исчезающей жизни. «Пейзаж для художника обязателен, – считал Григорий Степанович, – он тренирует зрительную память, наблюдательность, развивает чувства и душу, а без этого не бывает искусства». Дальневосточникам не надо далеко ехать за экзотикой природных ландшафтов.

Огромное разнообразие почти дикой природы – Камчатка, Сахалин, Приморье, огромная территория Хабаровского края и даже Чукотка. В масштабах Дальнего Востока все рядом. Раньше, чтобы попасть в самый отдаленный, незаселенный на тысячу километров район, художнику не требовалось больших усилий, поскольку геологи всегда были их друзьями. С ними можно было долететь в любую точку Хабаровского края, и иногда даже на Сахалин и Камчатку. Сейчас об этом и мечтать не следует. У каждого художника свои приоритеты в любви к природе. Федотов любил писать пейзажи, звучание которых отличал тембр огромных пространств тайги и океана. Иван Рыбачук считался знатоком Севера. Зорин не замахивался на создание эпических или монументальных пейзажей, его пейзажи как откровение, как материал личного восприятия. Камчатку он считал неразгаданной частью света, которая по-прежнему остается первозданной, быть может, как наследие будущему поколению. Потому «Камчатка» Зорина лирическая, в ней нет присутствия человека, она будто мечта, хрупкая и чистая. Совершенно неожиданно, но у Зорина

Вьюга. 1981

Холст, масло. 70 x 90
Картинная галерея им. А.М. Федотова

Камчатка

Холст, масло. 90 x100
Картинная галерея им. А.М. Федотова

есть такой пейзаж – «Голубой Амур». Редкий пейзаж, поскольку цвет голубой не для реки Амур. У Зорина, видимо, изображена северная ее часть, что находится ближе к морю, об этом свидетельствуют чайки в пейзаже. Более всего Зорин любил писать снег, пургу, в этом белом безмолвии удивительная тонкость и сдержанная красота – «Тишина», «Зима. БАМ». Вот завьюженный пейзаж «Сулук» (1986), территория БАМа. Художник совсем того не желал, но сейчас этот этюд воспринимается с позиции «печаль моя светла» и видится нам островом несбывшихся надежд.

Тема коренных жителей Амура всегда шла на ура. Иные художники не мучили себя сомнениями, долго не вынашивали историческую данность, для них не было обязательным умение отличать нанайцев от ульчей, нивхов от удэгейцев. Зачем вдаваться в историю костюма, наблюдать, изучать особую пластику этих народов, будущих персонажей – все скроется за якобы декоративным решением полотна. Но существуют в изобразительном искусстве Дальнего Востока произведения, без преувеличения сказать, шедевры. Это работы тех, кто по несколько месяцев жил и работал в суровых условиях стойбищ, в отдаленных поселках Камчатки или Чукотки. Они преодолевали огромные трудности, создавая эскизы, наброски портретов, изучали особенности сурового быта и характеры людей, для которых эта, казалось бы, невыносимо суровая территория является самой дорогой и близкой, родиной. Среди таких художников Иван Петухов и Григорий Зорин. Изумительно по живописи и нравственному содержанию произведение «Эвенкийские дети» Ивана Петухова. На красивых живописных контрастах построено полотно Зорина «В лимане Амура» (1961). Безмолвная, сдержанная природа, на фоне которой быт с традициями коренного населения – рыбаков, охотников. Не каждый день эти люди надевают прелестную национальную одежду, как на картине художника, и не так празднична их повседневная жизнь. У людей Амура особый быт, особая манера жить. Есть много примеров, что дети из национальных сел Амура так и не смогли выдержать сказочной жизни в солнечном Артеке, куда их старались послать на лето за государственный счет. Проживание в пионерском лагере становилось для этих детей жестоким наказанием, особенно пища, состоящая из множества фруктов. На первый взгляд сюжет картины «В лимане Амура» незатейлив, но в этой простоте есть и глубокий смысл, и красота, и философия под названием жизнь. Чтобы передать эту особую, строгую красоту, художник нашел решение. Композиция развернута по горизонтали: яркое безмолвие искрящегося снега и привычный символ жизни – красная рыба на вешалах. Жители этого края, их статичные фигуры, одетые в национальные костюмы, не центр композиции. Их жизнь зависит от многих факторов, один из которых – умение выживать.

Шестидесятые, часто упоминаемые как первый глоток свободы в стране Советов… И это ощущение было подготовлено, эту хрупкую свободу заслужили, в этом – весомая доля лучшей части интеллигенции. Она подготовила почву, создала поэзию, прозу, музыку, изобразительное искусство. Поэтому шестидесятые – еще и годы прорыва: в искусстве, науке, кинематографе и, как следствие, высокой культуры самого общества, то есть народа, его естественная тяга к знаниям и к этой самой культуре и искусству. Не массовой, а той, что создает нравственные устои и определяет смысл существования человека. Шестидесятые – время, когда творческая интеллигенция, – поэты, художники, актеры – не была разобщена. Театры были заполнены, на некоторые спектакли с трудом доставали билеты, созревала необходимость в новых выставочных площадках. Сама интеллигенция со своим талантом, человеческими достоинствами являлась критерием, тем, кому хотели подражать. Она-то и относилась к элите. И в дальневосточном изобразительном искусстве также были свои корифеи. Ими были художники Григорий Зорин, Иван Рыбачук, Алесей Федотов, Борис Шахназаров, Кирилл Шебеко, Гиви Манткава, художники-шестидесятники, чьи произведения достойны любого музея мира. Их картины, этюды, эскизы в первую очередь заинтересовали нахлынувших зарубежных гостей в 1990-е годы, которые принято в неофициальной лексике называть лихими. Перемены начала 1990-х не потрясли Григория Зорина, как и вся мыслящая интеллигенция, он принял их с надеждой на разумное будущее. В отличие от многих не клеймил коммунистов, поскольку никогда не был партийным, не пытался быть своим в среде «яркой» молодежи, которая обрушилась на художников старшего поколения как на душителей свободного искусства. Он не был уверен, что из этого яростного хуления всего и вся что-то получится. Возможно, у кого-то и появилось желание изобразить нечто, но, увы, чтобы выразить себя, художественно решить тревожащие ум проблемы, должны быть основания. Как известно, из пустого кувшина ничего не выльется. Оказалось впоследствии, ни один из восставших не реализовался как художник, более того, многие из них быстро оставили это занятие, осознав трудный и неблагодарный путь художника. Как-то так получилось, что в это время Зорин оказался в центре творческих событий, видимо, оттого, что не участвовал в спорах о коммунистическом вчера. Его присутствие было естественным на открытии всех выставок, на их обсуждении, ему трудно было уединиться даже в мастерской. В эту пору он пишет замечательные натюрморты осенних листьев. Натюрморты золота и багрянца как последняя вспышка божественной дальневосточной осени.

Самая точная биография всегда заложена в произведениях художника, в них – периоды сомнений и душевной боли, они несут полный спектр чувств, переживаний человеческого пребывания на земле. Конечно, есть последовательная серость, которая всегда прекрасно адаптируется на все случаи жизни, но, если жизнь и творчество – одно целое, то творчество – всегда биография души. Багряные натюрморты Зорина завершились, как только пришли первые разочарования и понимание случившегося в стране. В последние годы жизни художник попытался вернуться к жанру исторической картины, но его замысел – «Русь уходящая», не нашел завершенного образа, остались эскизы, наброски. Они не приблизили меня к пониманию будущей его картины. В течение нескольких лет Григорий Степанович не мог писать, поскольку тяжело болел и был не в силах подняться в мастерскую. Нет ничего более мучительного для художника, чем невозможность прийти в мастерскую, не почувствовать запах красок, не получить приятное одиночество, когда существуют только он, художник, и пространство белого холста…

Фото предоставлены автором

«Краснушки» и «чернушки» со святыми образами

Наталия СТАРУН

Иконы московской, новгородской, псковской, палехской школ сегодня известны многим, а вот произведения «северного письма» менее знакомы. Еще меньше знают о существовании в иконописи такого явления, как народные иконы.

Наиболее яркие страницы истории русской иконописи в собрании Дальневосточного художественного музея, как и в коллекциях других российских музеев, связаны с деятельностью различных региональных и столичных иконописных школ. Народные иконы, так называемые «краснушки», «чернушки», «полосатые», «щепные» иконописные примитивы писались не только художниками-иконописцами, но и народными мастерами, среди которых могли быть ямщики, гончары, плотники. Н.В. Казаринова в своей статье «Народные сибирские иконы», исходя из документов Тобольского архива, пишет, что за иконопись брались все, кто того желал. Так, «священника Дягилева сына приказано отдать обучаться художеству иконописному к геодезии сержанту Василию Шестакову в Тобольске». В деле тобольского иконописца посадского Федора Мечакова указывалось, что он «…по подряде своем в Екатеринбургской церкви, неисправны намалевал образа». Ему предписывалось «…исправить, а впредь, ежели подобное усмотрится, то штрафовать».

Появление народных икон отмечалось уже в XVI веке. В постановлениях «Стоглавого Собора» 1551 года впервые упоминаются «иконники неучи», которые писали «самоволкою, и не по образу. И тех икон меняли дешево простым людям поселянам невежам». Во второй половине XVII века в условиях бурного развития экономики страны, позволившего воздвигать храмы как в городах, так и вотчинах, резко увеличилась потребность в образах у простонародья. Иконы, наскоро созданные народными мастерами, «освидетельствовались» или осматривались в консистории, а затем давался билет «о дозволении отпускать в народ». Народные иконы во множестве стали привозить коробейники из центральных областей России, особенно из Суздаля. Иконописание в суздальских селах – Шуе, Холуе, Палехе, позднее во Мстере – приняло характер народного промысла. «Архивные дела, – рассказывает Н.В. Казаринова в той же статье, – хранящиеся в Тобольске, содержат сведения о количестве привезенных на продажу икон. Так, только в 1763 г. было привезено суздальцами, по освидетельствованию консистории, 55 икон «письма хорошего», затем еще 267, «среднего письма» 469 и «низшей работы» – 57».

Датировка и определение места создания более поздних икон сложны настолько же, насколько бывает трудно определить время и место написания картин народными самодеятельными художниками. И все же, сравнивая народные иконы, имеющие обозначения времени и места создания, можно увидеть различия в технике, колорите и в выборе особо почитаемых святых. Собрание Дальневосточного художественного музея насчитывает шесть икон, которые можно отнести к поздним народным иконам. Они поступили в музей в 1980-е годы: четыре – из Государственного Русского музея и три – от частных лиц. Иконы «Вседержитель», «Богоматерь Федоровская» и «Никола» относятся к «краснушкам». Самая яркая из них – «краснушка» «Вседержитель» конца XIX – начала XX века – написана неизвестным художником темперой и маслом на дереве.

Спас Вседержитель.
Неизвестный мастер. Конец XIX – начало XX в.
Дерево, темпера, масло. 26,5 x 21,1 x 1,7

Техника написания маслом была характерна для народных икон подобного типа. На ней дается традиционное поясное изображение Иисуса Христа с крещатым нимбом над головой. Правой рукой он двуперстно благословляет, а в левой руке держит закрытое Евангелие с изображением креста. Однако весь фон ковчега, поля, Евангелие и хитон Иисуса выполнены нетрадиционно – в ярко-красном цвете, занимающем почти всю поверхность иконы. Надписи по краям образа выполнены черным цветом – вверху: «IC», «XC», слева, у шеи: «Спас Все», справа, у шеи: «Держитель».

Еще одна «краснушка» – «Богоматерь Федоровская» XIX века, написана неизвестным художником темперой на дереве в свежих локальных красочных сочетаниях оранжевого и желтого цветов, которые собирают всю композицию, придают изображению определенный ритмический строй. На ней традиционное поясное изображение Богоматери с Богомладенцем, касающимся ее щекой. Левая рука Богомладенца заходит за шею Богоматери. Световые блики на ликах полностью отсутствуют. Богомладенец в зелено-голубом хитоне и белом поясе. Платье Богородицы темно-синее. Мафорий Богородицы и поля иконы нетрадиционно ярко-оранжевые. Края мафория Богородицы и часть фона иконы окрашены в ярко-желтые полосы. Поверх мафория Богородицы серебряный убрус, украшенный растительным и точечным орнаментом, схожим с орнаментами предметов русского народного быта. Нимбы и верхняя часть фона также посеребренные. Надписи по краям нимба: «МР», «ОУ», «ИС», «ХС», «ФЕОДОРОВСКІЯ пр. БЦЫ».

Икона-«краснушка» «Никола» написана неизвестным художником конца XVIII – начала XIX века темперой на дереве, в ярких праздничных красочных сочетаниях. На посеребренном фоне полуфигурное изображение Николы. Правая рука святителя сложена в именном благословении, левой он держит открытое Евангелие со словами: «Вовремя оно ста іс намъ сте равнее ина родъ уче». На святителе красная с мелкими золотыми цветками фелонь, посеребренный правый рукав украшен растительным орнаментом, так же, как на предыдущей иконе, схожим с орнаментами предметов народного быта. Поверх фелони ярко-желтый с оранжевыми переходами омофор с белыми на черном крестами. По сторонам от нимба Николы в медальонах изображены полуфигуры благословляющего Христа с закрытым Евангелием и Богоматери с белым омофором. Поля иконы ярко-оранжевые, сверху надпись темным: «[ ]бразъ Стаго Николы Чуд».

Две иконы: «Богоматерь всех скорбящих радость» и «Скорбящая Богородица» по ряду признаков относятся к так называемым «полосатым» иконам XVIII–XIX веков, в которых фоны часто выполнялись двухцветными, полосатыми: оземь оливковая, над нею светлая охра, выше серебряная или золоченная по фольге олифа. Они не имели резного ковчега и паволоки, а если она и была, то бумажная, и нередко только на полях. В них не было сложных многофигурных композиций. Заказчику этих икон было вполне достаточно «узнать» святого. Это особенно заметно в иконе «Всех скорбящих радость», написанной в сокращенной иконографии неизвестным художником конца XIX века темперой на дереве. В данном варианте Богоматерь представлена в образе Пресвятой Девы без Младенца. По сторонам образа находятся всего двое скорбящих, предстоящих Богородице, и два ангела. Помимо упрощения иконографии упрощена и прорисовка фигур. Изображение напоминает контурный рисунок. Овалы ликов закругле-

Богоматерь Федоровская. Иконографический тип: «»Елеус». Неизвестный мастер. XIX в.

Дерево, темпера. 35,9 x 28,8 x 1,5

Никола. Неизвестный мастер. XVIII – XIX вв.

Дерево, темпера. 35 x 29,3 x 1,6

ны. Упрощенно написаны лики, руки. Но при этом каноническая, принятая за основу схема сохранена. Богоматерь стоит на зеленом поземе. Позади изображены зеленеющие ветви, символизирующие райские кущи. Фон полосатый – серо-голубой, желтый, зеленый, светло-зеленый, светло-коричневый, коричневый. Поля охристые. Надписи над Христом справа: «іис Хс» и в нимбе: «wон»; над Богоматерью в нимбе: «мр оу». Вверху в ковчеге надпись: «Скорбящая Пе Бцы».

Другая «полосатая» икона – «Скорбящая Богородица» также написана неизвестным художником XIX века темперой на дереве. Композиция иконы сложная, многоярусная. В центре сильно увеличенная фигура благословляющей Богоматери, облаченной в ярко-синее платье и темно-бордовый мафорий с желтым наголовьем, украшенным спиралевидными завитками. По краям мафория Богородицы надписи на белых свитках: «НАГИМЪ» «ОДЕЯNIE», «АЛЧУЩИМЪ» «ПИТАNIE». Богоматерь, стоя на белом круглом подножье, протягивает хлеб страждущим. В верхнем ярусе композиции справа от Марии изображен ангел в синем хитоне и желтом гиматии (у древних греков верхняя одежда в виде прямоугольного куска ткани, которая надевалась обычно поверх хитона), простерший красный покров над обнаженным юношей, стоящим ниже со скрещенными на груди руками, в белой перевязи на чреслах. В нижнем ярусе композиции, справа от Марии, изображены две фигуры страждущих – мужчины и опирающегося на белый посох старика. В верхнем ярусе слева от Марии изображен другой ангел в желтом хитоне и синем гиматии. Ниже расположены фигуры страждущих: мужчины и молодой женщины. В нижнем ярусе композиции слева от Марии изображены сидящий старик и стоящий юноша. Вверху, прямо над Богоматерью, в бело-голубых облаках поясное изображение Иисуса Христа в крещатом нимбе и лучах «славы». Позади Богоматери изображены зеленые кусты, символизирующие райские кущи. Фон иконы полосатый – красный, желтый, серо-голубой, светло-коричневый. Поля охристые, с синей полосой по внешнему краю и красной полосой по краю ковчега. Надписи над Христом справа: «іис Хс» и в нимбе: «wон»; над Богоматерью в нимбе: «мр оу». Вверху в ковчеге надпись: «Скорбящая Пе Бцы».

Икона «Николай Угодник», написанная неизвестным художником XVIII века маслом на сосновой доске, «щепная». Для «щепных» икон характерно использование древесины хвойных пород, отказ от ковчега и паволоки (иногда ее заменяли бумагой). На легком грунте «щепных» икон выполнялось только личное письмо: Христа, Богоматери, Николы Чудотворца. Другие святые на подобных иконах не встречались. На музейной «щепной» иконе полуфигурное изображение Николы. Правая рука Святителя сложена в именном благословении, в левой он держит открытое Евангелие со словами: «Вовремя оно Ста іс намъ Сте равне ина родъ ученілъ». На святителе слева красная, справа темная с золотыми цветками фелонь. Сверху белый омофор с желтыми полосами по краям и темными крестами. По сторонам от головы Николы в медальонах полуфигуры Христа и Богоматери. Фон вверху ковчега посеребренный, внизу – охристо-оранжевый. Поля охристо-оранжевые. Надпись черным по краям нимба: «Образ Стаго Николы чу».

Все эти произведения народной иконописи, как и сами художники, их создавшие, непосредственно связаны с русской православной культурной традицией и наполнены той высокой символикой, которая была присуща древним памятникам.

Скорбящая Богородица. Иконографический тип «»Елеус». Неизвестный мастер. XIX в.

Дерево, темпера. 29,8 х 23 х 1,5

«Богоматерь всех скорбящих радость». Иконографический тип «Оранта». Неизвестный мастер. Конец XIX в.

Дерево, темпера. 29 х 21,1 х 2,1

Музыка

Нашей юности оркестр

Марина ДУБИНИНА
Фото Алексея МАРТЫНЦА

И в дождь, и в зной
Оркестр наш духовой
Дарил на счастье музыку,
Играл с душой.
Осталась эта музыка
Навек со мной

Из песни «Нашей юности оркестр»

Музыка, если она талантлива и хорошо исполнена, влияет на наши эмоции, сердца, умы и поступки. Наилучшим образом это подтвердил Международный фестиваль военных духовых оркестров стран Азиатско-Тихоокеанского региона «Амурские волны», который в нынешнем году проходил в Хабаровске уже во второй раз. Кульминацией этого события стал марш-парад оркестров-участников по главной улице города. А вслед за музыкантами в едином вдохновенном порыве шли хабаровчане. Это были люди самых разных возрастов: дети со своими родителями, молодежь, люди весьма преклонного возраста. У многих на ресницах блестели слезы. Людей объединяло одно чувство – гордость за наш город, за нашу страну, за нашу историю.

А мне вспомнились события моей юности, когда городской духовой оркестр играл в Центральном парке культуры и отдыха. А еще когда проводились праздничные демонстрации, и почти все организации, рабочие коллективы и учебные заведения выходили на демонстрацию со своими духовыми оркестрами. Вспомнилось, что в 1970-е в Хабаровске проводились краевые конкурсы и фестивали духовых оркестров, и проходили они в переполненном зале Дворца культуры профсоюзов, в театре музыкальной комедии (сегодня в этом здании Концертный зал филармонии).

Так почему же из всех оркестровых жанров именно духовой оркестр занял такое прочное место на концертной эстраде и в быту? Почему его музыка так поднимает настроение и собирает толпы поклонников? И почему, несмотря ни на что, сохраняются традиции этого музицирования? Ведь никакой другой оркестр, ни симфонический ни эстрадный, не способен заменить духовой ни по мобильности, ни по силе звучания на открытом воздухе, ни по содержанию исполняемой музыки. Пожалуй, одна из главных причин заключается в сакральности этой музыки.

Исторически сложилось, что духовые инструменты появились в глубокой древности. Их называли «аэрофонами» (от греческих слов «аэро» – воздух и «фон» – звук). Люди начали объединяться в группы для совместного музицирования, и со временем появились первые оркестры духовых инструментов. Что же они играли? В основном эта была музыка, которая зарождала в людях активную энергию, вызывала готовность и стремление к борьбе, иногда нападению или обороне. Так сформировался жанр марша. Композиторами разных эпох их написано великое множество.

Во времена Великой французской революции музыка вышла на улицы и площади Парижа и стала достоянием простых людей. Активное участие во всех празднествах принимал духовой оркестр Национальной гвардии. Авторами революционных песен, маршей и гимнов были знаменитые композиторы того времени: Л. Керубини, Э. Мегюль, Ф. Госсек. Большое влияние на творчество Л. Бетховена оказала музыка Французской революции. Отзвуки битв, сражений, победных маршей и народных празднеств встречаются во многих его произведениях: 5-я, 9-я симфонии, 5-й фортепианный концерт, увертюра «Эгмонт». А самый крупный успех при жизни пришел к Бетховену после исполнения его сочинения «Битва при Виттории». Состоялось оно в Вене в 1813 году и посвящалось празднованию

победы союзников над армией Наполеона. В исполнении участвовали симфонический оркестр, пушки и колокола! А. Сальери, крупный музыкант того времени, руководил пушечной пальбой. Произведение изобиловало неожиданными эффектами, яркими контрастами.

Вначале духовые оркестры были только военными и звучали в ситуациях, связанных с военными действиями. В западных странах, на Руси, в России при Петре Первом военная музыка занимала значительное место. Однако в XIX и особенно в XX веке на поле брани военная музыка стала звучать все реже. Она перешла в разряд музыки, имеющей моральное, воспитательное и эстетическое значение. В XIX веке в России духовой оркестр стал важным элементом музыкального быта. Почти все известные русские композиторы писали для духового оркестра – Д. Бортнянский, А. Верстовский, А. Алябьев, А. Лядов. Не обошли стороной этот жанр и такие гиганты русской музыки как М. Глинка, написавший марш 27-го драгунского Киевского полка и П.И. Чайковский (встречный марш 98-го пехотного Юрьевского полка). Кроме того, эти композиторы, и не только они, иногда присоединяли медный духовой оркестр к составу симфонического или оперного оркестра. Так можно услышать духовой оркестр в эпилоге оперы М. Глинки «Иван Сусанин» («Жизнь за царя») или в торжественной увертюре П.И. Чайковского «1812 год». Н. Римский-Корсаков тоже писал для духового оркестра, а в свое время он даже был инспектором военно-духовых оркестров Морского флота. Им написаны концерт для тромбона с духовым оркестром, концерт для кларнета с духовым оркестром и вариации для гобоя с духовым оркестром. Немало создавалось и переложений симфонической и другой музыки (камерной, фортепианной) для духового оркестра.

К духовому оркестру обращались и классики советской музыки С. Прокофьев и Д. Шостакович. 19-я симфония Н. Мясковского написана им специально для духового оркестра. Увертюра Р. Глиэра, фантазии и другие сочинения многих композиторов также создавались в этом жанре. Многие военные дирижеры СССР, а затем и России писали и пишут для духового оркестра произведения служебно-строевого репертуара, концертного репертуара, а также любую другую музыку для духового оркестра практически во всех жанрах вплоть до эстрадных и джазовых произведений. В настоящее время во всех этих направлениях много работает В.М. Халилов – заслуженный деятель искусств России, главный военный дирижер России.

Однако, несмотря на изобилие репертуара, созданного для духового оркестра, все же ближе всего для него была и остается маршевая и вальсовая музыка. Почему же вальсы и марши, исполняемые духовым оркестром, часто называют старинными? Издавна в России существовала традиция выступлений духовых оркестров в городских парках. В их репертуар входили произведения так называемой «садовой» музыки: увертюры, сюиты, попурри, марши и, конечно же, вальсы. Например, «Грусть» Н. Бакалейникова, «Амурские волны» М. Кюсса, «На сопках Маньчжурии» И. Шатрова, «Березка» Е. Дрейзина, «Лесная сказка» В. Беккера, «Воспоминание» и «Осенний сон» А. Джойса и др.

Определение «старинные» не совсем точно по отношению к ним, потому что в большинстве своем они написаны в начале XX века, а такие популярные, как Вальс-фантазия М. Глинки или балетные вальсы П. Чайковского были созданы гораздо раньше, однако «старинными» их никто не называет. Видимо, дело здесь заключается в том, что вальсы Чайковского, Глинки и других композиторов-классиков более симфоничны, они сложны по музыке, по масштабу развития музыкального материала. Эти же «духовые» вальсы более просты, не симфоничны, что невольно порождает ощущение старины. Они близки друг другу общностью лирического содержания, элегичны по настроению. Поэтому эта музыка воспринимается нами сегодня как музыка наших отцов и дедов, она словно навевает на нас грусть о давно прошедшем, сожаление о чем-то несбывшемся и навсегда утерянном (кстати, то же можно сказать и о «старинных русских романсах»).

Некоторые музыковеды склонны считать, что термин «старинные», относящийся к маршам и вальсам, имеет также отношение к слову «старина». В определенную историческую эпоху это понятие в России означало круг произведений, включающий исторические песни, русские былины, произведения эпического склада и военную музыку. Произведения для духового оркестра очень часто строятся на эпических или героических образах и, как правило, имеют приподнято-эмоциональный характер. Ярким примером такой музыки служит марш «Триумф победителей», а также похожий на него по музыке и близкий по духу марш С. Чернецкого «Салют Москвы». Здесь невольно вспоминается понятие «старина». Отсюда, вероятно, и название жанра или круга подобных произведений.

И, наконец, третья версия, пожалуй, самая убедительная, о происхождении этого понятия. Заключается она в том, что в XIX и начале XX столетия в среде военных музыкантов (особенно в периферийных полковых оркестрах в отдаленных гарнизонах) не хватало нот для данного состава исполнителей. Не было библиотек, а тем более не существовало интернета, перепечатки и копирования. Поэтому дирижерам-капельмейстерам нередко приходилось сочинять музыку для своих оркестров самим. Это были марши, вальсы, польки, мазурки и попурри на эти и другие темы. Зачастую скромность авторов подобной музыки не позволяла им афишировать свои имена, поэтому авторство многих хороших произведений так и осталось неустановленным. Впоследствии, чтобы как-то обозначить круг таких произведений, их назвали «старинными». Таковыми являются и многие полковые марши.

В русской армии почти каждому полку был присвоен свой марш, являвшийся его своеобразной музыкальной эмблемой. При встрече полков каждый из них должен был исполнять марш встречаемого полка. В зависимости от своего назначения военные марши разделялись на виды: походный, встречный, колонный, фанфарный и другие. Многие полковые и строевые марши вошли в историю под названием своих частей: Марш Преображенского полка, Марш Измайловского полка, Марш Семеновского полка и другие. Ряд маршей связан с определенными событиями военной истории. Таковы Старинный егерский марш, игранный в сражении под Лейпцигом в 1813 году, Парижский марш 1814 года, под звуки которого русские войска вошли в Париж, марш «Бой под Ляояном», отражающий один из боевых эпизодов Русско-японской войны 1904–1905 годов.

Многие произведения этого жанра оказались настолько удачными, что вошли в золотой фонд музыки для духового оркестра. Таковым является знаменитый марш «Прощание славянки» В. Агапкина, которому в 2012 году исполнилось 100 лет. И хотя он написан уже в XX веке, его причислили

к «старинным», так как он написан в духе и традициях маршей, возникших в самой гуще исторических событий.

Автор марша «Прощание славянки», или, как его иногда попросту называют, «Славянки», – Василий Иванович Агапкин, известный дирижер, автор многих произведений для духового оркестра. Написание этого марша в 1912 году совпало с событиями, происходившими на Балканах, когда народы Балканских стран подняли восстание против османского ига. Из ближнего и дальнего зарубежья на Балканы ехали добровольцы. Однако В. Агапкин не стал отображать в своей музыке картины сражений и кровопролития. Он просто вспомнил лица женщин, провожающих на войну своих мужей, братьев, сыновей. Так родилась музыка, получившая признание во всем мире. В некоторых странах этот марш даже считают своей национальной музыкой. Этот марш звучал на перронах вокзалов, с которых солдаты отправлялись на Первую мировую войну, поднимал дух бойцов во время Великой Отечественной войны. В нем люди до сих пор черпают духовные силы и мужество. Он звучал в фильмах «Летят журавли», «Белорусский вокзал», «Великая Отечественная» и др. Этот марш входит в репертуар любого духового оркестра. Под него провожают в армию и встречают из армии. Теплоходы уходят в рейс и возвращаются под звуки этого марша.

Наряду со «Славянкой» к «старинным» принято относить и марш, близкий по духу и лишь немного уступающий ему по музыке «Тоска по Родине» (С. Трофимов). Минорный лад, взлетающие вверх интонации мелодии образно передают взволнованность и тревогу расставания. Эмоциональная сдержанность, суровый колорит характерны для этого произведения. Так же, как и «Прощание славянки», марш «Тоска по Родине» написан в лучших традициях русской военной музыки. И, несмотря на простоту бесхитростных мелодий, несложную гармонизацию и традиционность формы, оба эти произведения неизменно задевают слушателя, берут его за душу. В отличие от других маршей, написанных не менее мастерски, эта музыка обладает способностью неотразимого воздействия на слушателя. Думается, что это достигается тем, что авторы писали ее всем сердцем.

Популярный вальс «На сопках Маньчжурии» написан во время Русско-японской войны 1904–1905 годов. Его автор – Илья Алексеевич Шатров. Будучи капельмейстером Мокшанского стрелкового полка, Шатров вместе с музыкантами принял участие в битве под Мукденом. Свой вальс он посвятил памяти погибших товарищей и назвал его «Мокшанский полк на сопках Маньчжурии». Во время Великой Отечественной войны, в 1945 году, этот вальс исполнял И.С. Козловский перед бойцами Дальневосточного фронта.

Автор популярного вальса «Амурские волны» Макс Авельевич Кюсс учился в Одесском музыкальном училище, затем служил капельмейстером в различных полках. В 1903 году его направили в 11-й Восточно-Сибирский полк, который принимал участие в Русско-японской войне. Кюсс также служил капельмейстером во многих городах, в том числе во Владивостоке. В Москве возглавлял оркестр Почетного караула. После демобилизации в 1927 году М. Кюсс вернулся в Одессу, где в 1942 году был расстрелян фашистами.

Вальс «Амурские волны» был написан М. Кюссом в 1909 году во Владивостоке. Однако тогда этот вальс не был оценен по достоинству и не прижился. Но после исполнения в Хабаровске, он приобрел широчайшую популярность и стал чем-то вроде негласного гимна Амура и Хабаровска. В послевоенные годы вальс исполнялся в вокальном варианте с текстом, написанным поэтами К.Б. Васильевым и А.С. Поповым в хоровой обработке В.Г. Соколова.

Несколько лет назад в Москве выпущен диск под названием «Старинные русские вальсы». Исполнитель – Центральный военный оркестр Министерства обороны Российской Федерации. В самых разнообразных аранжировках и интерпретациях эта музыка приобретает новые краски и особенную выразительность.

К сожалению, сведений об авторах многих невероятно популярных произведений мало. Авторство музыки многих вальсов и маршей установлено не всегда достоверно. Здесь еще много белых пятен.

Сам термин «старинные» по отношению к маршам и вальсам, видимо, послужил поводом к тому, что сформировался жанр музыки, специально предназначенный для обслуживания военных и спортивных парадов, строевых праздников и массовых народных гуляний. Этот жанр со временем мало изменился. Он сохраняет черты и свойства ему присущие: та же мелодичность, та же традиционная структура. Духовая музыка понятна и доступна всем без исключения.

Эта музыка рождается и в наши дни. Преподаватель Хабаровского колледжа искусств, выпускник Московской консерватории им. П.И. Чайковского, заслуженный работник культуры РФ Сергей Петрович Кузнецов написал марш «Хабаровчанин». Это произведение имеет дальневосточный колорит и написано в традициях военных строевых маршей и маршевых песен, часто звучавших на демонстрациях в советское время. Среди них марши-песни «Москва майская» братьев Покрасс, «Все выше» Ю. Хайта, «Песня о тревожной молодости» А. Пахмутовой, «Марш коммунистических бригад» А. Новикова, «Марш энтузиастов» И. Дунаевского. Эти произведенияи, а также новый марш С. Кузнецова «Хабаровчанин», несут особую энергетику подъема, радости и созидания. И хотя в этой музыке больше мирного, созидательного, ощущается какая-то невидимая связь с теми, военными, маршами. Именно марш С. Кузнецова «Хабаровчанин» звучал во время марш-парада первого фестиваля духовых оркестров «Амурская волна» в исполнении студентов Хабаровского колледжа искусств.

Сегодня меньше духовых оркестров, чем это было в 60-е, 70-е годы прошлого столетия. Но то, что этот вид искусства возрождается, очевидно. Это подтверждают фестивали и конкурсы духовой музыки, которые проходят все чаще. В сентябре 2012 года в Москве состоялся фестиваль «Спасская башня», совпавший с торжествами по случаю 200-летия Бородинского сражения, а также фестиваль духовой музыки на Сахалине. А возрожденные в 2006 году первомайские демонстрации трудящихся сопровождаются обязательным шествием военных и гражданских духовых оркестров. И все чаще можно услышать духовую музыку в наших замечательных хабаровских парках на открытой эстраде.

ИСТОЧНИКИ:

Л. Ауэрбах. Рассказы о вальсе. М.: «Советский композитор». 1980.
И. Барсова. Книга об оркестре . М.: «Музыка». 1969.
В. Соколов. Прощание славянки. М.: «Советский композитор». 1987.
Музыка Французской революции. Бетховен. М. «Музыка». 1967.
Музыкальная энциклопедия.: Советская энциклопедия. Т. 1–6 . М. 1973–1982.
Большой энциклопедический словарь. Музыка. Большая Российская энциклопедия. 1998.

Народный артист России Вячеслав Захаров

Эра биг-бендов на Дальнем Востоке

Герман ПЕЧОРИН

Джаз – и образ жизни, и внутренний мир музыканта, и его фантазии. Это особый жанр, который требует особого таланта, что и отличает джазового исполнителя от музыканта, который только читает ноты.

На Дальнем Востоке джазовая музыка развивалась на протяжении нескольких десятилетий. Многих, кто стоял у истоков джаза, уже нет, но джаз остался, его поддерживают молодые талантливые музыканты.

В Хабаровске джаз имеет крепкие традиции. Пика своей популярности он достиг в 1960-е годы. Квинтет пианиста Вадима Горовца и альт саксофониста Вячеслава Захарова принял участие в джазовых фестивалях «Таллин-67» и «Москва-68». Квинтет был записан на фестивальную пластинку в Таллине – она единственная у дальневосточников. Появилась целая плеяда непрофессиональных музыкантов, ставших впоследствии известными на всероссийской джазовой сцене: Вячеслав Захаров, Вадим Горовец, трубач Александр Фишер, певица Валентина Пономарева, контрабасист Олег Кичигин, барабанщик Владимир Цыгальницкий и др.

В последние годы в Хабаровске довольно часто проводятся своего рода творческие джазовые мастерские: неформальные встречи музыкантов со слушателями и официальные «большие» концерты джазовой музыки. Идея проведения джазового фестиваля в Хабаровске возникла после того, как ансамбль Вячеслава Захарова и трио Виктора Бондаренко приняли участие в IV Всероссийском фестивале «Джаз над Енисеем», который проходил в Красноярске. Возвращаясь домой, музыканты пришли к выводу, что условия для проведения джазовых фестивалей в Хабаровске есть.

Получив поддержку со стороны администрации края, филармонии, тогда еще управления культуры, фестивали стали проводить ежегодно. Взявший в свои руки бразды правления неутомимый музыкант Вячеслав Захаров сумел не только создать крепкий творческий коллектив, но и сплотить вокруг себя большую группу единомышленников. Стали регулярными лекции-концерты по истории и основным течениям джаза, организовывались творческие встречи с гастролирующими джазовыми музыкантами, активно работала секция джаза при музыкальном обществе. Неизменной популярностью пользовались джазовые утренники в концертном зале филармонии. На фестивали «Джаз на Амуре» приглашались не только дальневосточные исполнители, но и музыканты из Москвы, Вильнюса, Новосибирска, Красноярска.

Огромную работу по продвижению джазовой музыки проводил биг-бенд «Дальний Восток», созданный при Хабаровской краевой филармонии (руководитель В. Морозов). Этому оркестру были под силу все стили: от традиционного джаза до джаз-рока. Отточенность звучания инструментов, слаженность оркестровых групп и в то же время ярко выраженная индивидуальность солистов всегда завоевывали симпатии зрителей. Заслуга оркестра «Дальний Восток» еще и в том, что он способствовал формированию двух коллективов малой формы: квартет Виктора Бондаренко и квартет Виталия Ключищева, впоследствии участников многих конкурсов и фестивалей. К сожалению, с распадом оркестра закончилась и творческая деятельность этих ансамблей.

1990-е для музыкальной культуры края и всей России стали самыми разрушительными. Многие музыканты остались не у дел. Часть ушла в бизнес, многие уехали в Юго-Восточную Азию и уже не вернулись на дальневосточную сцену. Причем уехали не самые худшие. На Дальний Восток не приезжают с концертами саксофонист Александр Соломанин, гитарист Александр Носуль, джазовая певица Тина Носуль, тенор-саксофон Василий Болонкин и многие другие.

Но вернемся к истории. Джазовая музыка на Дальнем Востоке развивалась во многом благодаря городам нашего края – Биробиджану и Комсомольску-на-Амуре. Интересна история зарождения и развития джаза в Биробиджане. В 1934 году сюда приехали выпускники театра-студии Михоэлса, чтобы создать в Еврейской автономной области национальный театр. А так как ему необходим был

свой ансамбль или оркестр, вместе с молодыми актерами в Биробиджан приехали профессиональные музыканты: скрипач Лев Майстер, кларнетист Лев Сегал, пианистка Клара Резницкая, трубач Михаил Тихоненко. Постепенно их творчество переросло в первый джаз-оркестр, который окончательно сформировался в 1938 году. В числе его музыкантов была также и Хая Борисовна Эпштейн. Вообще владеть духовым инструментом – редкий дар для женщины. Хая Борисовна им обладала. Она играла на трубе и даже воспитала своих учеников. Творчество этих людей активно продолжалось вплоть до начала Великой Отечественной войны.

После Второй мировой нескоро наладилась музыкальная жизнь Биробиджана. Лишь в 1950-х годах появился первый эстрадный ансамбль, работавший в городском кинотеатре и исполняющий легкую музыку перед сеансом. Это был небольшой по своему составу коллектив, собравший, как и до войны, музыкантов-энтузиастов. Репертуар ансамбля составляли музыка и песни из отечественных фильмов. Однако уже к началу 1960-х годов в городе организуются оркестры эстрадных направлений. Один из них – под управлением Германа Сотникова работал в ресторане «Восток». Их репертуар в основном составляла музыка Людвиковского, Саульского, Дунаевского, Кожевникова. И все же заметного влияния на эстрадно-джазовое искусство области в 1960-е годы эти ансамбли не оказали. Только в начале 1970-х появляется коллектив под руководством И.Г. Неведрова, который включает в исполняемую эстрадную музыку элемент импровизации. Состав сам по себе был небольшой: Домбрынский (тромбон), Неведров (аккордеон), Шевченко (фортепиано), Шестинин (труба). С 1971 года Игорь Григорьевич Неведров работает преподавателем в культпросветучилище, где организовывает студенческий эстрадный оркестр.

В середине 1970-х–1980-е появляются эстрадный, а позднее джазовый ансамбль «Сказ», затем джазовый ансамбль «Диксиленд» под руководством В.И. Казько. С рассказа об этом музыканте мне бы хотелось подробно остановиться на творческих портретах людей, которые и сегодня активно работают в эстрадно-джазовых коллективах города.

Выпускники кафедры музыкальной эстрады и джаза Хабаровского государственного института искусств и культуры, артисты государственного концертного ансамбля «Дальний Восток». 1980-е

В.И. Казько профессиональное музыкальное образование получил в Черкасском музыкальном училище. Это было в 1960-е годы, когда в стране джаз был на подъеме. Джазовая волна не прошла мимо музыканта. После окончания училища Василий Иванович Казько организовал небольшой оркестр, в репертуар которого входили различные эстрадные и джазовые произведения советских и зарубежных композиторов. В 1972 году В.И. Казько создает биг-бенд, в составе которого играли такие музыканты, как Корсунский, Мицель, Апанасюк, Добринский. Оркестр выступал на ежегодных смотрах художественной самодеятельности, играл на различных концертных площадках Биробиджана и ЕАО. В 1973 году В.И. Казько поступил в Хабаровский государственный институт культуры на хоровое отделение, поскольку в это время развивается вокально-инструментальное направление. После 1984 года Казько прекращает работу в ансамбле «Сказ», но не расстается с биг-бендом, который пользуется в Биробиджане успехом. Но творческая жизнь биг-бенда была недолгой: для такого большого состава было недостаточно аранжировок, требовалась финансовая поддержка.

Спустя некоторое время Казько создает небольшой джазовый коллектив «Диксиленд», куда пришли Корсунский, Юков, Дегтярь, Фомин, Кадинский. В работе с музыкантами возникли некоторые трудности, так как все они имели классическую подготовку, и, несмотря на свой достаточно высокий профессиональный уровень, играть джаз им было тяжело. Тогда руководитель стал писать аранжировки и импровизации для своих музыкантов, и ансамбль заметили в городе. Еврейская музыка в его исполнении была особенной, неповторимой, а джазовые произведения и обработки песен советских композиторов отличались новизной звучания. В 1988 году «Диксиленд» выступил на джаз-фестивале в Хабаровске, после чего последовало приглашение на фестиваль джазовой музыки в Абакан. Через год участие в очередном фестивале в Хабаровске, а затем на всероссийском джазовом фестивале в Днепропетровске, ставшем в итоге вершиной творческой биографии как Казько, так и всех участников ансамбля. Это был своеобразный итог работы коллектива (В. Казько – фортепиано, Ю. Корольков – труба, Л. Захарович – труба, С. Фомин – гитара, Б. Вешкин – тромбон), которому было присвоено звание дипломанта фестиваля. Но в силу разных объективных причин ансамбль на пике своего творческого взлета прекратил существование. Репетиций как таковых больше не было, в ансамбле осталось трио – Корсунский и ритм-группа. Так постепенно угасла жизнь «Диксиленда». Творческие бразды правления были переданы молодому и талантливому музыканту Михаилу Червицу, коренному биробиджанцу, воспитаннику культпросветучилища (ныне колледж культуры).

Говоря о становлении и развитии эстрадно-джазовой музыки в Биробиджане, нельзя не отметить огромный вклад в музыкальную культуру Геннадия Богаченко – заведующего эстрадным отделением колледжа культуры, великолепного трубача, прошедшего хорошую школу в различных оркестрах Дальнего Востока и за рубежом. Среди действующих джазовых коллективов города оркестр «Диссонанс» под руководством Г.П. Богаченко, состоящий из студентов колледжа культуры.

Как музыкант Г.Б. Богаченко тогда играл в оркестре «Дальний Восток» Хабаровска, который исполнял как эстрадную, так и джазовую музыку, гастролируя по всему Советскому Союзу. Работал в джаз-группе «Слайды» (Москва), участвовал вместе с ней в джазовых фестивалях в Тбилиси и Барнауле. Потом играл в оркестре радио и телевидения Киева, в оркестре Эдиты Пьехи, участвовал в международных джазовых фестивалях. Выступая с лучшими музыкантами мира, побывал с гастролями в США и Голландии. В 1987 году на базе городского Дворца культуры Биробиджана Богаченко создал биг-бенд, в котором участвовали сильнейшие музыканты города: Червиц, Корсунский, Юков, Поляк и др. Оркестр был организован на общественных началах и в силу объективных причин, к сожалению, просуществовал всего около года. С 1992 года Богаченко преподает в областном колледже культуры.

Начало было положено в июне 2000 года: джаз, такой популярный в 1930–60-е и незаслуженно забытый в 1990-е, стал переживать очередное рождение, и центром стал Биробиджан. Почему? Просто есть в городе музыканты, любители джаза, которым не безразлична судьба этого неординарного направления в музыке. И первый из них – Геннадий Богаченко, создатель и руководитель единственного оркестра в этом направлении.

Но вернемся к фестивалю «Джаз-2000». Пять часов на площади возле городского Дворца культуры длился музыкальный праздник. Среди зрителей не только убеленные сединами фанаты джаза 1960-х годов, но и молодежь, и дети, и профессионалы, и совсем не искушенные в музыке люди. Звучали сложные импровизации, классические каноны, но зрители каждую пьесу встречали и провожали аплодисментами.

Как всегда был великолепен хабаровский «Диксиленд». Его руководитель Виктор Бондаренко прошел длинный путь в джазе. В каком только стиле он не играл, но традиционный джаз не оставил. Бондаренко – выпускник кафедры музыкальной эстрады и джаза Хабаровского института искусств, участник джазовых фестивалей, вместе со своими партнерами Т. и А. Носуль.

С Тиной Носуль жители Биробиджана встречались не впервые. Эта известная джазовая певица являлась украшением всех джаз-фестивалей города. Училась она в Хабаровске, там же делала первые шаги: работала в филармонии, в концертном ансамбле «Дальний Восток», где и состоялось ее знакомство с Геннадием Богаченко, так удачно продолжившееся в джазе. Вместе с Тиной ее коллеги-музыканты А. Носуль, В. Болонкин, Г. Богаченко с успехом выступали на фестивалях в России, США, Японии, Корее.

Еще одна хабаровская певица. Наталья Колпакова на небосвод джаза взошла не случайно. К этой цели она шла многие годы: Благовещенское училище, Хабаровский институт культуры с отличием, дважды звание лауреата джазового конкурса, занятия у ведущего вокалиста, доцента академии имени Гнесиных Ю.И. Олизарова – все это в творческом багаже певицы. Она обладает хорошей манерой эстрадного пения, но все же ее можно считать певицей джаза. Джазовый вокал – способ ее существования в музыке; в выступлениях с двумя оркестрами она показала чувство джаза, его дыхание, пульсацию глубоко и тонко. Сегодня она старший преподаватель эстрадно-джазового отделения ХГИИК.

Еще хочется рассказать о большом творческом пути эстрадно-духового оркестра Дворца культуры имени 50-летия Октября в Комсомольске-на-Амуре и его руководителе Александре Карловиче Юрковском. Биография Дворца культуры имени 50-летия Октября началась в 1930-е годы, когда поднимались первые этажи города юности. Первостроителям очень нужны были хорошие песни, торжественные мелодии, марши. Тогда-то, в 1935 году, в рабочем клубе имени Баранова поселка Дзёмги и был создан духовой оркестр. Пусть было тогда немного музыкантов, но на празднике в честь создания заводом первого самолета Р-6 1 мая 1936 года торжественные звуки духовых инструментов создавали у людей по-настоящему праздничное настроение. В то время над оркестром взял шефство Ленинградский театр оперы и балета.

Много и успешно выступал коллектив на агитплощадках, в подшефных организациях, в городском парке культуры. Ни один вечер трудовой славы не проходил без участия этого коллектива, музыка оркестра звучала на летней концертной эстраде и в цехах. В состав оркестра входили инженеры и технологи, слесари и сварщики. Кларнетисты В.Ф. Паденко, В.Н. Подойницын, баритонист Е.П. Худа – ветераны оркестра, отдавшие любимому увлечению по два-три десятка лет. За последние годы из коллектива не ушел ни один музыкант. Около 40 лет играют в оркестре тромбонист В.И. Ивашкин, трубач А.В. Андреищев, около 15 лет братья Хрульковы, отличные музыканты – ветераны А.И. Лиман, М.Т. Тимофеев, И.Т. Лужбин и многие другие. Для многих оркестрантов музыка стала не увлечением, а второй профессией. Успехами коллектив обязан прежде всего своим руководителям, бывшим и нынешним. До 1976 года народным эстрадно-духовым оркестрам руководил Евгений Петрович Худа, с 1977 года его возглавил Александр Карлович Юрковский.

Сейчас костяк коллектива составляют именно те, кто влился в него в 1977 году. Среди них тромбонист С.В. Полюдов, саксофонист А.В. Подойницын, бас-гитарист Д.Г. Андрианов. Путь в оркестр у нынешних участников был разный. Как рассказывает сам Александр Карлович Юрковский, некоторых останавливали прямо на улице. «И что вы думаете, вышли из них отличные музыканты – достойное пополнение взрослым. Так выросли в коллективе А. Виноградов, С. Орехов и многие другие», – говорит Александр Карлович.

Музыка была, есть и будет. В самые трудные времена нашей истории люди находили в ней отдушину. Музыка, если хотите, не умирает. Кто не верит в сказанное, пусть посмотрит на музыкантов оркестра, говорит А.К. Юрковский. У многих из них семьи, дети, но они не пропускают ни одного занятия, ни одного выступления оркестра.

Все свое понимание музыки Юрковский всегда передавал оркестрантам, а через них и слушателям. Свидетельство тому – присвоение в 1978 году

эстрадно-духовому оркестру Дворца культуры завода им. Ю.А. Гагарина звания народного. В 1979 году оркестр занял первое место и представил самодеятельное искусство Хабаровского края в Чите на зональном празднике духовой музыки профсоюзных учреждений культуры Сибири и Дальнего Востока. Он был почетным гостем Первого Всероссийского смотра-конкурса духовых оркестров в Москве, участником II и III всероссийских фестивалей духовой музыки в Нижнем Тагиле и Екатеринбурге.

Есть еще одна причина, по которой А.К. Юрковский постоянно раздвигает рамки репертуара, обогащает его жанровое и тематическое разнообразие. Таким образом страстный энтузиаст музыки ведет борьбу с эмоциональной глухотой, стремится расширить кругозор своих воспитанников, привить им эстетический вкус, дать не только практические навыки, но и теоретическую подготовку. Много произведений Александр Карлович пишет сам. Это песни о родном городе, заводе, а его фантазия на темы песен о России известна далеко за пределами Хабаровского края. Эстрадно-духовой оркестр под управлением А.К. Юрковского – лучший в Хабаровском крае, он входит в пятерку лучших эстрадно-духовых оркестров страны.

Джаз, как и классическая музыка, – искусство элитарное. И это огромный пласт в общей музыкальной культуре. Проведение праздников джазовой музыки в Хабаровске говорит о том, что в нашем городе этот жанр находит понимание у многих. На подготовку джазового музыканта, как и академического, требуется десятилетие. Институт культуры и искусств за 45 лет существования подготовил не одну сотню музыкальных работников. Только одна кафедра музыкальной эстрады и джаза выпустила более 200 духовиков. Сегодня они работают в оркестрах и ансамблях Дальнего Востока, педагогами в колледжах искусств и культуры, филармониях… 15 выпускников являются дипломантами и лауреатами джазовых конкурсов, 10 имеют почетное звание «Заслуженный работник культуры России» и достойно представляют музыкальное искусство Дальнего Востока в нашей стране и за рубежом.

По всему Дальневосточному региону выпускники института искусств и культуры открыли эстрадные отделения в колледжах и музыкальных школах. То, чему их научили в институте, теперь передается молодому поколению. На кафедре музыкальной эстрады и джаза работали высококвалифицированные педагоги: В.В. Касьянов, С. Березин, А.И. Скачков, М.М. Свирдин, выпускники Московской консерватории: Л.С. Василевский – композитор, руководитель первого большого эстрадного оркестра, положивший начало эры биг-бендов в нашем городе.

Биг-бенд Хабаровского колледжа искусств под управлением заслуженного работника культуры С.П. Кузнецова

Биг-бенд кафедры музыкальной эстрады и джаза под руководством профессора Г.А. Печорина. 1990-е

Джазовая певица Наталья Колпакова – лауреат джазового конкурса

Трио Виктор Бондаренко, Светлана Ройба (фортепиано) и Илья Амирханов (бас-гитара)

Фото предоставлены автором

Мадам Баттерфляй – Т. Петренко, Пинкертон – Э. Тетакаев

«Мадам Баттерфляй», или Попытка полета

Татьяна КОПЫТИНА
Фото Ольги ПОЛОННИКОВОЙ

Хабаровский краевой музыкальный театр через четыре года, после того как приобрел новый статус (до этого театр музыкальной комедии), решился на серьезную постановку. На сцене – опера Джакомо Пуччини «Мадам Баттерфляй». Без оговорок и поблажек. Не «как бы опера» и даже не «комическая опера», а настоящая, как и положено – с серьезной музыкой, трагическим финалом, эпическим размахом страстей. Надо ли говорить, что проект такого уровня потребовал от театра немалых усилий и, прежде всего, творческих. Оперные партии – нешуточная проверка вокальных возможностей и мастерства солистов театра (хормейстер Александр Рыбков). Да и для оркестра освоить такой материал – непростая задача (дирижер-постановщик и художественный руководитель Сергей Разенков).

Трагическая история любви японской гейши и американского офицера, которая разворачивается перед нами, происходит на фоне декорации, стилизованной под японский пейзаж. Режиссер-постановщик Павел Коблик (Екатеринбург) вместе с художником-постановщиком Станиславом Фесько (Москва) создали на сцене изысканный и утонченный мир, будто сошедший с японской миниатюры. К слову, это уже их вторая совместная работа на сцене краевого музыкального театра. В 2010 году состоялась премьера комической оперы «Любовный напиток» Доницетти.

В спектакле много интересных находок. Играют не только артисты, но и реквизит: веера, цветы, фонарики. Сценический свет на протяжении всей оперы будет менять лаконичное оформление, делая его то волшебно-романтическим, то зловеще-тревожным. В костюмах художника Натальи Сыздыковой отразилась вся палитра ярких красок, составляющая некий противовес аскетичной по цветовой гамме декорации, а изящная хореография балетмейстера Ольги Козорез замечательно вплелась в действие «Мадам Баттерфляй».

Успеть на последний трамвай

«Первая Серьезная Лаболатория»

Глеб МОРДОВЦЕВ
Фото Виталия ФЕДОРОВА и Александра КОЛБИНА

Ночные перфомансы в Хабаровском ТЮЗе

В Хабаровском ТЮЗе любят экспериментировать. С некоторых пор перед началом спектакля здесь устраивают перфомансы, стремясь к тому, чтобы в театр зритель приходил подготовленным. Один из недавних – театральный проект «Последний трамвай».

Яркое получасовое действие закружило в водовороте событий, представило целую галерею добрых и смешных персонажей. Открываешь дверь ТЮЗа, делаешь шаг в фойе – и в тот же миг попадаешь в бурлящий мир театрального городка. А точнее – на трамвайную остановку. Здесь водитель трамвая восседает за корабельным штурвалом и громко объявляет в рупор: «Следующая остановка – первый звонок!» Время от времени он предупреждает «пассажиров» о необходимости следить за детьми, стариками и беременными женщинами, а потом провозглашает, что «спасение выпивающего – дело рук самого выпивающего».

Вход в гардероб охраняет строгий охранник с металлоискателем. Он проверяет всех входящих на наличие вымытых с мылом рук, редких заболеваний, а главное – хорошего настроения. Неподалеку расположились веселые музыканты: они развлекают гостей за-

Уличные музыканты-попрошайки – Александр Молчанов и Ольга Шкуро

Привратница – Нэлли Березовская

Водитель трамвая – Андрей Шрамко

дорными песнями и частушками, играют на гитаре и баяне, танцуют и, как это водится на трамвайных остановках, клянчат деньги. Сквозь толпу снуют доброжелательные кондукторы и предлагают купить проездной билетик. Плата – стишок, анекдот, песенка. Эти билетики нужно обязательно сохранить, потому что после спектакля зрителей пригласят в театральный дворик, и обладатели счастливых номеров смогут принять участие в конкурсе-викторине на знание театра. Главным призом станет абонемент на две персоны на все спектакли ТЮЗа на целый год!

А пока в фойе театра кипит жизнь театрального городка, диджей в нелепом цилиндре крутит на граммофоне старые виниловые пластинки и танцует с прохожими под забытые мелодии, зрители, пришедшие на спектакль, спешат на последний трамвай. Совсем скоро водитель объявит конечную остановку – «Третий звонок», и все устремятся в зал, где в этот вечер сыграют спектакль «Все мальчишки – дураки» по пьесе Ксении Драгунской.

Все это наполняет удивительным ощущением детства, а из небольших фрагментов перфоманса «Последний трамвай» складывается тот образ ночного путешествия по городу, каким мы представляли его себе, когда были маленькими. И уже оказываясь в зрительном зале, зритель с нетерпением ждет продолжения сказки.

Каждый творческий проект хабаровского ТЮЗа становится запоминающимся событием. Во время традиционной «Ночи в театре», проходившей в нынешнем году под названием «Первая Серьезная Лаболатория» (да-да, именно лаболатория), актеры представили перфоманс, рассказывающий о том, каким бывает театр. Кадр первый. У входа в фойе расположились весьма сомнительные типы: один спит в обнимку с баранкой автомобиля, два других весело чокаются гранеными стаканами, хвастаются наколками, громко рассуждают о жизни и закусывают черствым хлебом. Смотришь табличку над ними, и все становится ясно: «Реальный театр». Кадр второй. Девушки в платьях пушкинской эпохи читают пьесы классиков драматургии и показывают, как это надо красиво и, что самое главное, прилично играть на сцене. Это «Классический театр». В третьем кадре «Бедный театр», и выглядит это забавно: на маленьком матрасе Он и Она принимают немыслимые позы, бьют в колокольчики и барабанчики, танцуют, многозначительно разглядывая прохожих. В стопкадрах театрального перфоманса нашлось место и детскому театру, и концептуальному, и актуальному, и медитативному… И все это так интересно, что ничего не хочется пропустить.

Когда актер выходит к зрителю, и они говорят на одном языке, рождается удивительное чувство: ты уже не просто наблюдатель, а полноправный участник представления, а может быть, даже главное действующее лицо. Стоит только рискнуть принять игру и стать героем такой веселой и такой настоящей театральной истории.

Открывающая клады и талантливых людей

Марию Константиновну Жевержееву я знаю давно как невероятно преданного своей профессии человека – удачливого и опытного геолога. Много интересных и необычных полевых маршрутов пройдено. Она работала в различных районах Амурской области, ЕАО и Хабаровского края, собрала в толщах земли, которые в геологии называются «немыми», фауну аммонитов, а на Малом Хингане при участии Жевержеевой обнаружено месторождение урана Булак. Но даже когда Марии Константиновне пришлось расстаться с геологией, она сохранила в себе главное качество – увлеченность. Когда-то Жевержеева открывала земные богатства, сегодня находит и поддерживает талантливых и неординарных людей.

История семьи Марии Константиновны Жевержеевой тоже неординарна, в ней переплелись интереснейшие события, которые уводят в глубь веков.

Доходный дом И. А. Жевержеева. Санкт-Петербург, ул. Рубинштейна, 18/5

– Наша фамилия (я по отцу Жевержеева) происходит из крымских татар, которые уже смешались с древними украинцами (жевержей – георгин), – рассказывает Мария Константиновна. – Род был купеческий, и все жили в Харькове. Мой дед Иван Алексеевич Жевержеев (1832–1914) уехал молодым в Петербург и, продолжая дело отца, добился успехов и даже стал почетным жителем города Петербурга, поставщиком двора Его Императорского Величества, был знаком с государем. Он владел парчово-ткацкой фабрикой, которая располагалась в центре Петербурга по улице Рубинштейна (Троицкой), и даже имел акции строящейся железной дороги на Владивосток. Моя бабушка по отцу Софья Порфирьевна Оловянишникова (1857–1919) тоже была купеческого рода (в нем занимались отливкой колоколов), из Ярославля. В большой семье выросли три сына – Левкий, Анатолий и Константин, мой отец.

– В воспоминаниях о Блоке, Маяковсковском встречаются упоминания об увлеченном и необычном человеке Левкии Жевержееве.

– Да, это брат моего отца, Левкий Иванович Жевержеев (1881–1942). Он закончил коммерческое училище, стал работать на семейной фабрике, но с юности увлекался театром и всем, что с ним связано. Завел большую коллекцию театрального реквизита, книг, картин, рукописей пьес и прочее. В итоге это потом переросло в Театральный музей, который существует до сих пор в Санкт-Петербурге.

Другой брат, Анатолий Иванович (1884–1913), по молодости, обучаясь в Швейцарии, увлекся социализмом, входил в кружок Ленина по изучению марксизма, был арестован царской охранкой и выслан в Сибирь. Умер в Омске при попытке к побегу. Видимо, его использовали в подрывной деятельности, так как он был из семьи, близкой к царю. В Петербурге остались жена и двое малолетних детей, которых воспитывала бабушка. После революции его жена увезла детей в Польшу. Там она вышла замуж за поляка, и теперь в Польше много Жевержеевых – потомков этих детей.

Мой отец Константин Иванович (1894–1974) тоже сначала поступил в коммерческое училище, но после начала войны 1914 года перешел в артиллерийское училище, где его и застала революция. Революция уничтожила всех Жевержеевых, которые жили в Крыму, Харькове и Харьковской области. Левкий и Константин уцелели благодаря защите Луначарского, Маяковского и, возможно, Ленина, который помнил Анатолия. Левкий и Константин были женаты на сестрах Тамаре и Ире. От первого брака моего отца в Петербурге живет племянница, моя ровесница. Моя мать Татьяна Ивановна Муравьева (1920–2010) познакомилась с отцом в Москве в конце войны в Архитектурном институте, где он преподавал. Я родилась уже после войны.

– Необыкновенная история у вашей семьи. Мария Константиновна, а как вы оказались на Дальнем Востоке?

– Я в школе, как и все Жевержеевы, начала коллекционировать… спичечные этикетки. Кто-то марки собирал, а я вот позарилась на коробочки, отпаривала картинки. Потом и отец увлекся, и даже когда я бросила, он продолжил это дело с купеческим размахом: связывался с фабриками, потом с иностранцами. Он ведь свободно владел английским, французским и немецким. Словом, стал самым крупным в СССР коллекционером этикеток со спичечных коробков. О нем даже писали газеты и

Левкий Иванович Жевержеев в своем рабочем кабинете. 1930-е

Константин Иванович Жевержеев

Левкий Иванович Жевержеев с женой Тамарой и дочерью Тамарой (Жевой). Санкт-Петербург. 1910

Рисунок Ю. Анненкова из альбома Л.И. Жевержеева

Альбом представляет собой уникальное собрание рисунков и автографов выдающихся современников Л.И. Жевержеева, посетителей его «пятниц». Альбом был задуман по образцу «Чукоккалы». Среди оставивших в альбоме свои рисунки и автографы – художники Н. Альтман, Ю. Анненков, А. Бенуа, М. Добужинский, А. Радаков, О. Розанова, И. Школьник; театральные деятели и актеры В.Н. Давыдов, М.Н. Ермолова, И.Е. Ершов, В.Э. Мейерхольд, Н.Н. Ходотов, А.И. Южин; писатели А. Блок, В. Иванов, А. Каменский, М. Кузьмин, В. Маяковский, А. Ремизов, В. Хлебников. Всего в альбоме 325 рисунков и автографов.

http://www.museum.ru/C3351

снимали сюжеты для телевидения. Позднее отец подарил свою коллекцию какому-то музею, хотя она оценивалась в огромную сумму. К сожалению, выяснилось, что со временем ту коллекцию почти всю разворовали. Я уже была в Хабаровске...

Увлекало меня не только коллекционирование. В детстве я копала землю, искала клады во дворе, собирала камни. Все мы тогда мечтали о подвигах и открытиях, читали о путешествиях и приключениях... В школе увидела объявление о наборе в геологический кружок при Московском геологоразведочном институте и два с половиной года ходила туда, а по выходным мы со студентами-руководителями ездили по карьерам Подмосковья. Потом поступила в в этот институт, в группу поиска и съемки. На практике была в Казахстане, на озере Балхаш и на Памире. Получив диплом, на следующий день отправилась на Дальний Восток. Ехала на поезде, с собакой.

Главным геологом Дальневосточного производственного геологического объединения был тогда Ефим Борисович Бельтенев (1924–1980) – участник Великой Отечественной войны, крупный знаток геологии Сихотэ-Алиня и Нижнего Приамурья, умелый воспитатель геологических кадров, а начальником объединения – Константин Филиппович Прудников (1913–1978). Под его руководством начиналось изучение Комсомольского оловорудного района.

Летом все партии были в поле, и меня отправили в геофизическую круглогодичную партию на фланги месторождения «Фестивальное» в Комсомольский район, где в поисках олова я провела два года в кругу 10 бичей (!!!). В партии я научилась пилить дрова, варить. Я ведь приехала из города и ничего не умела...

Потом Е.Б. Бельтенев, как и обещал, перевел меня на съемку, где я работала уже старшим геологом. Первым моим начальником был Владимир Евгеньевич Чепыгин, который дал мне работать самостоятельно. Потом были Александр Александрович Шульжик, Евгений Антонович Тиньков, Валентин Алексеевич Гурьянов и Александр Федорович Атрашенко, с которым мы провели последние три сезона 1995–1998 годов. А в 2001-м я вышла на пенсию по возрасту. Да и геология тогда рухнула, я была не нужна как специалист, а печатать какие-то бумаги, как мне предложил главный геолог, отказалась. За время работы в съемочной экспедиции ее начальник М.Т. Турбин не раз предлагал мне возглавить партию, но я отказывалась из-за своего мягкого ха-

рактера. Меня всегда интересовала геология, а не кадры и бумажки. Но я не забываю свою профессию: помогаю мужу и с микроскопом, и с химическими анализами, и с компьютером.

– Мария Константиновна, я знаю, что вы помогаете не только своему мужу, но и многим-многим людям, которые по той или иной причине нуждаются в поддержке. Зная ваш характер, я понимаю, что говорить об этом не очень удобно, и все же...

– Знаете, так сложилось, что в нашей семье было принято помогать людям. Мой отец помогал одной женщине-инвалиду, когда она приезжала в Москву на операцию. А познакомились они через коллекционирование этикеток. Она была из Хабаровска. Возможно, я потом приехала на Дальний Восток во многом потому, что уже знала этот город.

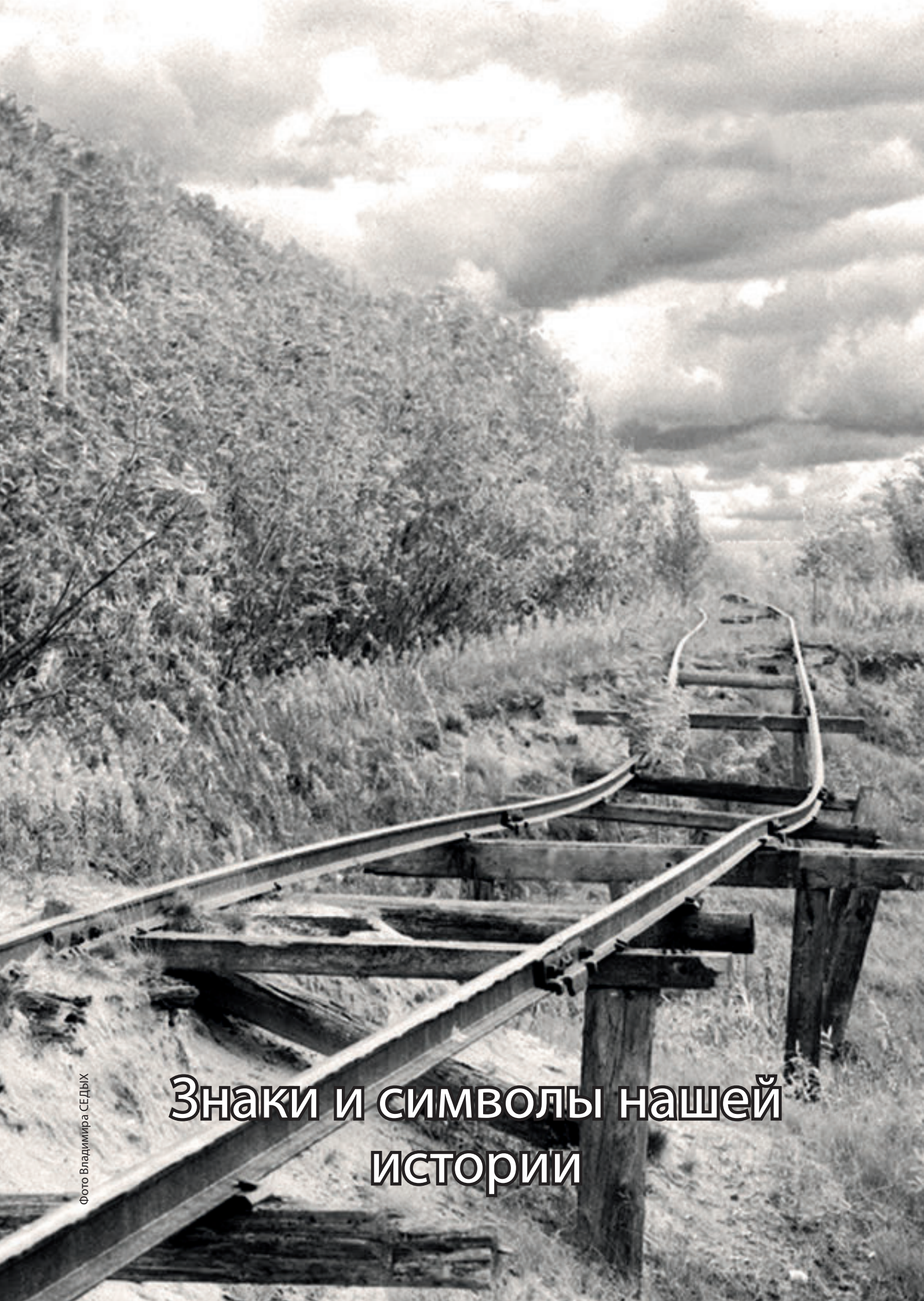
Что касается меня, почти десять лет назад я познакомилась с очень талантливой девушкой Леной Семеновой (книга стихов Елены Семеновой вышла под редакцией М.К. Жевержеевой в 2011 году. – *Примеч. ред.*). Она человек с ограниченными физическими возможностями. В детстве потеряла ногу: в поликлинике сделали укол и заразили... Встретились мы случайно, зимой, во дворе, когда я гуляла с собакой. Лена шла на костылях. Она тогда училась в педагогическом институте, а теперь живет в Германии. Мы с ней переписываемся, я ей посылаю пенсию по доверенности. Потом познакомилась на концерте в Доме ветеранов с Валентиной Митрофановой. Вопреки физическому недугу (в детстве лишилась зрения) она продолжала заниматься в художественной самодеятельности, а выйдя на пенсию, начала писать стихи и песни, читать и петь их со сцены. Это потрясающий человек. Вообще все люди, с которыми я общаюсь и которым помогаю, необычайно талантливые и светлые.

P.S. *В интервью Мария Константиновна Жевержеева не рассказала о своей помощи (в том числе и материальной) в издании целого ряда книг: «К черному золоту Маи» – к 100-летию со дня рождения геолога Александра Федоровича Баранова, «В дебрях Сихотэ-Алиня», «Когда расцветали цветы дружбы», «Жизнь и приключения Санка Базанова» и других.*

Записала Нина БУЛАНОВА.
Фото из архива Марии ЖЕВЕРЖЕЕВОЙ

В маршруте. Туранское нагорье, ручей Шугара. 1971

Работа над отчетом. 1972



Знаки и символы нашей истории

Фото Владимира СЕДЫХ

Визит августейшей особы

Путешествие наследника российского престола на Дальний Восток

Татьяна КИРПИЧЕНКО

На дальневосточной окраине России – в Приморье и Приамурье, цесаревич Николай Александрович Романов побывал во время своего кругосветного путешествия 1890–1891 гг. Ему шел 23-й год, когда по решению отца, Александра III, он как старший сын – наследник царского престола России, отправился в длительную поездку для ознакомления с достижениями мировой цивилизации стран Востока. Посетив Грецию, Египет, Индию, Цейлон, Сингапур, Яву, Сиам, Китай и Японию 11 мая 1891 года он прибыл во Владивосток на фрегате «Память Азова»[1]. От Владивостока путь его лежал до Уральска через всю Сибирь и затем по европейской части России в Петербург.

Строительство железнодорожной магистрали еще только начиналось, а преодоление огромных российских расстояний в коляске или на речных пароходах было делом достаточно сложным и утомительным. По пути следования молодому наследнику предстояло ознакомиться с территориями восточной окраины страны, узнать сильных и мужественных людей, которые волей судьбы осваивали эти далекие земли, прочувствовать необъятность империи, которой ему предстояло управлять.

В маршрут путешествия цесаревича входило и посещение Хабаровки. Пробыв во Владивостоке 11 суток, цесаревич со свитой направился к Амуру сложным путем. Вначале ехали на лошадях до села Никольского, затем вдоль восточной стороны озера Ханка до села Спасского и далее до 4-го Сунгачинского поста. Пересев на пароход Амурского общества «Ингода», по извилистой речке Сунгаче путешественники двинулись к Уссури, а затем по Амуру добрались до Хабаровки. Вечером 29 мая 1891 года пароход «Ингода», сопровождаемый судами конвоя, пристал к берегу, запруженному встречающими горожанами.

В путеводителе, изданном специально к путешествию наследника престола, Хабаровка – будущий город Хабаровск, описана так: «Город отличается своим выгодным местоположением, обещающим ему прочную будущность при дальнейшем развитии Амурского края… представляется центром Приамурского края, находясь почти в равном расстоянии, 900 до 1 000 верст, от главных городов края – Благовещенска, Николаевска и Владивостока, служит центром торговли пушниной, главным образом соболей. Домов в городе до 600, почти все деревянные, каменных не более 20. В 1889 г. жителей 6 939».

К встрече высокого гостя в Хабаровке готовились заблаговременно и очень тщательно. Разрабатывалась программа встречи, праздничных мероприятий, изготовления и приобретения подарков и т.п. В книге Андрея Бодиско «Из жизни Хабаровска», вышедшей в 1913 году, есть подробное описание подготовки горожан к встрече наследника-цесаревича. Приамурский генерал-губернатор генерал-адъютант барон Корф издал специальный приказ, в котором предстоящее знаменательное для города событие было расписано по минутам. Четко распределены обязанности и местонахождение представителей всех сословий, городского руководства, войск, учащихся. В нем, в частности, говорится: «По установке сходен с парохода, полицеймейстер подходит к Его Высочеству с рапортом, после чего городская депутация подносит наследнику Цесаревичу

[1] Все даты указываются по старому стилю.

Пристань у Хабаровки

Магазин «Чурин и К°» во время пребывания наследника-цесаревича

2-я Триумфальная арка в Хабаровке

хлеб с солью; жители города приглашаются, за неимением места у самой пристани, разместиться против нее на возвышенном берегу; у собора встречают Его Высочество все чины военного ведомства, не находящиеся в строю; дамы приглашаются, в случае хорошей погоды, собираться для встречи у собора; почетный караул будет выставлен против дома генерал-губернатора, у которого до роспуска караула, собираться посторонним лицам не дозволяется, чтобы не мешать приёму и прохождению караула; на следующий день по прибытии Его Императорского Высочества, всем чинам военных и гражданских Управлений, городскому Духовенству, а равно Городскому старосте с депутацией от города, корейской и китайской депутациям, собраться к 8 с половиною часам утра в Атамановский зал генерал-губернаторского дома, для представления Его Высочеству. Одетым быть г.г. военным в походной форме при орденах, генералам в лентах, гражданским чинам в мундирах; при открытии памятника графу Муравьеву-Амурскому войскам строиться по указанию генерал-майора Свечина, ему же дать указания полицеймейстеру, какие места могут быть заняты публикою и где находиться гражданским чинам; все распоряжения по городу войскам в отсутствие генерал-губернатора его превосходительство возложил на генерал-майора Свечина».[2]

В книге Бодиско отмечается, что «генерал Свечин, при помощи комиссии блестяще выполнил возложенные на него поручения по организации встречи и украшения города: были построены арки и триумфальные ворота у пристани, у казначейства и у военного собрания, по городу расставлены были мачты, между которыми развевались гирлянды флагов, дома обывателей были разукрашены флагами, коврами и материями, вечером весь город сиял огнями плошек и смоляных бочек и сожжен был блестящий фейерверк».

Как выглядел город, как был украшен, прекрасно видно на снимках Эмиля Нино – первого профессионального фотографа Хабаровска и фотолетописца города. Вот пристань, куда только что прибыл пароход с наследником престола и свитой. Над дебаркадером огромный плакат «Ура цесаревичу!». У причала выстроились в парадной форме гимназисты и гимназистки. У выхода с трапа две огромные пирамиды из хвойных веток с флагами и лентами. На других снимках изображения двух триумфальных арок, выстроенных на Соборной площади к приезду наследника с обеих сторон нынешней улицы Шевченко. Арки деревянные, ажурные, украшенные огромными буквами Н (первая буква имени будущего императора Николая), зеленью и флагами. На Соборной площади, по которой шествует цесаревич со свитой, толпится народ, стараясь через плотное ограждение из военных, рассмотреть будущего императора.

На фотографиях отчетливо видно, что каждый владелец дома стремился перещеголять другого в количестве украшений. Все дома увиты гирляндами из зелени, лентами, китайскими фонариками, развевающимися на ветру флагами и огромными буквами Н. Дом и канцелярия генерал-губернатора, магазины самых именитых купцов Хабаровки Чурина и Плюснина, полицейское управление с пожарной командой на рысаках с громадными бочками на телегах. Всё выглядит очень нарядно и празднично.

Закончился визит Николая Александровича в Хабаровке, и мы видим на фотографиях пристань в день отъезда цесаревича. Те же гимназисты провожают наследника престола; опустевший берег, лишь солдат разбирает ненужные уже зеленые пирамиды. Вдали на утесе виден памятник генерал-губернатору Восточной Сибири графу Н.Н. Муравьеву-Амурскому, открытый накануне в присутствии Николая Александровича. Как происходило это главное событие визита царственной особы в Хабаровку, рассказал в своих воспоминаниях племянник Н.Н. Муравьава-Амурского Валерьян Валерьянович, приглашенный на торжество.

«Открытие памятника состоялось 30 мая 1891 г., погода была превосходная, с утра было жарко, и белые чехлы на фуражках вполне оправдывали свое назначение. К 10 часам утра народ толпился в части городского сада, прилегающей к месту ожидавшейся церемонии. Слева перед памятником, ближе к Амуру, была разбита палатка, украшенная флагами и зеленью, предназначенная для молебствия с водосвятием. Близ нее стали чины военного и гражданского управлений, а также дамы местного общества. С другой стороны стали депутации городов Благовещенска и Николаевска и казачьих войск: Амурского, Забайкальского и Уссурийского. Тут же находился старик-якут, служивший покойному графу проводником. На нем был жалованный кафтан и медаль на Андреевской ленте. Среди депутатов особенно выделялся подполковник Скобельцин Г.А. 75-летний старик, знаменитый своими рекогносцировками на

[2] В цитатах частично сохраняется орфография и пунктуация оригинала.

Магазин купца В.Ф. Плюснина

Дом полицейского управления в Хабаровке

Амуре… На нем был мундир Амурского войска времен графа Муравьева-Амурского. С другой стороны памятника разместились учащиеся учебных заведений, воспитанники Хабаровской приготовительной школы Сибирского кадетского корпуса, а также представители местного чиновничества. Хабаровский батальон выстроился от бульвара фронтом к памятнику, а флангом к Амуру. Горная батарея расположилась в боевом порядке с орудиями позади палатки. На лестнице, ведущей к площадке – наверху холма, где поставлен памятник, стали парными часовыми два станичных атамана Амурского казачьего войска с булавами в руках. На самой площадке близ памятника, двое часовых от местного батальона.

Ровно в 10 часов утра прибыл к месту церемонии наследник цесаревич, встреченный громким «Ура!» присутствующих. Его Высочество проследовало прямо в палатку, где тотчас и началось молебствие. Его совершал ветеран амурских походов благовещенский соборный протоиерей отец Александр Сизой. Затем цесаревич поднялся на верхнюю площадку около памятника, обошел его кругом, за ним следовал Александр Сизой, окропляя памятник святой водой. В это самое время войска взяли на караул, артиллерия произвела салют, а оркестр вместо принятого в этих случаях встречного марша заиграл так называемый амурский марш – кавалерийский генерал-марш, которым всегда начинался день на Амуре при графе Муравьеве». Это была своеобразная почесть, отданная в этот торжественный момент амурскими войсками своему основателю.

После торжественного освящения памятника наследник престола посетил инвалидный дом, сооруженный для участников муравьевских сплавов, где его встретила баронесса С.А. Корф – жена Приамурского генерал-губернатора А.Н. Корфа, председательница местного благотворительного общества, опекающего инвалидов. На благотворительные цели цесаревич Николай пожертвовал весьма значительные суммы денег. Он осмотрел город, побывал в учебных заведениях и артиллерийских мастерских. Этот день закончился блестящим торжественным приемом, который дал генерал-губернатор А.Н. Корф в честь наследника русского престола.

Пробыв в Хабаровке двое суток, 31 мая, цесаревич отбыл на пароходе «Граф Муравьев-Амурский» вверх по Амуру в сторону Благовещенска. Всю дорогу на пароходе играл оркестр хабаровского гарнизона. По пути следования останавливались в крупных станицах Амурского казачьего войска: Михайло-Семеновской, Екатерино-Никольской, Раддевской, Иннокентьевской, Поярковой, где высоких гостей встречали хлебом-солью, подарками, показом искусства джигитовки и казацкой удали.

Путь по России занял около двух месяцев. В Санкт-Петербург путешественники вернулись 4 августа 1891 года. Приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф поздравил цесаревича Николая с благополучным возвращением и получил ответную телеграмму: «Сердечно благодарю вас, войска, казаков и жителей Приамурского края за поздравление с приездом домой. Никогда не забуду приемов, оказанных мне во время проезда по этому краю [в] будущем. Николай».

Цесаревич вспомнил о Хабаровке, узнав, что на далекой окраине России создается Приамурский отдел Императорского Русского географического общества, а при нем музей и библиотека. В нарождающуюся библиотеку в сентябре 1894 года он прислал 453 книги из личного фонда с пожеланием, чтобы к его книгам был доступ. Среди этих книг были и тома с описанием недавней поездки по странам Востока.

«Путешествие государя императора Николая II на Восток в 1890–1891 годах» изданные в Лейпциге.[3] Роскошный фолиант в тисненом кожаном переплете с золотым обрезом напечатан в 3 томах, 5 частях. Последний, 3-й, том, посвященный пребыванию цесаревича в странах зарубежного Дальнего Востока и продвижению по просторам России, вышел в 1897 году.

Эта книга – прекрасный образец полиграфического искусства конца XIX века. Автором-составителем стал князь Ухтомский, поэт и публицист, сопровождавший наследника-цесаревича во время путешествия. Эспер Есперович Ухтомский день за днем фиксировал все события, происходившие во время плавания на корабле, и описывал страны, которые посетил Николай Александрович со свитой, делая обзоры их истории и культуры. Современники отмечали, что это было первое сочинение, которое так наглядно представляло целостную картину жизни стран от Каира до Японии. Замечательный исследовательский труд Ухтомского был сразу переведен на немецкий, французский и английский языки.

Большую ценность придают книге «Путешествие государя императора Николая II на Восток» более 700 иллюстраций. Это карты и схемы маршрутов, портреты, фотографии, в том числе качественные любительские фотографии, выполненные молодым офицером Владимиром Менделеевым – сыном ученого Д.И. Менделеева, 560 оригинальных гравюр работы лучших европейских резчиков. Автором гравюр был известный художник Николай Николаевич Каразин. На его рисунках изображены жители, населяющие страны Азии, виды разных городов, архитектурные памятники, экзотические художественные редкости и многое другое. Около 200 иллюстраций посвящено российским окраинам. Есть здесь и виды Хабаровки.

Все населенные пункты России, в которых останавливался цесаревич во время путешествия, получили в дар книгу «Путешествие государя императора на Восток». Книги тщательно упаковывались в деревянные ящики, опечатывались казенной печатью и рассылались бесплатно.

Фото Эмиля Нино из архива Дальневосточной государственной научной библиотеки. Пересъемка Валерия Токарского

[3] В 1894 году наследник-цесаревич стал российским императором Николаем II.

Площадь у собора в Хабаровке

Отбытие наследника-цесаревича из Хабаровки

Летопись

Архив Людмилы Дземешкевич

Любовь КРИВЧЕНКО

Для того чтобы создать подлинную историческую летопись, требуются долгие годы. Людмила Дземешкевич всю жизнь занималась русской эмиграцией в Маньчжурии. Итогом стали книги «Харбинцы», «Харбинские были», «Дон Кихот Харбинский», в которые вошли воспоминания о русском Китае.

Людмилу Дземешкевич всегда интересовали люди с их характерами, убеждениями, поступками. Творческая и эмоциональная по натуре, со щедрым сердцем, она так могла расположить к себе собеседника, что он раскрывал душу, рассказывая о самом сокровенном. Сейчас эти материалы, собранные замечательной подвижницей, хранятся в фонде личного происхождения Людмилы Константиновны Дземешкевич Государственного архива Хабаровского края.

Людмила Константиновна Дземешкевич. Севастополь. 2011

Людмила Константиновна Дземешкевич (в девичестве Хлюстова) родилась в 1932 году в Харбине в семье служащих Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Дед по материнской линии Иван Федорович Громцев охранял КВЖД с 1913 года, мать Татьяна Ивановна Громцева работала на КВЖД, отец Константин Павлович Хлюстов тоже. Занимаясь фамильной историей, Людмила Константиновна описала появление Хлюстовых – Громцевых в Маньчжурии: «Дворянская монархическая семья отца Константина Павловича Хлюстова прибыла в 1917 году из Ташкента, где дворянин Павел Игнатьевич Хлюстов был наместником российского императора в Туркестане». Константин Павлович успел немного поучиться в кадетском корпусе, был вывезен в Китай 12-летним. Татьяна Ивановна Громцева привезена в Маньчжурию в возрасте 5 лет.

Отдавая приоритет истории рода по материнской линии – Громцевых, Людмила с гордостью описывала портрет своего дедушки. Рязанский дворянин И.Ф. Громцев, получивший достойное воспитание и военное образование, начиная с кадетского корпуса и военного училища, к 40 годам уже имел звание полковника. В Русско-японскую войну 1904–1905 годов, участвуя в крупных военных сражениях, был ранен, имел награды. Позор неудач русской армии на полях сражений Цусимы, сдача Порт-Артура, а затем жестокое подавление Первой русской революции 1905 года тяжело переживал. Утешение нашел в женитьбе и рождении дочери Татьяны, в которой души не чаял. В 1913 году был направлен в Заамурский округ на охрану КВЖД. Боевой офицер Громцев не узнал прежнего Харбина, так удивительны были перемены в преображении города, своим обликом походившего на Петербург. В 1917 году Иван Федорович дослужился до генерала. Но начавшаяся революция, а затем и Гражданская война в России круто изменили жизнь Громцевых. Семья бедствовала, однако от приглашения атамана Семенова возглавить борьбу с большевиками генерал Громцев отказался, заявив: «Я служу только России и народу». Глубокие переживания по поводу междоусобицы в России и невозможности обеспечить нормальные условия жизни родным привели к смерти Ивана Федоровича от сердечной недостаточности. О разом осиротевшей семье стал заботиться дядя матери Людмилы Константиновны, Алексей Алексеевич Голубев, впоследствии сыгравший для нее роковую роль.

В 1924 году КВЖД стала управляться СССР и Китаем. Совместное советско-китайское управление дорогой предполагало создание новой администрации КВЖД. Было образовано советско-китайское правление из 10 человек, пять из которых назначались советским прави-

тельством, остальные – китайским. Работать на ней имели право только советские и китайские граждане. Потомственный дворянин А.А. Голубев принял советское гражданство, поставив это основным условием и для будущего отца Людмилы Константиновны, иначе бы бракосочетание не состоялось. Отец Людмилы Константин Павлович Хлюстов принял советское гражданство, чтобы не лишиться работы на КВЖД. Однако в советском консульстве, играя на чувствах молодого, без памяти любящего свою невесту человека, предложили ему принести всю документацию Павла Ивановича Хлюстова о политических настроениях русской эмиграции. Советское гражданство нужно заслужить! И то ли в силу молодости, то ли не разобравшись, он предал своего отца. Вскоре Павел Иванович был убит, а Константин Павлович, осознав последствия, запил. Компетентные органы решили убрать «помеху» весьма оригинально. В 1934 году Константину Павловичу велено было перейти границу, «где его встретили и проводили до самой сахалинской тюрьмы, обвинив в оказании помощи международной буржуазии», как позже узнала его дочь Людмила Константиновна.

Маленькая Людмила с сестрой остались на попечении матери и бабушки, «перебегая с квартиры на квартиру, гонимые за свое советское гражданство, пробавляясь случайными заработками мамы то в ресторане Ощепкова, то на автобусах Рывкина. Да и эти работы мама смогла получить только когда, зарыв в подполье советский паспорт, наконец-то выправила себе эмигрантский вид на жительство, подвергнувшись другой страшной опасности – попасть в японские застенки. Ведь правители нового государства Маньчжоу-Го осуществляли тотальный контроль над эмигрантами. «В 1937 году мама вышла замуж за купца Тамбовцева, прошедшего войну 1914 года и Гражданскую, удостоившись Георгиевской медали «За храбрость». Однако о возврате домой в Казанскую губернию, где остались его рыбные промыслы, купец Тамбовцев всегда говорил так: «С этой властью дел иметь не желаю». Будучи человеком решительным, он отправил Людмилу с сестрой в католический Франко-русский конвент на пансионное содержание.

Много позже Л.К. Дземешкевич в своей рукописи «Харбинцы» с трепетом маленькой 7-летней девочки вспоминала о конвенте: «Меня ввели в вестибюль, слева в котором была открыта дверь, и неслись волшебные, необыкновенной красоты, звуки. Я глянула туда – сверкающий паркет, сверкающий золотом алтарь. Это была конвентская церковь, это звучал орган… Обращение православных в католичество – важный момент в воспитании конвента, но делалось это только с разрешения родителей. Большой соблазн был в чудесном одеянии девочек в день обращения: белое платье до пят, тончайшая дымка фата, схваченная на головке белыми цветами, спускающаяся на грудь, с просвечивающим через нее девичьим личиком, и падающая назад, до пола, с разбросанными по ней и по подолу платья бутоньерками живых цветов. Потом, когда весь день эти полуангелы, полудевочки ходили по конвенту, мы видели, что и туфельки, и чулочки на них были тоже из белого шелка».

Уважительно и с любовью вспоминает она воспитательниц: мать Терезу – русскую красавицу, мать Гордон – веселую и жизнерадостную немку. И со страхом – о готовящейся к постригу армянке Ирине Зарадяди. «Готовящая к смирению свою плоть и дух, эта воспитательница истязала малышек: высмеивала жидкие косички, прикалывала бумагу на спины матросок в воскресенье – в день свиданий с родителями, на которой красочно описывала или в карикатуре преподносила наши детские грехи, а то и напрямую, без затей, била линейкой по рукам, если почерк не получался каллиграфическим. Она видела распухшие от холода детские руки, бывало и с лопнувшей кожей, а у сироток – и загноившиеся, и била по ним… Горды девочки были тем, что однажды приготовили и осуществили «страшную месть», крупно написав на листке: «Ирка – серый дядька» и положили ее на учительский стол. Однако были и такие монахини, которые слепо и беззаветно любили воспитанниц и сохранили в этом «аду» смирение и любовь к людям. Все эти жизненные испытания укрепляли плоть, насыщали дух, готовящийся к служению людям».

Однако пришел 1945 год, и все изменилось: всем желающим выдали советские паспорта, «стерев ту великую разницу, которая существовала между советскими и эмигрантами… Мама похоронила бабушку и отчима, и семья переехала в Дальний – Далянь. Ехали тогда все в этот настоящий советский рай: спецторги и ОРСы выдавали по карточкам такие горы продовольствия и товара, которые ни переесть, ни переносить было невозможно. В Даляне все было под управлением советских специалистов, хотя начальниками были китайцы, всю работу переделывали хорошо образованные русские эмигранты. Однако вскоре и эта идиллия закончилась, опять пошли аресты русских и китайцев».

После окончания 10 классов советской школы (с учителями из СССР) у Людмилы были довольно противоречивые чувства по отношению к полученному образованию. Об отличии советской школы от эмигрантской она вспоминала так: «Учить надо было – «от сих до сих», из литературы были удалены все интересные и известные писатели и поэты, а «патриархом поэтов» считался В. Маяковский». Именно тогда юная Людмила столкнулась с ненавистью советских к эмигрантам, на себе прочувствовала недоброжелательное отношение как к человеку «второго сорта». Однако успешно пройдя межгородской конкурс, Людмила Константиновна получила право на поездку для учебы в Пекинский университет, что было очень престижно. Получая образование в университете, обучала китайцев русскому языку.

В 1954 году Генеральное консульство СССР обнародовало разрешение правительства СССР на возвращение русских эмигрантов на родину – «на целину». После тяжелой войны необходимо было поднимать пришедшее в упадок сельское хозяйство, наращивать его темпы, а для этого осваивать и возрождать целинные земли. Страна нуждалась в населении и хороших специалистах, выкошенных Великой Отечественной войной и политическими репрессиями. Людмила Константиновна вспоминала: «Некогда было раздумывать, сбывалась мечта 3 поколений, и надо было поскорее вязать корзинки, чтобы поспеть туда первыми. Десятки тысяч остававшихся от уехавших в 1935 г. и насильно увезенных с 1945 по 1950 г., ехали туда же, и только 20% от них отправились «за океан». С криками

СССР
Министерство Иностранных Дел
Консульское Управление
Гр-ке ХЛЮСТОВОЙ Л.К.
г.Чкалов-областной, ул.Парковская, дом 5
По Вашей просьбе направляю Вам справку о стаж работы в Пекинском институте русского языка с переводом на русский язык.
ПРИЛОЖЕНИЕ: упомянутое, на 2 листах.
ЗАВ.ОТДЕЛОМ КОНСУЛЬСКОГО УПРАВЛЕНИЯ /А.САВЕЛЬЕВ/

Хлюстова Л. К.
Диплом
Пекинский Институт русского языка.
Кафедра профессора Мамонова
Москва
Преподаватель
Одновременно преподаватель русского языка иностранным специалистам.

«ура!» «перелетели» мы границу СССР и на первой же советской станции Отпор, распростившись с комфортным пассажирским составом, перешли в товарные вагоны со сваленными как попало вещами. В дороге ошеломила нас грандиозная красота Забайкалья и Урала и «сногсшибательные» уборные при вокзалах. Потрясли работающие на железнодорожных путях женщины с кайлом в руках и передвигающиеся на колесиках безногие мужчины, с одинаковыми словами из уст… Нашу эмигрантскую партию везли до Чкалова, а там «перебросили» на грузовые машины и к ночи доставили на место. Грузовики, на которых позже везли нас, были не студебеккеры, гладенькие, крашеные, со скамеечками вдоль бортов, какие мы впервые увидели в Харбине, когда на них прикатила к нам Советская армия, а разбитые, грязные, громыхающие по ухабам вместо дорог и не имеющие никаких скамеечек. Пробыли мы там недолго, не встретив никакой «целины». Потом уже я узнала, что ровная бесконечная гладь, которая лежала вокруг нас до самого горизонта, и была той «целиною», только никто не собирался ее поднимать». Через месяц эмигрантам раздали паспорта и велели отправляться в города.

Давний друг и будущий муж Людмилы Константиновны Павел Фаддеевич Дземешкевич еще раньше уехал из Китая на целину. Человек, воспитанный в старинных русских традициях, для которого важны были слово, долг и честь, с трудом воспринимал порядки иной страны, где на селе могли запросто сгноить зерно, сложенное под открытым небом для просушки и проветривания. Он был возмущен таким бездействием, об этом свидетельствует его переписка с Людмилой Константиновной: «Идут дожди, зерно гниет и прорастает, горит, а начальство в ус не дует. Не представляю себе, что у них бывает, когда хороший урожай». Однако молодость брала свое, и Павел, стараясь не обращать внимания на отрицательные стороны новой жизни, очень дружески поддерживал дух своей невесты: «Теперь нужно нам думать о дальнейшем, бороться за наше место в жизни, а бороться придется долго и упорно. И еще не раз мы будем жестоко разочарованы, к чему надо себя подготовить, собрать свои нервы и прямо, с поднятой головой идти к цели».

Восприятие жизни советских людей эмигрантами, приехавшими на постоянное место жительства, в корне отличалось. Пропасть в отношении к окружающей действительности особенно чувствовалась в деревне, где проживали совершенно разные социальные слои общества: колхозники и высланные из различных мест люди с исковерканными репрессиями судьбами. Приспосабливаясь к окружающим его людям, Павел Дземешкевич удивлялся так же, как и любой выехавший из-за границы на родину россиянин, не знавший реалий сельской жизни в Советском Союзе, «некоторым странностям», о которых также писал Людмиле Константиновне: «Я совсем превратился в лесного человека. Если б ты меня увидела, то наверно не узнала бы: куртка, рабочие брюки, вправленные в кирзовые сапоги, на голове кепка. Куда делись отглаженные брюки и белые сорочки! Тут можно целыми месяцами не гладить, о чем (о глажке белья) наверно жители не имеют представления, т.к. я ни у кого ничего не видел выглаженного, а даже и стирать и носить одежду до тех пор, пока она не свалится и не придет в полную непригодность… Если бы ты видела наших ребят и парней! Ничего, я бы сказал, человеческого… Никаких духовных запросов, кроме еды, сна и работы. Поражает их ужасная грубость, тупость, я уже не говорю о безобразной ругани. Они наверно с детских лет не видели ни ласки, ни заботы, не слышали ни одного доброго простого слова. Вот и попробуй «обтесать» таких. И как часто вспоминаешь сейчас о нашей молодежи, как хочется встретить кого-нибудь из них и вспомнить свою жизнь, поговорить на простом человеческом языке». Помыкавшись в деревне, он перебрался в Омск, который принял сразу и всем сердцем.

Поколесив по «целине», Людмила Константиновна, конечно же, выбрала Омск, где и вышла в 1955 году замуж за надежного Павла Фаддеевича Дземешкевича. А в 1956 году в новой, уже советской, семье родился сын. Людмила Константиновна воспитывала сына и работа-

Выпускной 10-й класс. Советские вместе с дальнийцами. Советские преподаватели, в центре – директор Максимчик. В верхнем втором ряду четвертая слева – Людмила Константиновна. Дальний. 1951

У здания пекинского института русского языка. Китайское руководство института и студенты. Все преподаватели – русские эмигранты. Во втором ряду пятая справа – Людмила Константиновна. 1952–1954

ла в различных учебных заведениях, наблюдая определенные нюансы в жизни различных социальных слоев СССР. Вот как она описывала свои первые годы жизни и адаптации в Советской стране: «Начиная жизнь на родине, исполненные чувством вины за то, что родились не там где надо, а потому с вечным ощущением недостаточности, мы решили прежде всего пополнить свои русско-китайские дипломы советскими: муж – дипломом автодорожного института, а я – медицинским и педагогическим училищами». Работая в детском санатории, возглавляя медицинское просвещение или Общество Красного Креста, становясь экскурсоводом или директором Дворца культуры, преподавая этику и психологию в детском доме, гимназии, лицее или в созданных ими самими школах – Славянской и Дворянской, Людмила Константиновна и Павел Фаддеевич всегда были вместе и поддерживали друг друга во всем. Дом, семья были для них крепостью, которую они тщательно оберегали. Энергичные, обладающие хорошими знаниями, разносторонним кругозором, «легкие на подъем» и готовые принести родине пользу, они старались как можно больше сделать для воспитания, возрождения традиций и сплочения российского общества даже в кризисные 1990-е годы.

С 1992 года Людмила Константиновна стала заниматься Дворянским собранием, и результаты не заставили себя долго ждать: «Постоянные выступления в средствах массовой информации побудили омичей «вынуть из глубоких подполий» доказательства своих родов. Было расчищено и приведено в порядок старинное кладбище с захоронениями гордости и славы нации – оно было забыто и заброшено, и снесен его храм, а прямо на могилах водружены дома и больницы, сады и поликлиники. Напечатали об этом в «Православной Руси» в Сан-Франциско и в харбинских газетах. Со святой горы Афон отозвался схимонах, живущий в келье Николая Угодника, благословил иконой «Достойно есть». А Павел Фаддеевич стал восстанавливать и строить храмы, опыт же храмостроения закрепил в книгах «Храмоиздательство» и «Колыбель православия» в помощь строителям и священникам, приступающим к строительству церквей вслепую». Организовала Людмила Константиновна и литературно-музыкальный салон, встречи в нем привлекли большое количество людей. Позже стараниями Людмилы Константиновны и Павла Фаддеевича Дземешкевичей было восстановлено Дворянское собрание Омска, прошли первые встречи бывших харбинцев и научные конференции. И вот наконец в ноябре 1992 года состоялся I Всероссийский Дворянский съезд. В 1993–1994 годах состоялись первые съезды харбинцев в Москве, Петербурге, Новосибирске, Омске, а в 1998 году прошли международные научные конференции, посвященные 100-летию Харбина и КВЖД, в Москве и Хабаровске.

Всю свою душу вкладывала Людмила Константиновна в бурную и кипучую общественную деятельность по единению бывших эмигрантов, переписывалась с ними, помогала и словом и делом, писала статьи и выпускала книги о харбинцах, созданные по воспоминаниям корреспондентов. Обладая замечательной памятью, Людмила Константиновна навсегда запоминала все увиденное и услышанное, а письма харбинцев с воспоминаниями послужили хорошим материалом для ее книг, в которых она прослеживала трагические судьбы соотечественников, живших в эмиграции «с родиной в душе». Л.К. Дземешкевич ярко и образно передала воспоминания, свои собственные и членов семьи, о пребывании в Харбине, Дальнем, а потом на родине включила в свои книги.

Многие из бывших эмигранток, с которыми позже переписывалась Людмила Дземешкевич, рано потеряли своих родных, однако нашли кров в приютах. Одним из таких для многих стал Франко-русский конвент. Добрая приятельница Дземешкевич – Марианна Андреева (Зиберт), преподаватель МГУ, в своем отклике о жизни бывших воспитанниц конвента сестер-францисканок в Харбине (позже опубликованном в австралийской газете «Единение») вспоминала: «Не одна душа встрепенется, погрузившись в мир мучительных воспоминаний о ледяном доме нашего детства – франко-русском конвенте монашеского ордена Святого Франциска. В стенах этого неповторимого и непостижимого заведения исполняли первую заповедь Руссо – учили детей страдать! «Взгляни и мимо…», – учит Данте. Пройди мимо тех, кто, прожив жизнь, не сумел или не захотел впустить в свое сердце чужую боль, чужую драму. Пройди мимо равнодушных! Хотела и я последовать завету великого Учителя… Но встали предо мной образы маленьких конвенток-мучениц: Оли Приходько с надписью: «Я – осел», возвышающейся на ее головке как корона; Нины Белокопытовой, еле бредущей на своих больных ногах к учительскому столу под хоровое пение одноклассниц: «Выплывают расписные Стеньки Разина челны»… Вспомнить надругательства над маленькими девочками после пробуждения от сна, покрытыми мокрыми простынями, в которых они ходили целый день. Я не говорю о своих страданиях: их у меня за 6 лет пребывания в этом заведении, по сравнению с другими, было немного. Только один раз меня, 9-летнюю девочку, раздетую и босую, больную коклюшем, подняв с постели, на всю ночь поставили на холодный мраморный пол лестничной площадки, чтобы я своим кашлем не мешала монахиням спать… В моей памяти запечатлелись испуганные, страдающие глаза Милы Поргачевской, Иры Лукиной, Шуры Кротовой и еще многих-многих девочек. Каждая из них в одиночестве мужественно скрывала свою боль. Но боль эта, эти страшные воспоминания мучительным эхом отзываются в их душах всю жизнь…»

Людмила Дземешкевич тоже прошла через франко-русский конвент монашеского ордена Святого Франциска, и потому она решила создать свою школу дворянского воспитания. В этой организованной с помощью супруга Павла Фаддеевича Дземешкевича Дворянской школе Людмила Константиновна пыталась осуществить все то, о чем сообщалось на съезде дворян. К сожалению, не получив никакой поддержки от власть имущих, Людмила и Павел Дземешкевичи некоторое время содержали школу за свой счет, но потом оставили эту затею.

В фонде Л.К. Дземешкевич много воспоминаний о политических репрессиях, которые были уготованы большей части репатриантов. Многие харбинцы попали в жернова репрессий, особенно те, кто поехал в 1930-е годы, досталось горя и тем, кого вывезли после 1945 года в СССР. Таких было много. Одна из них – Лариса Панич-

Павел Фаддеевич и Людмила Константиновна Дземешкевичи. Омск. 1960

С сыном Олежиком. 1956

Встреча августейшей семьи Романовых в Омске. Великая княгиня Мария Владимировна с сыном Георгием и членами Омского Дворянского собрания устанавливают крест на месте разрушенной Пророко-Ильинской церкви в центре Омска. 1993

Павел Фаддеевич и Людмила Константиновна на Графской пристани у памятной доски эскадры барона Врангеля, покинувшей Севастополь в 1920 году.

Севастополь. 2009

Лариса Васильевна Паничкина

кина. Чтоб узнать истинные причины, из-за которых молодой девушке искалечили жизнь, пришлось обратиться к архивному фонду Бюро российских эмигрантов (БРЭМ) Государственного архива Хабаровского края, где и было найдено личное эмигрантское дело Ларисы Васильевны Паничкиной.

Родилась она в 1925 году в Харбине в семье комиссионера Василия Андреевича Паничкина, дворянина из Астрахани. Мать покинула мужа и ребенка, выехав в Германию. Мачеха Елена Евлампиевна вырастила Ларису с младенчества. В 1931–32 годах Лариса училась в гимназии Генерозовой, в 1933–36-м – в Высшем начальном училище, в 1937 году. – в Объединенной гимназии, в 1938–1939-м. – в гимназии Бюро, в 1940–1942-м – в гимназии Гинденбурга и колледже при Христианском союзе молодых людей (ХСМЛ). Лишь перед смертью ее дядя рассказал Ларисе о матери-немке, урожденной Таубе-Эндер. Лариса начала интересоваться всем немецким и интенсивно изучала немецкий язык, в 1940 году перешла из православного вероисповедания в лютеранское, чтоб когда-нибудь воссоединиться с матерью. В Харбине Лариса часто посещала германский клуб, поддерживала дружеские отношения с германским консулом и его женой, имела обширные знакомства в германской колонии. В планах девушки было после окончания войны продолжить обучение в Германии, где проживала ее мать, которую Лариса даже не помнила. Конечно же, все это полностью перечеркнуло жизнь молодой девушки, ее арестовали только за то, что она любила свою мать и хотела быть к ней ближе.

В воспоминаниях Лоры Паничкиной, прошедшей ад лагерей, присланных в 1991 году Л.К. Дземешкевич, недоумение и страх: «Я безумно рада была получить письмо! Что кто-то меня ищет… Я «потерялась» совсем и не думала, что кто-то когда-то будет обо мне вспоминать! Мне 66 лет. Много хворостей, на которые я не обращаю внимания, но вот зрение… Кроме того, чувство, что я «затухаю», умираю медленно и верно, хотя изо всех сил, не потеряв себя в горькие годы, пытаюсь держаться «на плаву». Должна тебя предупредить (возможно, ты не захочешь переписываться или далее искать меня) – я в колымских лагерях просидела 8 лет, реабилитирована. Многие боялись иметь дело со мной. Я их не осуждаю за то, что они боялись – такое было время, и я думаю, что оно не прошло и еще будет. Так что будь осторожна!.. Не знаю, получу ли от тебя ответ. Пойми, что не обижусь, как не обижусь и на многое другое… Я благодарна, что ты нашла и вспомнила (такого у меня еще не было!) Ну а далее – решай сама, подумай и не рискуй, я все понимаю...

…В Бутугычаге жили без воды (зимой «таяли» снег, летом – лед с аммонитом из шахт добывали!) и хлеба… Бутугычаг был ад, как и Вакханка в мое время. После 1952 года было намного легче… Урановые штольни, шахты, «анаконды» (вагонетка с породой типа «анаконда»)… и гибли, гибли и калечились… Знаешь, в жизни бывают удивительные совпадения, когда и не ждешь… Так в мое время начальником лагеря был капитан Малеев, который был в Дальнем (ныне Далянь) Он увидел, что я из Дальнего, разговаривал со мной… Надо сказать, что это был не жестокий человек, может, благодаря ему мы както выжили, хотя он был недолгое время… Там, где я была, не было уголовников, в этом болшое преимущество с одной стороны, но с другой – их «перевоспитывали», а нас уничтожали… До сих пор слово «харбинец» не очень-то в почете. Все что-то скрывали, вечный страх – это чувство заменяет здесь все: и совесть, и порядочность, и честь… А ведь юность была у нас милая...»

Л.К. Дземешкевич удалось собрать письма с воспоминаниями дочери харбинской поэтессы Лидии Хаиндровой – Татьяны Серебровой. Достойна восхищения щедрость, с которой она делится фактами из жизни матери, а также труд, ведь стихи и переписка известных поэтов Валерия Перелешина, Николая Петереца, поэтессы Лариссы Андерсен и многих других скопированы от руки.

Из писем поэтессы Л. Андерссен из Иссанжо (Франция) 1973–1976 гг.: «Так Вы, значит, снова возвращаетесь в литературу. Буду рада, если примете несколько стихотворений. Я не писала эти годы совершенно, если не считать случайных и совершенно не отделанных стихотворений. Почему? Я не знаю. Я думаю, потому, что выбилась из колеи, потому что вокруг не было не только людей, кто этим бы интересовался, а вообще – русских. Может быть, настоящий поэт писал бы даже на необитаемом острове, не мог бы не писать. Но я болею жадностью ко всему и разбрасываюсь…»

В 2001 году Л.К. Дземешкевич завершила свою общественную деятельность выставкой «Россия без России», после чего все материалы с маньчжурской эпопеей в книгах, фотографиях и документах отправились в место своего последнего пребывания – Государственный архив Хабаровского края. Людмила Константиновна собрала и передала подлинные и копийные документы эмигрантов – бывших харбинцев, дайренцев, тяньцзинцев, присланные ей из США, Австралии, Австрии и разных городов России, понимая их историческую значимость. Все эти документы вошли в семейный фонд Дземешкевичей.

«И теперь, всего уже повидав в двух великих государствах и все оставив позади, думаю я, что среди всеобщего человеческого мученичества, особенно у русских, перевешивающего над светлыми минутами – все же настоящими мучениками и подвижниками были те русские, которые оставались здесь, в России, нищие и бесправные на своей земле гораздо более, чем были мы там, ни в чем не виноватые, даже Бога лишенные, оболганные и уничтоженные как нация», – написала Людмила Константиновна в своей автобиографии.

Фонд Л.К. Дземешкевич продолжает пополняться и после ее смерти. Недавно ее муж Павел Дземешкевич прислал еще часть документов, среди которых очень много личных фотографий этой замечательной четы, и недавно изданную родословную. В письме П.Ф. Дземешкевич написал: «До последних дней Л.К. вместе со мной занималась составлением автобиографической хроники нашей жизни и родственников «Судьба четырех поколений одной семьи», успела откорректировать и отредактировать большую часть рукописи, остальную закончил я. Книга будет служить памятником незабвенной Людмиле Константиновне».

Фото из фондов Государственного архива Хабаровского края

Размышления исследователя

Олег КОЛЕСНИКОВ

Одно из важнейших качеств человеческой души есть способность забывать все недоброе, оставляя его далеко позади, на самых задворках памяти. Часто приходится слышать: зачем ворошить прошлое, тем более такое страшное, как сталинский ГУЛАГ. Ну а если сам живешь рядом с историческим местом массовых репрессий, или, того хуже, были репрессированы твои родные, близкие и дальние? Память бередит душу, отзывается набатом в сердце, не дает покоя, пока не ляжет строчками на чистый лист бумаги.

Впервые столкнуться с отголосками тоталитарного прошлого мне довелось во время работы в Международном фонде экстренной помощи и поддержки граждан. Однажды к нам за помощью обратился пожилой человек, еврей с русской фамилией. Ребенком на Украине он попал в оккупацию, семью разметало, а его спасли совсем чужие люди. Потом и его закрутило: плен, побег, детский дом… Связи были потеряны, а вместе с ними и надежды кого-либо отыскать. Но в конце жизни ему захотелось еще раз попытаться найти своих спасителей. Про собственную семью он даже и не вспоминал, найти родных не надеялся, думая, что все они погибли. Мне же удалось их разыскать: и тех, кто его спас (позднее они получили от правительства Израиля почетное звание праведников мира), и многочисленных родственников пожилого человека.

Так мне удалось открыть в себе способности исследователя, пропустив через сердце судьбу, перемолотую жерновами тоталитаризма. И следом пришла мысль: зачем ходить по следам чужих «холокостов», когда у нас, на Дальнем Востоке, был свой. Мы живем в ссыльном крае, в крае тюрем и лагерей, в месте неописуемого страдания и смерти тысяч и тысяч узников. Даже окна моего дома выходят на то самое место, где некогда была пересыльная тюрьма НКВД.

И зародилась в сердце страсть, захотелось узнать как можно больше о пересыльной тюрьме, которая находилась рядом с тем местом, где я ныне живу. Принялся изучать литературу, но ничего кроме нескольких страниц в документальной повести хабаровского писателя Георгия Кузьмина «Враженята» о пересылке найти не удалось. К счастью, тогда, в начале 2000-х, уже появился и начал активно вторгаться в нашу повседневность интернет. Во Всемирной паутине удается находить те крохи информации, с которых начинаются различные направления поиска, а в дальнейшем они продолжаются а архивах.

Первые результаты моих исследований – информация о Хабаровской пересыльной тюрьме НКВД – уже были опубликованы в «Словеснице искусств» (№ 29 (2), 2012). Все это время поиски продолжались, и теперь пришло время поделиться новыми находками.

Итак, на заре советской эпохи перед новым правительством встали две важнейшие задачи. Первая – укрепить свою власть, подавляя инакомыслие (поскольку власть в стране в 1917 году перешла в руки большевиков нелегитимно, в результате вооруженного переворота, то такая постановка вопроса была актуальна для архитекторов советского строя во все дни его существования). Вторая задача – восстановить из разрухи и модернизировать экономику страны. Для этого требовались материальные ресурсы и множество хорошо управляемых работников. Обе эти задачи решались одновременно.

В книге «Архипелаг ГУЛАГ» Александр Солженицын, чье 95-летие отмечается в 2013 году, рассказывает о том, как советская власть занималась решением двух этих грандиозных государственных задач. Создав органы тайной полиции ВЧК-ОГПУ, которые позже стали называться органами НКВД, власти поставили им задачу сеять в обществе страх и подавлять всякое желание к сопротивлению. Выполняя эту задачу, органы приступили к фабрикации судебных дел и вымышленных обвинений на тех граждан, которые по малейшему поводу попадали в поле их внимания. Тогда же и возникла горькая шутка: «Был бы человек, а статья для обвинения найдется». Статья, конечно, в Уголовном кодексе нашлась – знаменитая 58-я.

Своей задачей власть видела развитие отдаленных районов страны. В 1929 году правительство принимает решение создать в отдаленных районах для их «колонизации… и эксплуатации природных богатств» сеть исправительно-трудовых лагерей. Все лица, приговоренные к лишению свободы на срок свыше трех лет, должны были направляться туда.

На территории Дальневосточного края в 1929–1930 годах был создан лагерь особого назначения – Дальлаг ОГПУ-НКВД. Были образованы первые отделения в Хабаровске, в том числе и пересыльный лагерный пункт на историческом месте в районе, где ныне расположен Хабаровский государственный институт искусств и культуры. Таким образом, с начала 1930-х годов репрессивная система ГУЛАГА в нашей стране начала набирать обороты…

Представьте: к вам приходят ночью вооруженные люди в шинелях, арестовывают и увозят в черном «воронке» только за то, что вы инженер или военный офицер, или один из руководителей организации, предприятия. Или студент вуза, или преподаватель, или просто один из приятелей тех, кого уже взяли, или на вас поступил анонимный донос. Вы попадаете в подвалы НКВД, и оттуда на свободу выйти уже почти нереально. Изнурительные допросы, угрозы о расправе с семьей... В итоге заставляют подписать на самого себя фантастически лживые обвинения в предательстве, саботаже, терроризме, диверсиях. Затем скорый неправый суд, ожидание в следственном изоляторе, а потом – спецвагоны и пересылки, одна из которых – у нас, в Хабаровске.

Так попал в сталинские лагеря герой книги «Враженята» – родной отец хабаровского писателя Георгия Кузьмина Григорий Петрович Кузьмин. Вот как описывает он в книге свою последнюю встречу с отцом (он был тогда двенадцатилетним подростком).

«В то утро мы с мамой добрались до пересылки рано. Солнце еще держалось за холодным маревом; над заснеженным простором стоял белесый туман. Было холодно. Неподалеку от частокола зоны стояли, закутавшись в шали, женщины с детьми. Мы подошли к ним… Толпа вдруг замерла: разверзлись тяжелые створки ворот, и от барака, стоявшего в глубине зоны, сюда, к выходу, направилась колонна заключенных. Несколько военных подскочили к нам и оттеснили от дороги в сторону.

Колонна приближалась. Обросшие, согбенные, в темных бушлатах арестантского покроя, серых матерчатых шапках люди тяжело передвигали ноги, шаркая подошвами. Увидев нас, они подняли головы, стали вглядываться: местные, видно, не теряли надежды встретить родных, знакомых. Вдруг мальчишеский голос пронзил тишину:

– Папа! Папочка!

Оторвавшись от этого парнишки, женщина кинулась к колонне, крича:

– Коля! Коля! Куда вас?

– Назад! – крикнул конвоир и выставил винтовку.

– Митя! Митя! Слышишь? – сорвалась с места пожилая женщина, увидев сына. Но ее не пускали к нему, и она плакала и взывала: – Господи, что же это такое! Митя, миленький мой! Господи!

Все вокруг наполнилось воплями, криками, душераздирающими голосами…

Вот мы увидели отца. Он шел почти в самом конце колонны. Мама кинулась:

– Гриша! Гриша!

– Нельзя! Назад! – загородил дорогу стрелок.

Отец порывисто повернулся, замедлил шаг.

– Куда вас, Гриша? – снова крикнула мама.

Он смотрел на нас и что-то говорил, но ответ его тонул в шуме других голосов.

А я…

Я глядел на отца, так непохожего на себя – обросшего, худого. Горло перехватила сухота, я не мог ничего произнести. Но вот закричал:

– Папа! Папочка! – и слезы застилали глаза.

Сквозь мутную пелену я видел, как он помахал рукой.

А толпа кричала. Называя дорогие имена, спрашивала, возмущалась, что ничего не слышно. Только вопли, стоны, рыдания.

Колонна удалялась, мы двигались за ней, не глядя под ноги, а глядя вперед, на бредущих вдоль по склону людей, приблизиться к которым, чтобы рассмотреть дорогое лицо, конвоиры не давали. Вдогонку летели полные скорби и горести слова:

– Прощайте, родные! Да спаси вас Господь!.

И так было жутко и страшно видеть все это, леденело от горя мое сердце».

Давайте и мы мысленно пройдем по тому скорбному пути, той дорогой, по которой уводили заключенных с хабаровской пересылки – вдоль по нынешнему 3-му Путевому переулку. Вскоре прямо перед нами откроются характерные для железной дороги сооружения: железнодорожный светофор на переезде, козловые краны для погрузки контейнеров. Сегодня здесь размещаются контейнерная площадка и склад временного хранения грузов Дальневосточного филиала «Российских железных дорог». Но в 1930–1940-е годы на этом месте существовали военные платформы. С этих платформ в том числе производилась погрузка и выгрузка эшелонов с заключенными ГУЛАГа – так называемые «этапы». Отсюда и ушел в свой последний путь отец Георгия Кузьмина вместе со многими сотнями и тысячами других узников.

Хабаровский пересыльный лагерный пункт и другие известные пересылки ГУЛАГа – владивостокская, находкинская, ванинская и прочие – были, по сути, «залами ожидания тюремных вокзалов». На них формировались группы заключенных для последующей пересылки – этапирования – в отдаленные трудовые лагеря. Это, прежде всего, печально знаменитые магаданские, колымские лагеря и даже лагеря на Чукотке, куда заключенных доставляли по морю. По самым скромным подсчетам за период с 1932 по 1954 год в дальневосточные лагеря было отправлено более 800 тысяч человек – и мужчин, и женщин. Там в тяжелейших условиях они были заняты на горных работах по добыче золота и руд цветных металлов, а также на лесоповале и строительстве. Поистине это были лагеря смерти, немногие выжили в них.

Зимой, когда заканчивалась морская навигация, прибывающих заключенных направляли в другие многочисленные лагеря Дальневосточного края. Подневольным трудом узников ГУЛАГа, порою ценой их жизни, в нашем регионе построены железные и автомобильные дороги, жилье, промышленные здания и сооружения.

Невозможно перечислить по именам всех жертв тоталитарного режима, назвать все места, где приняли они свою горькую участь. Но пересылка в Хабаровске стала перекрестком, где пересеклись многие трагические судьбы. Чтобы сберечь память о них, возле института культуры установлен памятный знак. Он представляет собой два как бы разорванных посередине каменных монолита, соединенных тюремной решеткой и мемориальной плитой с надписью на ней. Памятник олицетворяет собой моральные и физические страдания, выпавшие на долю репрессированных. Он выражает нашу скорбь по безрассудно загубленным многим тысячам человеческих жизней, навсегда канувшим в гулаговском аду.

Впервые в 1990-е годы с предложением установить памятник или памятный знак на месте бывшей пересыльной тюрьмы выступил журналист Александр Сутурин, автор книги «Дело краевого масштаба» о репрессиях в Хабаровском крае. Его идею поначалу не поддержали, поскольку через эту пересыльную тюрьму проходили не только политические заключенные, но и уголовники.

Вновь этот вопрос поднял все тот же Георгий Кузьмин, который входил тогда в состав правления краевого общественного движения «Мемориал». Был объявлен конкурс на проект памятного знака. В те годы в клубе завода имени Орджоникидзе художником работал Родион Орлов. С ним был хорошо знаком Валентин Дмитриевич Куликов, первый председатель хабаровского «Мемориала». Куликов обратился к художнику за помощью, и тот сделал 14 эскизов с различными вариантами будущего памятника. После обсуждения в «Мемориале» и согласования с городскими властями Хабаровск получил памятный знак именно в том виде, в котором он установлен на своем месте. Открытие памятника состоялось летом 1996 года.

Георгий Кузьмин говорил: «Нет, не должны наши дети, внуки, правнуки забыть это место, откуда ушли на мучения и смерть тысячи невинных людей…» Очень хочется надеяться, что тема сталинских репрессий еще будет находить своих исследователей, биографов и историков как в нынешнем, так и в каждом последующем поколении россиян.

Илья Лиханов. Полдень
Холст, масло

Литература

ОХОТНИЧЬИ ТРОПЫ Сергея Кучеренко

Любовь КРИВЧЕНКО

Сергей Петрович Кучеренко (1927–2009) – охотовед-биолог, кандидат биологических наук, член Союза писателей СССР, действительный член Географического общества СССР, заслуженный работник культуры, участник Великой Отечественной войны. Его имя можно поставить в один ряд с замечательными писателями, удачно сочетавшими дар художника слова с даром ученого, начиная от В.К. Арсеньева и М.И. Янковского, заканчивая В.П. Сысоевым.

Родился Сергей Петрович 12 октября 1927 года в селе Нижняя Полтавка Амурской области в семье крестьян-переселенцев, приехавших с Украины в Приамурье в середине XIX века. Его отец Петр Емельянович, хлебороб, в годы Гражданской войны был начальником разведки партизанского отряда, участвовал в штурме и взятии Волочаевской сопки. Здесь же погиб брат отца Илларион. Будучи тяжело раненным, он лег на проволочное заграждение, чтоб по его телу бойцы могли преодолеть колючую проволоку.

Семья Кучеренко была большая, жила в достатке, но для этого приходилось с утра до ночи трудиться. Именно трудолюбие сослужило им медвежью услугу.

«В 1931 году отца судили за «богатую» жизнь, однако партизанское прошлое и неиспользование батраков привели только к высылке отца на Сахалин. Имущество «богатеев» конфисковали. Через два года отец вернулся, хозяйство встало на ноги и обзавелось техникой, но в колхоз отказались вступить. Комитет сельской бедноты постановил раскулачить родителей. Спаслись ночью под дождем бегством на восток, бросив все хозяйство на произвол судьбы. В начале 1930-х годов семья перебралась в ЕАО. Прибыли под видом переселенцев в Николаевку, где начали жизнь с нуля, не имея ничего, кроме рабочих рук».

К 1941 году у С.П. Кучеренко кроме двух братьев было уже шесть сестер. В 1943 году после смерти отца все заботы легли на плечи 15-летнего парнишки, потому что один старший брат был на фронте, другой осужден. Кто знает, выжили бы шестеро малолетних сестер и мать, если б не их кормилец Сергей, рыбачивший и охотившийся (с 6 лет он рыбачил с отцом, а в 12 уже взял в руки ружье). Школу посещал нерегулярно, работая, чтобы прокормить семью, и помогая матери. Учился урывками, но все же десятилетку закончил успешно. В тайне надеялся поступить на биофак университета, но перспектива морских дальних походов взяла верх. Взвесив, что находиться на государственном обеспечении лучше, чем студентом жить на мизерную стипендию, С.П. Кучеренко выбрал море.

Тихоокеанское высшее военно-морское училище в период с 9 августа по 3 сентября 1945 года выполняло свои задачи в пределах зоны действующего Тихоокеанского флота. С 1949 года, после окончания Тихоокеанского высшего военно-морского училища во Владивостоке, Кучеренко служил в дивизии торпедных катеров, про-

шел путь от командира катера до помощника начальника штаба бригады кораблей.

Из служебной характеристики: «…В море спокоен и уверен, хорошо ориентируется в сложной обстановке… Корабли, которыми командовал Кучеренко, всегда находились в образцовом состоянии, за все время службы не имеет ни одного случая касания грунта, навигационной и командирской аварии… Среди вверенного ему личного состава умеет поддерживать строгую воинскую дисциплину и порядок, пользуется авторитетом среди сослуживцев… Умеет твердо отстаивать свои суждения, честен и правдив, события и факты жизни оценивает трезво. Нетерпим к случаям пьянства среди подчиненных и сослуживцев… выносли, морально устойчив… Родине предан.

Подпись командира, капитана 3-го ранга Пискунова.»

Ему прочили блестящее будущее, однако медкомиссия признала капитана 3-го ранга негодным к службе в плавсоставе из-за остроты зрения. «Птица с подрезанными крыльями», – горько шутил на этот счет Сергей Петрович. Морская эпопея закончилась. Прослужив 15 лет на флоте, Сергей Петрович вернулся в родные места. В одну из прогулок по вершинам сопок, глядя с высоты на безбрежную амурскую тайгу, он понял, что от судьбы не уйти. Ведь он мечтал в детстве о профессии биолога. Позднее Кучеренко писал: «…я был сыном заядлого охотника, поэтому тянуло к рыболовным снастям и ружью, к голубым озерам и лесу. Звери, птицы, рыбы были для меня полны загадок… завораживали зори и небо, цветы и деревья, грибы и ягоды…»

В 33 года Сергей Петрович решил круто изменить жизнь и начать все заново. После увольнения с флота в 1962 году поступил на заочное отделение факультета охотоведения Иркутского сельхозинститута, работая инструктором Крайрыболовобщества, охотоведом, лаборантом Большехехцирского заповедника. Окончив институт с отличием, получил профессию охотоведа-биолога и плодотворно сочетал практическую работу с научными поисками: в экспедиционных исследованиях уссурийской тайги он собрал и обработал много материалов о жизни зверей, птиц и рыб Амуро-Уссурийского края. По вечерам у костра или в лесной избушке С.П. вел дневниковые записи, в которых отражал все, что было для него интересно – от целесообразности организации охотничье-промысловых хозяйств до повадок диких животных. Работая руководителем (начальником) партии Восточно-Сибирской охотоустроительной экспедиции, он совершил много интересных таежных путешествий и исследований, «познал мир диких животных, незабываемых охот и рыбалок».

В 1965 году С.П. Кучеренко опубликовал свою первую научную статью в сборнике Хабаровского географического общества СССР. Она стала началом его научной работы.

Даже в Москве знали о нем по его удивительным публикациям. Диссертацию по теме «Хищные млекопитающие Сихотэ-Алиня» он защитил в 1970 году без научного руководителя, как говаривал сам, «принес в рюкзаке». Его труд был высоко оценен главным охотоведом Восточно-Сибирской экспедиции Всеволодом Юрьевичем

Миленушкиным: «Материалы Кучеренко можно смело использовать в готовом виде. Все в ней безупречно точно, четко, аргументированно. Для государства это выливается в значительную экономию труда и резкое снижение себестоимости устройства охотничье-промысловых хозяйств».

А вот как рецензирует диссертацию оппонент С.П. Кучеренко кандидат наук Г.И. Сухомиров: «Работа Кучеренко – это своеобразная энциклопедия по биологическим основам ведения охотничьего хозяйства на Сихотэ-Алине, многие ее положения уже претворяются в жизнь, но еще большая их часть, несомненно, будет использована на производстве, что даст большой экономический эффект. Данные диссертанта по распространению и численности животных имеют очень большую ценность сейчас, но для будущих поколений они будут бесценны…»

С.П. Кучеренко составил карту охотничьих угодий Сихотэ-Алиня. Это первый документ подобного рода не только на Дальнем Востоке, но и в стране, на котором обозначены границы распространения популяций различных животных региона. Без особого труда можно определить количество их в данный момент на территории любого охотничьего хозяйства. Результат работы глубоко осмыслен и систематизирован. Об этом говорит такой факт. В 1968 году он выступил перед коллективом ученых с сообщением о численности амуро-уссурийского тигра. При-

С.П. Кучеренко в форме морского офицера. 1957

Сергей Петрович с женой Галиной Анатольевной у себя дома. 2000

сутствовавшие посчитали, что число зверей сильно завышено в докладе. Однако организованная в 1969 году двухгодичная экспедиция по учету хищников в Приморском и Хабаровском краях получила цифры, полностью совпадающие с названными Кучеренко еще в докладе в 1968 году.

В 1971 году С.П. Кучеренко перешел на научную работу в Дальневосточное отделение ВНИИ охотничьего хозяйства и звероводства, где трудился в качестве заведующего до выхода на пенсию в 1987 году. С.П. Кучеренко стал видным дальневосточным ученым. За 16 лет научной работы написал около 90 научных статей, до 150 научно-популярных работ: «Волки в тайге Приамурья», «Охранные и организационные мероприятия по сохранению охотничьих животных южной части Дальнего Востока», «Экспедиционный метод охотустройства», «О резком падении численности американской норки на реках Сихотэ-Алиня», «Плотность и численность популяции амурского тигра», «Енотовидная собака Приморья и Нижнего Приамурья», «Хозяйственная деятельность человека и охотничья фауна Амуро-Уссурийского края», «Промысловые млекопитающие бассейна р. Хор». Мало кто успешнее его выяснял современное состояние популяций редких и исчезающих млекопитающих Приморья и Приамурья. Никто, пожалуй, активнее его не разрабатывал основополагающие рекомендации охотничьему хозяйству региона по использованию промысловой фауны. С.П. Кучеренко печатался как в научных журналах, так и в научно-популярных, таких как «Природа», «Охота и охотничье хозяйство», «Зоологический журнал», «Дальний Восток», «Наш современник», «Литературная Россия», «Юный натуралист», активно популяризируя научные знания о братьях наших меньших.

После защиты диссертации С.П. Кучеренко решил, что если добавить все то, что остается за рамками научного труда: охотничьи будни, удивительные истории, собственные впечатления из дневниковых записей, то получится отличная книга. И не ошибся, считая, что быть просто ученым недостаточно, необходимо популяризировать свои изыскания. Так охотовед-биолог С.П. Кучеренко стал писателем. Он рассказывал о таежных походах, о зверях, птицах, рыбах, охране и рациональном использовании природы. Оттачивая мастерство в газетных и журнальных публикациях, Кучеренко выпустил в 1973 году первую книгу «Звери у себя дома», которая была переиздана через семь лет.

Из газеты «Биробиджанская звезда» от 6 января 1974 года: «Книга эта – итог многолетних исследований автора, его длительных путешествий по родному краю, бесед с бывалыми таежниками-следопытами. Поэтому-то она и изобилует интересными фактами, показывающими, насколько многообразна жизнь зверей у себя дома, в своей родной стихии. Автор рассказывает о привычках и повадках лесных обитателей, местах их расселения и способах добычи пищи, о значении животных в природе и в народном хозяйстве… Книга проникнута заботой об обитателях дальневосточной тайги, о бережном, разумном отношении к ним. …Автор вскрывает причины, неблагоприятно воздействующие на жизнь зверей. ...Ученый-охотовед предлагает внедрение научных основ ведения охотничьего хозяйства, привлекая внимание широких масс трудящихся… Сохранить и приумножить богатства дальневосточной тайги – такова основная мысль этой интересной и полезной книги».

В 1975 году вышел сборник путевых очерков С.П. Кучеренко «В снегах Сихотэ-Алиня», а в 1978 году автор удостоен премии журнала «Смена» за 1977 год за очерк «На тигриной тропе» в компании с именитыми писателями Л. Успенским, Ю. Семеновым, Ю. Нагибиным, Л. Жуховицким. В 1981 году напечатана его художественная книга «Зов Сихотэ-Алиня». Произведением «страстным, умным и тревожным» назвал ее известный писатель Павел Халов. Сам же Сергей Петрович о своем творчестве говорил так: «Я старался писать только о том, что было и есть, что знаю, видел и достоверно слышал и как все это осмысливал, воспринимал, оценивал».

В Союз писателей Сергей Петрович был принят в 1983 году.

Из рекомендации Павла Васильевича Халова: «Я знаю этого человека по книгам, публикациям и лично уже около 10 лет. Богатейший жизненный опыт, художественный дар, умение видеть человека и природу особыми глазами, владение языком, страстная убежденность и любовь к родной земле, честность делают его книги необходимыми… Я настоятельно рекомендую С.П. Кучеренко в члены СП СССР».

В 1986 в свет вышла книга «Лесные знакомства». Спустя два года Хабаровское книжное издательство выпустило книгу «Рыбы у себя дома». В книге автор, страстный рыбак, попытался не только рассказать немало интересного, порой неожиданного о привычных нам: карасях, ротанах, красноперках, чебаках и других видах рыб Амура, но и постарался поднять многие насущные проблемы рационального пользования природой. А ведь Кучеренко не был ихтиологом, просто он знал этот предмет как опытный рыбак с малых лет. Засел за фолианты и научные статьи из ихтиологических журналов, общался с учеными Амурского отделения ТИНРО, и в итоге книга получилась научно достоверной, информативной и очень увлекательной. Ее массовый тираж разошелся в считаные дни. Интересной она стала и для академика, и для обычного рыбака, ибо в ней воедино собраны научные сведения и художественные сюжеты, короткие очерки и увлекательные новеллы.

Известный российский писатель Виктор Астафьев в письме к Кучеренко восторженно отозвался об этой книге: «…читаю Вашу книгу о рыбах Амура и словно по глоточку оживляющего кислорода ловлю после духоты всех этих бесчисленных писаний о культе, разных преступниках, наркоманах, проститутках, мафиози, мародерах… Ведь и я мог про зверюшек и рыб писать, но занесло дурака в дебри жизни нашей, забросил всю зимнюю рыбалку… Словом, спасибо Вам за этакую радость чтения хорошо написанной, интересной книги».

В 1987 году С.П. Кучеренко начал свою сугубо писательскую жизнь. Главной темой его книг стали человек и природа. В 1991 году вышла в свет книга «Сын тайги». Позднее – «Одиночество вепря», отмеченная в 1996 году премией администрации Хабаровского края в области литературы и искусства. Всего же за 18 лет (с 1973-го по 1991-й) С.П. Кучеренко написал 18 научно-популярных, научно-художественных и художественных книг, из которых 13 опубликованы, а остальные готовились к изданию. В 1990-е годы он продолжал трудиться на ниве популяризации фауны Дальнего Востока. Во многих журналах публиковались его рассказы и очерки, выступал он и на краевом радио.

Никогда не забывая о науке, Кучеренко составил кадастр охотничьих животных Хабаровского края в 1986 году. В нем основное внимание уделил видам, имеющим первостепенное значение в охотничьем хозяйстве: соболю, белке, колонку, норке, лисице и т.д. В кадастре описано хозяйственное значение, использование зверя, заготовки шкурок, характеристика угодий для вида, ареал и численность, эколого-морфологическая характеристика, воспроизводственный потенциал, оценка и рекомендации по рациональному использованию.

В 1986 году С.П. Кучеренко был награжден дипломом им. Невельского за особые заслуги в развитии географической науки Приамурья и литературную деятельность. А годом раньше Сергей Петрович написал письма главе администрации Хабаровского края В.И. Ишаеву и ответственному секретарю Хабаровской писательской организации М.Ф. Асламову о том, что произведения, которые воспитывали бы в людях любовь к окружающему миру, невозможно напечатать. У Кучеренко болела душа за все происходящее в стране – за печатный беспредел и безобразное книгоиздательское дело. В знак протеста, сообщив об этих действиях руководству края и писательской организации, он решил сжечь свои неопубликованные рукописи, чтоб его услышали власть имущие.

Сергей Петрович писал: «Кому теперь дело до воспитания в детях ЧЕЛОВЕКА, понимающего красоту природы и невозможность жизни без нее даже просто в чисто физиологическом плане. Уместно будет заметить, что в нашей стране теперь ребенка, как правило, не воспитывают, его просто выращивают – почти как поросенка. И редко какие родители понимают, что воспитать малыша куда важнее, чем выучить в школе. И не потому ли теперь входит в силу поколение сверхэгоистичных и беспощадных, признающих лишь собственные интересы… Для которых природа – источник обогащения да примитивных удовольствий».

В честь 75-летия Хабаровского радио в 2002 году С.П. Кучеренко получил благодарственное письмо от генерального директора В.В. Шведченко и коллектива за труд и талант, вложенные в хабаровские радиопрограммы, в которых он принимал наравне с журналистами, режиссерами, звукооператорами самое активное участие. Указом президента РФ В. Путина от 1 октября 2005 года за заслуги в области культуры и многолетнюю плодотворную работу С.П. Кучеренко присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры РФ».

Фото из Государственного архива Хабаровского края

В архивном фонде С.П. Кучеренко есть научно-художественные книги, которые ждут своего издателя: «В мире дальневосточных зверей» (написана в 2004 году). Описаны повадки и психология зверей: тигра (называет его царем зверей, т.к. тот «так уделает льва в поединке, что лев, если и останется живым, позорно уползает прочь, забыв о своем троне и спесивости». Главные конкуренты для тигра – бурый медведь и человек.), леопарда (красивый, гордый и отважный посланец тьмы), медведя (его он называет аристократом тайги).

«Птицы у себя дома» – написана в 2002 году. Характеристики птиц, художественные рассказы о них.

Встречи

В Переделкино, к Анастасии Цветаевой

Александр РЕУТОВ

Анастасия Ивановна Цветаева

30 октября 1999 года я стал участником митинга на Лубянской площади в Москве. Он был организован Всероссийским обществом «Мемориал» ко Дню памяти жертв политических репрессий. На площади, у мемориального камня, доставленного сюда из Соловков, горели свечи, лежали ветки боярки, рябины. На импровизированную трибуну-грузовик выпуска 1930-х годов поднимались бывшие узники ГУЛАГа, со слезами на глазах говорили о прошлом, читали стихи о Колыме и Воркуте, Магадане и Чукотке, Ванинском пересыльном лагере и тысячах других мест, куда их увозили в переполненных вагонах и трюмах пароходов.

Вернувшись в Амурск, я еще долго оставался под впечатлением этого митинга и вспомнил рассказы старожилов села Вознесенского о том, что на острове Голбон долгие годы находился женский лагерь для заключенных, так называемая «огородная команда», которая выращивала овощи для начальствующего состава Амурлага. Я записал воспоминания об этом лагере бывшего охранника, жителя села Вознесенского И.П. Зыбарева. По его рассказам, на острове Голбон стояли несколько бараков и хозяйственные постройки, но в конце 1950-х по чьему-то распоряжению они были сожжены.

Когда я сам впервые приехал на остров, это было уже совершенно заброшенное место, поросшее травой и тальником. В то время я уже знал, что среди узниц «огородной команды» была Анастасия Ивановна Цветаева. Десять лет своей жизни она провела в женской зоне Амурлага.

Камень на острове

В последние дни марта, когда снег начал по-настоящему таять, мной овладело сомнение. Неужели мне не помогут, как обещали, не забросят на остров Листвянка два камня и плиту, из которых в итоге будет составлен памятный знак труженицам Амурлага? Объем этих форматов из гранита равен 13 тоннам, а между тем уже ввели запрет на ледовую переправу через Амур…

Идея поставить памятный камень на острове витала в воздухе. Хотя были и те, кто мало понимал, зачем и кому это нужно. Я решил взяться за перевозку камня из Тейсинского карьера, где работало общество камнетесов «Амуркамень». Мне предоставили МАЗ и шофера, правда, у камнетесов работал только трехтонный кран, и погрузить большой камень было нечем. Пришлось взять два меньшего размера. Впрочем, на Лубянке в Москве стоит совсем небольшой камень. Он такой полосатый, как вылинявшая тельняшка моряка.

Два камня из карьера привезли в Амурск, я начал их чистить от черноты и грязи, потом вырубил на их поверхности текст. Пробурил отверстия перфоратором, который мне подарили уральские шахтеры, работавшие в нашем городе на прокладке подземных коммуникаций целлюлозно-картонного комбината. Отверстия в камне нужны, чтобы в них свистел ветер – музыка времени. Мне взялась помочь инженер Лидия Ивановна Хохлова и распорядилась прислать на два часа компрессор. Пробурил шпуры для соединения камней, и на этом моя работа закончилась.

На камне я вырубил имя Анастасии Цветаевой – русской писательницы, человека удивительной судьбы. Правда, установили его не на Голбоне, а на острове Крохалева, но зато его хорошо видно проплывающим по Амуру на теплоходах и лодках. Теперь каждую осень у камня-монумента проходит «цветаевский костер», куда приходят

Анастасия и Марина Цветаевы. 1905

Анастасия Цветаева

люди, читают стихи. Такие костры проходят в Елабуге (Республика Татарстан), Тарусе, Владимире, Санкт-Петербурге. Хорошо, что в этом списке дальневосточный город Амурск.

Встречи в Переделкино

Мне посчастливилось встречаться с Анастасией Ивановной Цветаевой. Трижды я приезжал к ней в Переделкино, в Дом творчества писателей, и в последний раз, 12 ноября 1992 года, – на Большую Спасскую, где находилась ее однокомнатная квартира.

Когда я впервые задумал разыскать Цветаеву, обратился в Пушкинский музей, основанный еще до революции профессором Иваном Владимировичем Цветаевым. Мне объяснили, как добраться до Переделкино, и рассказали, что Анастасия Ивановна всегда принимает приезжающих к ней гостей.

Первым, кого я встретил в Переделкино, оказался иеромонах Агофангел. Я спросил у него, где находится Дом писателей, и он повел меня по проселку. Когда проходили мимо кладбища, священник показал на три сосны и сказал, что там похоронены Корней Чуковский, Борис Пастернак, Арсений Тарковский…

Дом писателей оказался двухэтажным, белым, с колоннами и шарами при входе. Анастасия Ивановна жила в одной комнате с Евгенией Филипповной Куниной. Я постучался и попросил разрешения войти. Евгения Филипповна пригласила меня и пояснила:

– Ася скоро должна прийти. Она сегодня нарядная, ее снимают…

Оказалось, что к Анастасии Ивановне в тот день приехали телевизионщики, она рассказывала им о поэте Максимилиане Волошине, с которым дружила в юности.

А Евгения Филипповна продолжала:

– Мы дружим уже двадцать лет, Ася каждое лето приглашает меня к себе. Я давно уже ничего не пишу, потому что у меня потухло зрение, а Ася работает, пишет почти каждый день. Встречает людей из самых разных мест – с Волги и даже с Камчатки…

Потом я узнал, что Евгения Филипповна Кунина была ученицей Валерия Брюсова, переводила итальянских и французских поэтов, сама писала стихи.

Переделкино. Анастасия Ивановна Цветаева (в центре)

В комнату легким шагом вошла Анастасия Ивановна. Она действительно была нарядной в наброшенном на плечи большом ярком платке. Анастасия Ивановна поздоровалась со мной и протянула маленькую теплую руку. Я сказал, что приехал из Амурска, и Анастасия Ивановна тут же прочитала стихотворение об Амуре.

– Я помню, как нас конвоем на крытой барже везли вниз по Амуру, – сказала она. – Тогда этапы на одном месте не держали, а передвигали с места на место. Я прошла несколько лагерей на Амуре, много работала. Тот, кто работал, – выжил…

В тот день я сделал фотографию Анастасии Ивановны Цветаевой, когда она выходила из подъезда Дома писателей. Это было 4 октября 1989 года.

Последняя встреча с Цветаевой произошла в Москве 12 ноября 1992 года в ее небольшой квартирке на улице Большой Спасской. В единственной комнате на стенах я увидел фотографии многих поэтов, писателей, композиторов с дарственными надписями. Меня удивило, что здесь не было письменного стола. Я спросил Анастасию Ивановну:

– А где же вы пишете?

Она сказала:

– Летом на подоконнике, а зимой на доске, которая откидывается у старого шифоньера.

На подоконник слетались голуби, она их кормила.

– Это мои собаки, – пошутила Анастасия Ивановна.

В ее быту все было упрощено, перегружено книгами, рукописями, письмами. Целые связки лежали на полках, табуретках и даже на полу. Анастасия Ивановна не справлялась со своим литературным хозяйством и в последние годы нанимала секретаря-машинистку. Немало своих стихотворений она посвятила Дальнему Востоку, могучему Амуру, острову Листвянка, лесосеке поселка Известкового.

– Какая на Амуре благословенная земля, – сказала она во время той встречи. – В моей душе о ней живут добрые воспоминания…

Александр Андреевич Реутов – самобытный художник-скульптор, публицист, краевед, фотокорреспондент, действительный член Российского географического общества, живет в городе Амурске Хабаровского края.

Его биография необычна, а жизнь наполнена интересными событиями. А.А. Реутов родился в 1936 году в селе Ундинские Кавыкучи (Забайкалье). После службы в армии работал шахтером в Донбассе на заводе ЖБИ-1 Хабаровска, с 1965 года – строителем в Амурске.

Творчеству А.А. Реутов посвятил в общей сложности 50 лет своей жизни. Он увлечен краеведением и этнографией, в 1982 году приложил немало сил, чтобы в Амурске появился краеведческий музей, который затем был включен в состав Российского географического общества, действительным членом которого является сам А.А. Реутов.

В Москве состоялись четыре его персональные выставки, и самая заметная среди них выставка акварелей «Под Андреевским флагом», которая проходила в историко-краеведческом музее. Дважды художник представлял Хабаровский край на международных выставках художников-примитивистов. В 2010 году в поселке Охотске состоялась персональная выставка «Охотск – первый русский порт на Тихом океане», а в 2011 году в Международном информационном центре Дальневосточной государственной научной библиотеки – персональная выставка графики.

В 1998 году А.А. Реутову присвоили звание заслуженного работника культуры Российской Федерации, дважды он отмечен в энциклопедии «Лучшие люди России», за организацию краеведческого музея Амурского муниципального района ему присвоено звание «Почетный гражданин города Амурска». А.А. Реутов установил на территории Хабаровского края целый ряд памятных знаков: «Ачан – землепроходческий редут», на острове Крохалева «Труженицам Амурлага», первому пароходу на Амуре «Аргунь», первостроителям Амурска, защитникам Отечества в Тайсине. А.А. Реутов стал инициатором и создателем театра «Цветаевский костер».

А.А. Реутов – автор краеведческих очерков и репортажей, он встречался со многими интересными людьми и в итоге создал коллекцию фотографий писателей, артистов, художников, кинематографистов, написал воспоминания об этих встречах.

Есть у него и воспоминания о встречах с русской писательницей Анастасией Ивановной Цветаевой.

В 1937 году ее арестовали по обвинению в контрреволюционной пропаганде и приговорили к 10 годам лагерей. При аресте сотрудники НКВД уничтожили все написанное Анастасией Ивановной – сказки, новеллы. После реабилитации в 1961 году, когда ей официально разрешили вернуться в Москву, она пытается по памяти восстановить утраченные произведения, пишет мемуарные книги «Воспоминания», «Старость и молодость».

Цветаеву направили в БАМлаг (позднее он был преобразован в Амурлаг), где она работала поломойкой, кубовщицей, на кирпичном заводе, в сметно-проектном бюро чертежницей. Анастасия Ивановна писала стихи, рисовала портреты женщин-заключенных – всего около 900. В 1947 году Цветаеву освободили, а спустя два года последовал новый арест. Ее приговорили к ссылке в сибирский поселок Пихтовка, где она жила до 1956 года. В 1959 году Анастасия Иванова была реабилитирована. В 1990-е годы она приложила немало сил, чтобы в Москве появился Дом-музей Марины Цветаевой, и в итоге он был открыт в 1992 году. 5 сентября 1993 года Анастасия Ивановна ушла из жизни.

Авдотька – кулик болотный

Повесть*

Сергей ЗИМИН
Рисунки автора

Шантары и Барбадос

Паруса жили в моей душе всегда, но соленые ветры облетали меня стороной. Я затевал шторма в банных шайках, нырял в пруды и валялся на речных берегах, но морями там не пахло. А меня тянуло в моря.

Иногда я ложился на диван и мечтал. Представлял себя на лодке посреди океана, где сидел, опустив ноги в воду, насыщенную лунным светом, а мои пятки, словно две картофелины, плыли среди мерцающих звезд.

А сколько кораблей я построил на старом диване…

Однажды я выстроил яхту, большую, будто дирижабль. Некоторые ее части даже выпирали из гаража. Закрывая ворота, я поддавливал железные створки коленкой, и яхта беззвучно съеживалась в гаражном пространстве.

Конечно, поддавливание коленкой неприятно любому, но яхта была понятлива и добра ко мне, а потому терпела без жалоб мои дверные выходки.

Летними вечерами я гладил ее шершавые бока и мечтал об океанских бурях. Я не сомневался, что борта, на которые ушли кучи недописанных холстов и ворох несбывшихся надежд, выдержат любую бурю.

«Выдержат!» – соглашалась со мной яхта и отвечала легким поскрипыванием лыжных палок, заменявших шпангоуты.

Я был доволен. Яхта удалась на славу. Она была быстра, легка и вместительна. К тому же она могла быть незримой и, при желании, малогабаритной. Зажав ее в кулаке, я мог запросто прогуливаться с ней в толпе и даже сесть в автобус. А еще, разжав пальцы, я мог отпустить ее в плавание хоть в городском пруду, будто утку, где она раскрыла бы свои белоснежные паруса.

Что говорить, я был рад и решил показать ее Петрову.

Петров работал инженером, но любил путешествовать где ни попадя и на чем попало.

Как-то он построил лодку из соломы по чертежам умельцев с озера Тити-Мити-Кака и спустился на ней по Анюю почти без жертв. Лишь в конце путешествия глупая корова из села Нижняя Манома сжевала часть лодки, пока Петров бегал в магазин за спичками. Но он все же закончил плавание, употребив вместо фальшборта штаны и тельняшку.

– Как сплавал? – спрашивал я обычно Петрова.

– Плавает дерьмо и чемоданы, а моряк ходит, – отвечал обычно Петров. Но я не обижался.

Это был ответ морехода, знающего толк в судоходстве и ведающего, с чем едят корабли.

После того как я открыл ворота гаража, Петров спросил:

– Где?

– Что где? – переспросил я.

– Не вижу корабля, – ответил маститый мореход.

– Сейчас включу свет, – сказал я и включил рубильник.

Да разве стал бы я показывать Петрову яхту, если бы не знал Петрова. Петров был бы таким же заплесневелым романтиком, как и я. И он увидел яхту. Но как-то не сразу… А через некоторое время, сидя в кают-компании, уже стучал по столу:

– Какая еще Манома?! Только на Шантары… Конечно Шантары, а еще Барбадос и острова Зеленого Мыса.

Но черта с два. К концу очередной зимы гора из суеты и разных дел придавила яхту, и та тихо просела, смешалась с гаражным воздухом. А с нею не булькнув ушли на дно Барбадос и Шантары.

Я занимался своей живописью: рисовал и ездил на этюды. И даже организовал выставку. Целую неделю народ струился на выставку тощим ручейком, но картины осматривал как-то быстро. И верно, ну что можно долго разглядывать в картине? Это же не жареные лобстеры!

– Где же твои друзья? Ты даже никого не пригласил на открытие! – укоряла меня методист Варвара.

В ответ я пробурчал что-то невнятное. Честно говоря, не хотелось подталкивать колесо истории, пусть уж катится само, без моей помощи.

И все-таки друзья пришли и полили меня из лейки теплыми словами. А Петров вылил аж целый ушат сиропа. Я тут же засахарился, засиял как колобок …

* Печатается с сокращениями.

А потом успокоился и проходил до позднего вечера, полыхая колобковым румянцем.

Неожиданно Петров позвонил в апреле:

– Есть плот о восьми поплавках. Пойдешь с нами по Чуи?

– По Чуи пойду! – ответил я. – По Амазонке или Москве-реке – ни за что, а по Чуи – согласен!

– Тогда готовь удочки и шерстяные носки.

И я стал готовить.

«А что, – думал я, – пора поплавать хоть по таежным речкам, если не удается выбраться в океан. Иначе я загублю в себе морского волка: он и так уже притих и не воет по ночам от сухопутности».

Теперь мне стали сниться сны, в которых было мало морской соли, зато навалом тумана, хариусов и медведей.

– Что ты там будешь есть на завтрак? Рыбный суп? – озадачилась жена Наталья. – Уж кашу-то вы варить не будете.

– Будем жарить грибы, – отвечал я. – А кашу…

Про кашу я не знаю. Вряд ли кто приготовит кашу вкуснее, чем Наталья. Ведь стоит сыну Димке во сне перевернуться с боку на бок она встает, закуривает и готовит кашу. Или я чихну во сне – встает и готовит. Или собака за окном залает – курит и варит кашу. А уж если будильник прозвенит, чиркает зажигалкой и кашеварит с закрытыми глазами. Так что про кашу я не знаю.

Но Петров обещал, что все мы растолстеем от рыбьего жира – столько рыбы в Чуи. Хотя я не помню Петрова толстым: из путешествий он возвращался худым, как зубная щетка, или поджарым, как сухофрукт.

Китайская лапша

Все восемь поплавков я увидел в майский вечер, когда в окно с улицы проникал теплый воздух, а за крышами домов разливался брусничный закат.

Эти поплавки-сардельки на своих упругих оранжевых спинах держали каркас из трубочек и шнурочков. Плот занимал всю площадь мастерской, а потому приходилось делать выдох, чтобы куда-то пролезть и ничего не обрушить.

В помещении было уютно, пахло краской и резиновым клеем. На мешках со спальниками сидел народ, готовый покорить Чуи: Егорыч, рыжий Андрюха и Петька Верхоглядов. Подпирая шкаф, чесал грудь Петров. Я же устроился на ржавой канистре.

Все молча, следили за Петровым, который был сосредоточен и взволнован: завтра отъезд. Но Петров молчал, держал паузу.

Оставив в покое грудь, Петров защелкал пальцами то по одному, то по другому поплавку, прислушиваясь к барабанному звону надутой резины: хороша ли надутость?

Все понимали торжественность момента, а потому тоже вострили уши: как там надутость? Но поплавки пыжились изо всех сил, и корабль не подвел.

– Завтра выезжаем, – наконец произнес Петров, отыграв резиновый бит. – Все готовы? Ты заклеил надувной матрас? – спросил он Андрюху.

Рыжих трудно застать врасплох, и Андрюха не подкачал:

– А как же, уже и испытал.

Я знал, что Андрюха работал охранником, а потому испытывать матрасы мог регулярно: через двое суток на третьи.

– Хорошо, – удовлетворился ответом Петров. – Сколько, Петруша, берем горючего?

– Две канистры, – ответил Верхоглядов, отвечавший за мотор и бензин.

Петров задумался.

– Берем одну, – подумав, сказал Петров. – У нас же плот, а не танкер.

– А зачем на горной реке мотор? – вставил я. – Там течение – надул поплавки и плыви.

Все посмотрели на меня с удивлением, а Петруша Верхоглядов пренебрежительно. Он же и выдавил:

– А заливы? Как заходить в заливы?

– А разве там бывают заливы? – наивно спросил я.

Теперь все посмотрели на меня пренебрежительно, а Петруша как-то оторопел.

Продолжил Петров:

– Бывают. К тому же в заливах всегда красиво. В прошлом году на берегу залива мы видели лося.

Я замялся, и все догадались о скудости моего морящкого багажа.

– Еще нужно докупить крупы, – продолжил Петров. – Без каши нам не обойтись.

«Откуда он узнал про кашу?» – подумал я и почти выкрикнул:

– Можно и колбасу!

А дальше пошло-поехало:

– Прошлый раз мы всю перловку скормили рыбам.

– Гороховую давай!

– Колбасу!

– К черту колбасу!

И чего это я брякнул про колбасу?! Люблю кашу, а кричу «колбаса». Вот всегда так: любишь огурцы, а покупаешь брюссельскую капусту, или хочется картошки, а прешь куриные окорочка. А колбаса рядом с кашей – ерунда.

– Давайте купим китайской лапши, – предложил Егорыч.

– Давайте, – ответили все хором.

«Что-то не хочется лапши, – подумал я. – Ведь мы

только лапшу и наворачиваем, скоро через щелочки будем смотреть».

– Очень вкусная лапша, – добавил Егорыч, облизнулся и посмотрел через щелочки на Петрова.

А мне вдруг захотелось нанайской дыни. Только где ее взять, когда вокруг только узбекские. И ни за что не найдешь. Я как-то пробовал, но попадается или узбекская лапша и китайские дыни, или китайская лапша и узбекские дыни, а вот нанайской дыни не нашел.

А разговор уже велся о блеснах и «мушках». Андрюха с Петрушей заспорили: какие «мушки» лучше – коричневые или зеленые, а я вспомнил, что и у меня есть «мушка», только красная, с золотыми крапинками…

За окном между тем догорал румяный задумчивый вечер, и листва на березах сделалась багряной. Тут я увидел воробья, нахально приземлившегося на подоконнике. Воробей резко огляделся, подпрыгнул будто мячик, склевал какую-то крупинку и так же резво упорхнул.

Сумеречный воробей меня развеселил. И откуда он взялся, этот пернатый гость?

А спор уже разгорался не на шутку. К тому же в разговор ввязался Егорыч.

«Смешные, – подумал я, глядя в окно, – какой же хариус будет ловиться на коричневую или даже на зеленую «мушку», если есть красная, да к тому же с золотыми крапинками…»

«Мотыльки» и «Поплавки»

Когда «зилок» перестал тарахтеть, и мы выбрались из машины, я услышал тишину. Это была не усталая тишина ночного города, а тишина вечная, былинная. Как и дремучий лес вокруг. Ее не могли нарушить ни хруст гальки под ногами, ни бульканье воды под черной корягой у моста. Это была нетронутая тишина. Я одеревенел и слушал безмолвную песню тайги, пока голос Петрова не разбудил меня:

– Ну как, красиво? А я тебе что говорил? Хватит глазеть, пора разгружаться…

Петров уже успел превратиться из генерала укладки в генерала разгрузки. Не прошло и пяти минут, как вещь-гора, еще недавно было примостившаяся под городскими тополями, теперь сверкала котелками под нахмуренными лиственницами.

А дальше затрещал сухостой в костре, зашумел чайник. Вода в чайнике хоть и была ледяная – Петруша зачерпнул воду прямо чайником в реке, чуть выше черной коряги – а закипела быстро и так заклокотала под крышкой, заклубилась паром, что всем стало хорошо под этим выросшим из чайного носика клубящимся деревом.

Все расселись вокруг костра, загремели кружками. Всплыл из-за спин и кулек с баранками.

К этому времени диск солнца приподнялся над тайгой, и я вспомнил, что сегодня первый день лета.

И подумалось, что хорошо начинать лето утром на берегу реки, когда ты сидишь на пеньке, хрумкаешь баранкой и пьешь пахучий янтарный чай, а чайный парок смешивается с дымом и туманом.

А солнце поднимается все выше и разгорается все жарче, а ты все хрумкаешь баранкой и все прихлебываешь чаек, хотя тебе уже и непонятно, где дым костра, где речной туман, а где веселое облачко чайного пара, потому что все смешалось и получился просто таежный воздух, но такой вкусный, что дышать им не надышаться.

Вот так все молча и пили чай, хрустели баранками и дышали, дышали и пили чай, а потом снова хрустели.

Только Егорыч не хрустел – зубы, говорил, уже не те – а потому без хруста жевал колбасу. И чай он налил из кружки в блюдечко, после чего раздул в блюдечке штормовую волну. А когда волна успокоилась, отхлебнул чаю и сказал:

– Хорошо сидим. Душевно.

– Места душевные, – добавил Петров.

– Вас тут пять душ, – вдруг заговорил водитель Леха. – А шестую плот потянет?

– Все зависит от души, – ответил Петров. – Если душа легкая – потянет, а если тяжелая – не потянет.

– Я бы тоже поплыл, – сказал Леха. – У меня душа легкая.

– Лишь бы не темная, – засмеялся Петруша Верхоглядов, – темная душа хуже тяжелой.

Леха обиженно взглянул на Петрушу. И все с недоумением посмотрели на Верхоглядова, потому что легкую душу водителя Лехи знали все. Даже сейчас Леха смотрелся легче остальных, но это, наверное, оттого, что он был в рубахе, а мы – в ватниках.

– Так ты плывешь или нет? – спросили мы Леху.

– Не-а… Мне баранку крутить надо.

– А то поплыли, – серьезно сказал Петров. – Душа у тебя легкая, и баранок у нас много.

«Пожалуй, несколько светлых душ плот выдержит, – мелькнула у меня мысль. – И даже одну-две тяжелых. Вот только темная его может потопить».

Когда мы все разомлели от чая и солнца, Петров поднялся. Это был знак: мол, плот собирать пора.

А уже вскоре корабль лежал на берегу и радовал глаз упругими оранжевыми боками. Петров же ходил вокруг, щурил глаз и довольно потирал руки: надутые поплавки были сродни нанайскому бубну.

К тому времени Леха – легкая душа пожелал нам семь футов под килем и укатил восвояси. Мы нагрузили плот вещами, и резиновый корабль, похожий на водоплавающего верблюда, был к плаванию готов.

Кораблю не хватало названия.

– Может, назовем его «Верблюд»? – спросил я.

– Издеваешься, – посмотрел на меня с укором Петров. – Верблюд – тихоходный корабль пустыни, а у нас движение, быстрота.

Уловив серьезность в словах капитана, я понял, что шутки неуместны: слишком много сил было отдано этому детищу, чтобы в конце концов корабль заимел глупое и несерьезное имя.

– «Мотылек»… Или «Поплавок», – нашелся Петруша Верхоглядов.

Но названия не понравились. «Мотылек» – слабо, любой может прихлопнуть мотылька, а в «Поплавке» не было движения, от него тянуло стоячей водой.

– «Художник Шишкин», – предложил опять я. – Он рисовал лес и много путешествовал.

– У нас не лесовоз, а плот, – отверг название Петров.

– И не поймут нас, – добавил Егорыч.

– Кто не поймет? – решил побороться я. – Медведи и волки?

– «Хариус»! – вскрикнул Андрюха.

– «Хариус»?! Вроде неплохо… – замялся Петров.

– Может, «Таймень»?

– «Кижуч»! – высказался Егорыч. – Наша рыба, дальневосточная. – И вкусная, я ел.

Мне же кижуча пробовать не приходилось, но название понравилось. Было в нем что-то от шороха трав и шепота ветра, шелеста листьев и шума воды на речных перекатах, а еще что-то от бревенчатых Кижей.

– А что, неплохо: «Кижуч»! Вот так и назовем… Согласны? – подвел черту Петров.

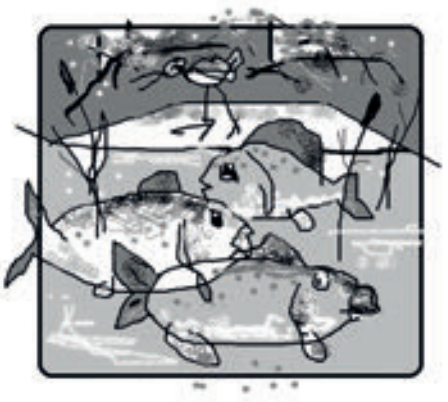
Все закивали головами, мол, согласны, а Андрюха, почесывая затылок, задумчиво сказал:

– Не все ли равно, как назвать, лишь бы заломов поменьше да ленков побольше…

И послышалась в Андрюхиных словах грусть. Видно были у него корабли с названиями, которые не проходили заломы, и было время, когда слабо ловились ленки. Да ведь у каждого случалась такая безрыбья пора.

И у меня тоже.

Робинзон и Пятница



В разгаре был первый день лета, когда, оттолкнув плот от берега, мы запрыгнули на него, а река подхватила «Кижуч» и вынесла на стремнину.

Защемило в моей груди: кто я теперь – моряк или странник, и я ль это плыву по бурной реке меж елок и ильмов?

А поток с клочьями пены все дальше относил плот от моста, от черной коряги. Вот и мост скрылся за кустами козьей ивы.

Угомонившись, мы смотрели на берега, вглядывались в заломы. Петров сидел в центре плота и чуть заметно шевелил усами и веслами, Андрюха с Егорычем пошевеливали впереди шестами, а мы с Петрушей устроились сзади и только вращали глазными яблоками.

Над нами веселилось солнце, в голубом небе стояли белобокие облака, а вдоль косматых рыжих берегов кучерявились березы и зеленели елки.

Мы проплывали под накренившимися лиственницами, похожими на мачты кораблей, пугали уток, которые, работая крыльями-пропеллерами, уносились вперед, вслушивались в шорохи леса.

– Впереди ручей! – вдруг крикнул Андрюха, взмахнув рукой.

Все сразу вытянули шеи, завертели головами, а я стал вглядываться в берег, надеясь увидеть блеск воды.

– Не туда смотришь, – подсказал Петруша. – Ты на воду смотри.

Я посмотрел на воду и увидел у берега синее зеркало ручья, вода которого не смешивалась с речною водой, а голубела над солнцем, сверкала серебряными иголками.

Неширок был ручей, но как звонок и светел был он! Видно, напитавшись талыми снегами и майскими росами, желал ручей поделиться удалью с рекой, но, увы, легкой мутью и пеной встретила его река. Так и бежал ручей вдоль берега сам по себе, а мы плыли рядом и разглядывали камни сквозь его прозрачные воды.

Слева и справа от нас поднимались сопки: то высокие, как генеральские папахи, а то пологие, словно узбекские тюбетейки. Но были и такие, которые вовсе на шапки не были похожи, а просто были утыканы обгоревшими стволами, как ежовые спины иголками.

– Смотрите, какая скала! – восхищенно выкрикнул Егорыч. – Будто бороной пропахали!

Все посмотрели на скалу, где каменные гряды поднимались прямо из воды и были ровнехоньки, хоть картошку сажай.

– Кто же ее так распахал? Кознодей, что ли? – спросил я с усмешкой?

– Не выдумывай, – вмешался Петров, шевеля усом. – Это священная гора Кум-Кума. Здесь живут духи. Удэгейцы говорят, что если ей что-нибудь подарить, то встретишься с двойником.

– Да ну, – засмеялся я.

– А ты попробуй, – повернул ко мне голову Петров и подмигнул.

– И что ей нужно подарить?

– Хоть что. Хоть варенье, хоть печенье, а лучше пыжиковую шапку. У тебя есть пыжиковая шапка?

Пыжиковой шапки у меня не было, зато в кармане оказалась пуговица. Я зажал в кулаке пуговицу, и когда проплывали под скалой, незаметно опустил ее в воду. Встречаться ни с кем я не собирался, но сделать подарок

горе захотелось. Ведь верим мы во что попало, только потому, что другие верят.

Наконец сопки раздвинулись, река успокоилась и задышала ровнее. Ровнее задышали и мы. Но ненадолго…

– Залив! – вдруг громко и четко произнес Петров. И добавил: – Тот самый залив, где мы видели лося!

Он махнул рукой вперед, а потом повернулся ко мне:

– Я же тебе говорил...

Я помнил о заливе, и мне тоже захотелось увидеть лося: нравился мне этот большой олень с печальными глазами.

А Петруша Верхоглядов уже завел «Ветерок». Поплавки плота напряглись и, описав дугу, «Кижуч» вошел в залив.

Мы решили пристать к берегу, чтобы размяться и заглянуть за кусты: может, там до сих пор пасется прошлогодний лось?

Но лося в кустах не оказалось. Зато с берега открылся волшебный вид на залив и гору Кум-Кума. Тенистым предстал перед нами Лосиный залив. По берегам его разрослась осока, а над головой кружевами сомкнулись ветви торжественных елей. Лишь в некоторых местах солнечный луч пробивал крону деревьев и падал янтарным пятном на темную воду.

– Я должен это нарисовать! – сказал я Петрову.

– Рисуй, – ответил Петров.

Я достал этюдник, краски и взялся за дело. Но оказалось, что времена – мое и Петрова – текут по-разному. Уже через пять минут этот мастер швартовочного конца стал наседать.

И это тогда, когда у меня начал вызревать пейзаж. Выход предложил Егорыч…

И Петров решил плыть, оставив меня с рыжим Андрюхой, так как река, обогнув сопку, возвращалась к заливу с другой стороны: мы даже видели сиянье воды между деревьев.

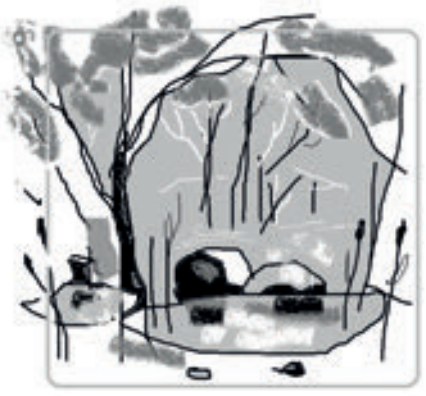
Я принял жест капитана с благодарностью, а Петруша Верхоглядов кровожадно пошутил:

– И волки сыты, и краски целы.

Петров глянул на Петрушу голодным волком и, обернувшись ко мне и Андрюхе, сказал:

– Через час на том берегу!

Мотор «Кижуча» взревел, плот качнулся… мы остались у кустов шиповника вдвоем с Андрюхой, будто Робинзон и Пятница.



Зеленый глаз Кознодея

Когда я закончил рисовать, солнце уже прокатилось по верхушкам елок, которые тут же вспыхнули закатным огнем. Лосиный залив замер и таинственно поблескивал чернильной гладью.

– Тут, наверное, хозяин тайги Кознодей живет, – предположил я, собирая этюдник.

– Похоже, – сказал Андрюха, стоявший все это время у меня за спиной. – Он и сейчас небось на нас смотрит.

– Как это? – спросил я тревожно и огляделся.

– Как, как… Он же в любую животину может превратиться, в того же лося, а может и в кузнечика.

– Хе, – усмехнулся я. – И в рыбу может?

– Может, – серьезно ответил Андрюха.

Что-то булькнуло у берега в осоке. Я и Андрюха вытянули головы и напряглись.

– Вот он, Кознодей, – шепнул Андрюха. – Дает знак.

Одна или две мурашки скользнули по моей спине.

И тут мы увидели выводок утят с уткой, выплывающий из зарослей травы.

Не успел я как следует рассмотреть эти серые комочки, похожие на кроличьи хвосты, как утиное семейство скрылось среди желтых созвездий калужницы.

– Тьфу ты, – воскликнул я. – Плавают будто домашние.

– Видел, какой у него глаз? Зеленый, – тихо произнес Андрюха.

– У кого? – не понял я.

– У селезня. Видел, как он нас рассматривал?

– Так это же утка, – натужно засмеялся я. – У селезня шейка изумрудная.

– Ну да, утка, – согласился Андрюха. – А селезень-Кознодей из кустов глядел. И глаз у него зеленый. Мутный какой-то глаз. Пошли отсюда.

Я еще раз вгляделся в кусты, но кознодеева глаза не увидел. Хотя что-то зеленое там было. И даже муть какая-то расползлась.

Через некоторое время, пробравшись через заросли, мы оказались на берегу Чуи. То, что око Кознодея за нами не поспевало, мы почувствовали сразу: здесь было светлее и звонче. Но плота мы не увидели.

– Рано еще, – сказал Андрюха. – Сейчас появятся.

Мы уселись на корягу, белую, будто кость динозавра, и стали ждать.

Андрюха шевелил гальку носком сапога, а я любовался рекой, вечерним лесом. Край солнца, словно арбузный ломоть, торчал из-за сопки и уже не грел, а лишь добавлял багровости уходящему дню.

– Баранку хочешь? – спросил Андрюха, вынув из кармана пару баранок.

Я молча взял одну. Но как-то не хрустелось, и мы грызли баранки вполхруста, серьезность овладела нами: не было плота.

– Что-то случилось, – сказал Андрюха. – А навстречу идти – можем разминуться.

– Так что делать? – подскочил я. – Может, им помощь нужна?

Андрюха помолчал и сказал:

– Кто знает, может, залом попался – его обтаскивать надо. Подождем, пока не стемнеет. По темноте не поплывешь, тогда уж решим.

После этого по-вечернему серьезный Андрюха встал и прошелся по берегу туда-сюда.

Затем скомандовал:

– Разводим костер!

– А спички? – хлопнул я себя по карманам.

– Спички есть, – отозвался Андрюха и помахал мне зажигалкой.

– Кстати, что у нас в карманах? – спросил он, когда вернулся к коряге. – Чем мы будем отпугивать медведей?

Оказалось, что Андрюха мог отпугивать медведей ножом, зажигалкой и баранками, а я только акварельными кисточками.

– Покажешь ему картину, – сказал Андрюха, который становился все вечерней и рыжее. – Может, она его отпугнет.

«Во-во, – подумал я – приплыл: буду своими картинами медведей пугать».

Мы разожгли костер и задумались, не переставая поглядывать на реку. Лес вокруг сделался тревожным и молчаливым. Кознодей все-таки нагнал нас и теперь хлопал зеленым глазом в соседних кустах.

– Эх, чайку бы, – стукнул себя по коленкам Андрюха. – В другой раз без котелка – никуда.

– Да, глупо получилось, – поддакнул я. – С костром и без котелка.

– Ничего. Еще малость подождем и двинем навстречу, – сказал вечерний Андрюха с легким утренним оптимизмом.

А первый летний день между тем съежился и повернулся к нам своим сумрачным съежившимся боком. Над сопкой Кум-Кума вспыхнула звезда.

Костер трещал и как мог веселил нас, но зловещие тени подбирались со спины. Хозяин тайги все сильнее обхватывал нас своими мохнатыми ручищами.

Где-то за речным поворотом раздались шорох и хруст, будто жирный заяц сорвался с елки. Мы с Андрюхой переглянулись и замерли.

– Что это? – шепотом спросил я. – Может, заяц?

– Заяц, – кивнул Андрюха. – Только крупный.

Шорохохруст повторился, вселяя в нас гадкий страх.

– Еще один, – еле шевеля губой, сказал я.

– Слышу, – шепотом ответил Андрюха, вглядываясь в сумерки.

Шум послышался еще и еще. Зайцы посыпались с деревьев, как еловые шишки. И вот, наконец, самый крупный из них вышел на берег. Он был широкоплеч, усат и безух. Это был Петров.

Да разве могло быть иначе? Разве настоящий капитан бросит свою команду?

– Залом! – издали крикнул он. – Пришлось обтаскивать.

Мы с Андрюхой поднялись, радостно замахали руками.

Зловещие тени тут же ускакали в лес, а Кознодей спрятал свои мохнатые ручищи.

– Гаси костер, ночевать там будем, – сказал Петров подошедши. – Ужин пора готовить.

Рыба в этюднике

Когда мы выбрались к плоту, на берегу уже бушевал костер. Рядом метались две тени.

– Получилась картина? – подала голос тень, похожая на Егорыча.

– Получилась! – ответил я.

– А мы тут застряли, – отозвалась другая тень, напоминавшая Петрушу. – Дров еще надо бы.

И мы пошли за дровами.

Насобирав рукастых и ногастых коряг, установив палатки, мы разбрелись по берегу со спиннингами. Нам не терпелось поймать ленка. Лишь Петров и Егорыч остались у костра, взялись за приготовление ночного борща.

Долго выбирал я блесну для первого заброса. Соорудив снасть, метнул спиннинг. Окрыленная блесна тут же оказалась на кусте козьей ивы. Я попытался стянуть ее с куста, но оборвал леску. Проглотив горькую слюну, я полез в коробочку с блеснами.

Второй заброс оказался удачнее – блесна не зацепилась за куст, но теперь запуталась леска.

«Козни Кознодея, – подумал я. – Он подсунул мне морской узел». Взявшись распутывать леску, я увяз в узлах и кольцах. Теперь я бился в кознодеевских сетях, как муха в паутине.

Лишь опустившись на бревно и кое-как отдышавшись, я одолел путы.

С третьего раза все удалось. Но теперь рыба не желала хватать блесну. Я бросал снасть под кусты другого берега, норовил пристроить свои крючки в ручье и тихой заводи, бросал вдоль и вширь – рыбе было наплевать.

Я сел на бревно, положил рядом спиннинг.

От костра тянуло борщом, от реки – сыростью. За орешником, будто вареники в сметану, плюхались в воду блесны Андрюхи и Петруши.

Я стал смотреть на луну и притаившуюся под ней гору Кум-Кума. Потихоньку дремота овладела миром.

Сквозь ночной туман я увидел рыбака в болотниках и капитанской фуражке. Он стоял в реке и бросал спиннинг. В отличие от меня ему везло: ленки вылетали из воды один за другим.

– Ну что, друг, не ловится? – обернувшись, спросил рыбак-капитан.

– Не ловится, – ответил я, не удивившись незнакомцу.

– А мне всегда везло, – воскликнул он и бросил жир-

ного ленка в растреноженный этюдник. – И в морях тоже: только закину – клюет…

– Ты что же в морях бывал? – спросил я его.

– Бывал. Я на своей яхте везде бывал. И в океанах, и в морях… Все исходил, изрисовал, а сколько этюдников загубил… Тоска.

– Я и вижу – рыбу в этюдник складываешь…

– Надоело все: и ленки, и яхты, и этюдники с красками. Ты счастливый – у тебя только холст да блесна на кусте ивы. Это много.

Капитан снял фуражку и почесал лысину.

– Не так много, – ответил я, вздохнув.

Редколесье на голове и борода показались мне знакомыми.

– Тебе ленков-то дать? – обернулся капитан.

– Не надо. Сам наловлю, – ответил я и вдруг понял, что капитан-рыбак, измученный ленками, этюдниками и океанскими бурями похож на меня. Двойник?

– Бери-бери, – настойчиво предлагал оказавшийся вдруг рядом капитан-двойник.

Он высыпал на гальку рыбу из этюдника и хлопнул меня по плечу:

– Уха из ленка, это тебе не борщ.

От мощного хлопка я чуть не уткнулся носом в рыбьи хвосты. Тут же капитанская рука хлопнула меня по другому плечу.

– Борщ готов!

Я поднял голову. Передо мной стоял буйноволосый и безбородый Петров.

– Пошли ужинать, – подтвердил свое присутствие Петров.

– Пошли, – сказал я и увидел, как из-под моих ног в сторону Чуи стали отпрыгивать увесистые ленки…

Странно, но и Андрюха с Петрушей ничего не поймали.

Уже прихлебывая ложкой борщ, Андрюха сказал:

– Ничего. Клев начнется с полуночи.

– Да-да! – поддержал его Петров. – А как борщ?

Все одобрительно закивали головами, не прекращая при этом метать в себя золотистое варево.

– Непонятно! Ведь и ночь лунная, – вставил между двумя ложками борща Егорыч.– Должен ленок ловиться в лунную ночь.

Егорыч поскреб миску и, облизав ложку, добавил:

– Бросишь мышь, а он смотрит с глубины и видит усы от мыши на воде и хватает.

– Мышь хватает, что ли. за усы? – спросил я.

– Да усы – это волна от мыши. Мышь-то без усов.

– Что ж это за мышь без усов? – решил посмеяться я. – Ненастоящая что ли?

– Мышь искусственная, – серьезно ответил Егорыч, – а усы настоящие.

– Настоящие только у капитана, – весело сказал Петруша и подхалимски подмигнул Петрову.

Егорыч невольно провел рукой под носом: на месте ли усы? Все посмотрели друг на друга: у кого еще усы настоящие?

Усы у всех оказались на месте: взъерошенные – у Андрюхи, веревочные – у Петрова, пучком – у Егорыча и у меня кое-какая небритость. Не было усов лишь у Петруши.

– Усы надо растить смолоду! – подмигнул капитан Петруше.

– Я в детстве пробовал – на кота похож, – сказал Петруша.

– А мне отращивать в детстве ничего не разрешали – только чубчик, – вспомнил тут я безволосое детство. – А когда разрешили – стала расти одна лысина.

Все дружно глянули поверх моей головы, отыскивая следы чубчика. Но след не обнаружился, и поедание борща продолжалось.

– Без усов как без рук, – произнес Петров. – Усы – забрало мужчины. В усы можно настроение спрятать, они от ветра защитят и в холод согреют.

– Верно, – вздохнул Егорыч, почесав ложкой плешь.

– Усы согреют, а лысина охладит.

– Шапку носить надо, – грубовато сказал Андрюха.

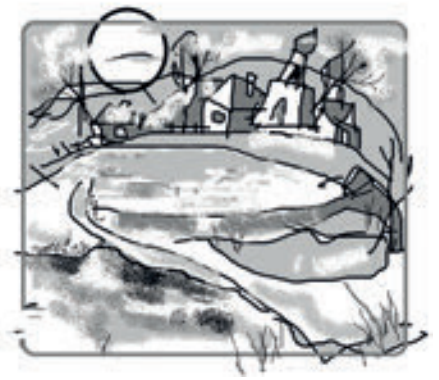
– Можно бороду отрастить – борода греет, – вставил я, закругляясь с борщом. – Не растет верх, выращивай низ.

– С бородой мороки много…– задумчиво протянул Егорыч.

Так, пока мы вели бестолковый слабоусый разговор, вокруг стеной встала темень. Лишь медные наши лица выступали у огня из тьмы.

«Какая уж тут рыбалка, – подумал я. – Сейчас бы в палатку… А еще этот тип в капитанской фуражке и рыба в этюднике… Откуда это? Может, и вправду Кум-Кума?»

– Вот чай допью, – произнес в это время Андрюха, – и пойду «мышачить». Через час-другой самая рыбалка начнется.



Рыбий след

– Борщ пропал! Борщ пропал! – приговаривал кто-то на берегу.

Этот плач о борще да стук дождя по палатке разбудили меня. Хотел одеться и выскочить наружу, но разве упустишь момент полежать хмурым утром в палатке, помечтать.

«Вот, – воображал я, – и плыву средь океана. И не дождь это, а брызги и пена океанских волн долетают до моей брезентовой каюты. И выхожу я на мостик, ставлю паруса, кручу штурвал, готовлю еду… Кстати, что с борщом? Прокис, что ли?»

Ладно, пора приставать к берегу. Я натянул болотники и выбрался наружу.

– Борщ пропал! С кастрюлей! – объяснял Егорыч Петрову. – А вместо борща – ленки!

– Какие ленки? – ничего не понимал спросонья Петров. – Ленков наловили?

– Не наловили? – горячился Егорыч. – А вот лежат… Откуда я спрашиваю?

– Как откуда?! – проснулся наконец Петров. – Из реки, Андрюха наловил. А борщ съел.

– Да в том-то и дело…

В палатке послышался шорох, и высунулась Андрюхина голова:

– Не мои ленки, – сказал Андрюха, выбираясь из палатки.

– Может, Петруша?

– Первый раз слышу, – раздался забрезентовый голос Верхоглядова. – И борща я не ел.

Ну а меня и спрашивать никто не стал: не был я похож на человека, который может наловить ведро ленков.

Вот так дело! – стояли мы вокруг костра в недоумении кастрюля с борщом исчезла, а ведро с ленками появилось!

– Надо искать следы – не медведь же рыбу принес, – сказал Петров. И мы стали шарить в кустах.

– Есть! – закричал уже скоро кто-то. – Есть след!

След оказался большим, как лапоть. Он даже разевал рот и шевелил плавником. Это был полууснувший ленок. А через десяток метров след повторился. Но уже поменьше: этот не шевелил плавниками, а только раздувал жабры и пучил глаз.

«Уж взаправду не штучки ли это Кум-Кумы, – подумал я, – и не вчерашние ли это капитанские ленки?»

А следы-ленки между тем все попадались и вели нас в чащу.

Остановившись у очередного ленка, мы задумались: что же это за рыбий след и куда он ведет? Как-то жутковато стало нам.

– Это Кум-Кума! – с негодованием сказал Петров и посмотрел на меня. – Может, ты все же подарил ей пыжиковую шапку?

– Только пуговицу, – признался я.

– Во-во, – облегченно выдохнул Петров. – Я так и думал…

– Борщом пахнет! – вдруг потянул носом Егорыч.

Мы тоже засвистели носами, завертели головами: среди запахов ландыша и черемши закручивался аромат родного борща.

Неожиданно вверху раздался шорох. Мы даже не успели испугаться, как к нашим ногам, вместе с каплями дождя, свалилась кастрюля.

Все дружно посмотрели наверх.

Среди ветвей старого дуба мы увидели скворечник не скворечник, курятник не курятник, избушку не избушку...

Мы раскрыли рты и выпучили глаза, как ленки, упрятанные в наших карманах.

Из скворечника, будто из дубовой бочки, раздался глухой голос:

– Ешьте ленков-то. А то спортятся…

Мы онемели: что за леший?

– Ты кто? – наконец, осмелев, крикнул Петров и, помедлив: – Борщ ты слопал?

О борще можно было не спрашивать: кастрюля валялась у наших ног.

В скворечнике послышался шум, но никто не выглянул. Только вновь раздался голос:

– Дай, думаю, рыбой угощу, а взамен борща похлебаю.

– И как борщ? – оттаял душой Егорыч.

– Свеклы маловато, – ответил некто. – А так ничего.

– Как маловато? – тут же возмутился Егорыч. – Две свеклины вбухал.

– Две мало, – продолжал верещать скворечник. – На такую кастрюлю надо три. И лучка не жалеть…

– Счас! Уж я знаю, как борщи варят, – чуть-чуть обиделся Егорыч.

– А ты чего там делаешь, на дереве? – спросил Петров.

– Историю пишу.

– Какую историю? Живешь, что ли, там?

– Живу, – ответил некто бочковым голосом.

– Так покажись хоть, – сказал Петров. Ему, видимо, надоело разговаривать со скворечником.

– Зачем? Мне и так хорошо, – возразил скворечник.

– Ну тогда сиди там, а мы пошли, – подбоченился Егорыч.

– Чай пора пить, – поддакнул Петруша.

Я поднял кастрюлю, и мы уже собрались уходить, когда из почерневшего от дождя курятника-избушки выглянула лохматая голова, похожая на болотную кочку.

– А драться не будет?

– Зачем нам драться – ты нас рыбой угостил, – уже веселее произнес Петров. – Приходи чай пить.

Пробую лопатой

Скворечник – болотная кочка успел в самый раз: чайник только показал свой норов – забулькал, зашипел.

Дождь к этому времени закончился, а брюхатая войлочная туча, почесав живот о верхушки елей, спряталась за сопками. Над тайгой всплыло солнце.

Звали болотную кочку Еремой. Это был нестарый мужичок с бородой-мочалкой, в валенках, с веселыми сорочьими глазками.

Похлебывая чай, мы посматривали на Ерему, слушали его.

– Я своих ленков в заводи пасу, за большим камнем, – рассказывал Ерема. – Насобираю короедов, накормлю, они за мной как овечки и ходят. На ночь калитку открываю – пусть порезвятся, к утру все одно домой бегут.

– Прикармливаешь что ли? – переспросил Андрюха.

– Прикармливаю, – согласился Ерема и продолжил; – А если расплодятся, то пробую лопатой – раз лопата стоит, значит, густо, пора в другую заводь перегонять.

– Вот человек – рыбу пасет! – удивленно закачал головой Егорыч. – А ребятки и пескаря не поймали!

Я слушал эту белиберду рыбьего пастуха Еремы, пил чай да посматривал на Петрова: удается ли ему спрятать настроение в усы. Но Петрову все удавалось: он смог запихнуть в усы и ухмылку, и недоверие, и веселость.

А у Егорыча наоборот – все из усов вываливалось наружу, ничего не держалось.

– Ты, – говорит, – Ерема, скажи честно: чего промышляешь?

Тут Ерема задумался, отхлебнул чая, откусил баранки, а потом уж сказал:

– Историю пишу.

– Какую историю? – вывалил из своих рыжих усов любопытство с усмешкой Андрюха.

– Историю. Больше не скажу.

– А зачем? – не удержался я.

Ерема опять задумался, еще глотнул чая.

– Не знаю, – ответил, наконец. – Один пишет, другой пашет, третий пляшет... А зачем? Не знаю .

– А мы не пишем, а вот по речке спускаемся, – вставил Петров.

– Отдыхаете, значит, – заметил Ерема.

– Отдыхаем, значит, – согласился Петров.

– А живешь на дереве? – поинтересовался Егорыч.

– На дереве и живу, – ответил вздохнув Ерема. И добавил: – Наших много тут с Голенищева на деревьях околачивается: кто белку пасет, кто оленя, а кто грибы собирает.

Ерема поставил кружку на пенек, утерся рукавом и произнес:

– Скучно стало в деревне, в лесу веселее.

«Может, и веселее, – подумал я, – только как жить на дереве? Ерунда какая-то. Может, трав лесных нанюхался?»

Посидели мы еще, похрустели баранками, узнали, что Пронька на елке живет, а Федорчуки – на кедрах. А вот бабка Матрена с берез не слазит: тут уж понятно – береста да сок березовый, чего не жить.

Солнце проснулось и припекало вовсю, согревая наши спины и высушивая одежду, а костер наоборот, помигивая угольками, стал ко сну клониться.

– Пора с ленками разобраться и плыть дальше, – поднялся Петров. – А за рыбу, Ерема, спасибо.

Начистили мы ленков, нажарили до хрустящей корочки да отобедали вместе.

– Вкусная рыба – ленок! – обгладывая рыбьи косточки, приговаривал Ерема. – Только лучка бы добавить да ольховых листочков…

– Счас, – отозвался Егорыч, хрустя плавниками, – уж я-то знаю, как рыбу жарить…

«Золотой дуб»

Утро выдалось славным: туманным у земли и солнечным в небе. Зачерпнул я руками воду Чуи и обжег ледяными струями лицо. Остатки сна, словно птицы, тут же вспорхнули и растворились в тумане. Долго катал во рту воду, будто льдинку, пытаясь ее согреть, а потом еще дольше вертел в ладонях мыло, которое не желало мылиться.

Во время завтрака, когда у каждого в руке было по кружке какао, заговорили о кабане.

– Полтонны, не меньше, – уточнил Петров, – а шерсть, а копыта… Серьезный зверь.

– Про клыки забыл, – добавил я. – Как сабли.

– А хвост какой? – спросил Петруша.

Я попытался вспомнить облик вепря, но хвоста в своих воспоминаниях не обнаружил.

– А был ли хвост? – книжно спросил я.

Вышла заминка, хвост поставил всех в тупик: никто не знал, есть ли у кабана хвост. Даже Егорыч честно признался, что с кабаньими хвостами дел не имел.

И тут с реки послышался шум. Все обернулись. С другого берега к нам двигался большой зеленый рюкзак с двумя тыквами сверху. Рюкзак перебирал ногами, размахивал конечностями и гнал перед собой волну. У берега рюкзак раздвоился, и обе части выбрались на берег по отдельности. Это были егерь Ухватов и браконьер-охотник.

– Здорово, мужики! – первым поздоровался браконьер-охотник. – Чаевничаете?

– Здорово! – ответили мы. – Какавничаем! Присаживайтесь!

А Петров добавил:

– Андрюха, налей-ка гостям какао!

Андрюха подал гостям какао, и те с удовольствием отхлебнули из кружек ароматного напитка.

– Хорошее кофе! С сахаром! – похвалил егерь Ухватов и спросил: – А документики, извините, у вас имеются?

– А как же! – бодро ответил Петров.

Однако после пошаривания в карманах документ нашелся только у меня: это была красная книжица некоего фонда.

– Ага! – сказал егерь Ухватов, повертев книжицу в руках. – Все как есть. А то приезжают без документа, шишки собирают…

– Да мы не за шишками. Путешествуем, – сказал Егорыч. – Уху варим.

– А-а-а…– понятливо протянул егерь Ухватов.

– Напугали вчера до смерти, – встал Петров, – с этим самым… Куда он делся?

– Кто? – округлил глаза браконьер-охотник.

– Кабан-то? – пояснил Петров.

– Убег боров, чтоб ему, – ответил браконьер-охотник и отхлебнул из кружки какао. – Прогнал я его подальше – он у меня под дубом всю землю изрыл.

– Это, Гришка, ты меня остерегся, – произнес егерь Ухватов. – А то бы зашиб его.

– Не зашиб. У меня соль в патроне, – ответил Гришка.

С этими словами он достал из кармана патрон, ковырнул его и высыпал соль на ладонь.

– Я же пугануть только хотел: дуб завалится – где жить тогда? Такого дуба во всей тайге не сыщешь.

– Так у тебя дом на дубе том? – спросил я Гришку словами классика, сам не ожидая того.

– А как же, в дупле и живу. А Петрович, – Гришка кивнул на егеря Ухватова, – по-соседски, на кедре.

Мне показалось, что я ослышался. Я глянул на своих друзей: Петров, Егорыч и Петька Верхоглядов оторопело хлопали глазами. Лишь Андрюха ехидно улыбался и сосал какао через соломинку.

«Что за ерундовина, – подумал я. – Ну встретили в тайге одного чудака, но не вся же деревня сбрендила?»

– А Ерему вы случайно не знаете? – спросил вкрадчиво Егорыч, отхлопав глазами.

Гришка допил какао, поставил на пень кружку, подтянул «болотники» и ответил:

– Ерему-то? Знаем. Наш, голенищевский.

– Видели мы его, – встрял Петров. – Рыб пасет и роман пишет.

Я посмотрел на реку: туман на реке рассеялся, а вот в голове моей туману добавилось.

– Ерема – мужик стоящий, – продолжил егерь Ухватов, – пишет историю про деревню нашу.

– А зачем она ему? – весело спросил Андрюха, выплюнув соломинку.

– Как зачем?! – удивился егерь. – Чтоб не забыли, как жили раньше.

– А зачем? – не унимался Андрюха. – Зачем – чтоб не забыли?

– Ну ты даешь, паря, – ухмыльнулся егерь и, подняв брови, покачал головой – мол, попадаются еще в тайге такие безмозглые люди. А потом продолжил, посматривая уже больше на Петрова с Егорычем, чем на Андрюху: – Вот гляньте. Они городские, внаем дома прихватили, понастроили из них магазинов да торгуют шоколадками друг с другом. А мы на деревьях обретаемся, шишки сдаем, грибочки разные… Гришка вон желудем кормится…

– Ага, – поддакнул Гришка, – желуди собираю. – Они из него кофе делают и в город везут. «Золотой дуб» называется.

– Правду говоришь, – оживился Егорыч. – Пил я этот кофе – веником дубовым отдает. Вот-те че делают…

Я вспомнил, что и у меня дома стоит банка «Золотого дуба».

– Ну а потом, – продолжил егерь, – когда все шоколадки съедят, а «Золотой дуб» дуба даст , что делать? А все уж забыли, как жить надо…

Егерь Ухватов сделал паузу, осмотрел всех строгим егерским взглядом и сказал:

– А вот вам история Еремы! А? А там уже написано, как жили раньше и как жить надо!

Теперь все стало понятно. В самом деле, чего в деревне скучать или в городе болтаться – выбирай березу, дуб или сосну да щелкай орешки и закатом любуйся. А желаешь – ленков лови и чай заваривай из брусничных листьев. А деревьев в тайге много, на всех хватит.

Вот такой вышел разговор о деревьях и деревне.

Еще с полчасика сидели мы, говорили о том о сем, а когда Гришка и егерь Ухватов собираться стали, спросил я их:

– А вот скажите, есть ли хвост у кабана?

– Хвост-то? – переспросил Гришка и посмотрел на меня, прищурив глаз. – Хвост имеется, куда ж ему без хвоста.

И добавил, то ли в шутку, то ли всерьез:

– Мы их, свиней, по хвостам и считаем. Не по пятачкам же считать?!

Тут все заулыбались. И правда: считать хвостами – нормально, а пятачками – несерьезно, не по-охотничьи.

А перед самым уходом гостей Петров нырнул в палатку и вынырнул оттуда с банкой какао «Янтарная сосна».

– Возьмите, какавничать будете! – сказал Петров и отдал гостям банку. – Пейте на здоровье!

– Спасибо за хлеб, за соль! – поблагодарили гости и направились к кустарнику, из которого вчера и объявились.

Хвосты и водоросли

Еле заметная тропинка вела нас вдоль берега реки, лишь изредка углубляясь в чащу. Андрюха с Петрушей шли быстро, потому я еле поспевал за ними, то и дело тыкаясь удилищем в заросли. Тропу преграждали поваленные деревья, через которые я перелезал, напрягаясь и кряхтя. Иногда проваливался ногой в яму или спотыкался о трухлявый пень. И все-таки на сердце было легко от того, что шел я по зеленому лесу, слушал разговоры деревьев и птиц, видел блеск воды среди кустов шиповника или чубушника, вдыхал ароматы хвои и сырой листвы.

Наконец мы вышли из чащи и очутились в пойме, поросшей осокой. На другом берегу взметнулись под облака стволы ильмов и елей. Вода под берегом, под деревьями была черной. Где-то там, в темной глубине, терлись друг о дружку боками жирные ленки, поджидая неловкого малька.

Андрюха и Петруша быстро размотали удочки и забросали свои хитроумные наживки в воду. Опытные рыбоуды знали, где живет рыба: поплавки их снастей болтались не абы где, а на самой границе света и тени.

Пока я собирал удочку и разглядывал бабочку, присевшую на гальке, Андрюха выхватил из воды хариуса.

Это был толстобокий и увесистый хариус – в нем чувствовалась порода.

Я тут же выразил восхищение Андрюхиным хариусом, а Петруша при этом не повел даже ухом.

Через некоторое время в траве подпрыгивали и били хвостами уже несколько серебристых рыбин. Не было среди них только ленка.

«Непрост, ох непрост этот тертый крапчатый ленок, – подумал я. Стоит, небось, в темной воде под бревном да косит зеленым глазом: понаехали, мол, тут с коричневыми да зелеными мушками. Видали мы, мол, всяких…»

Наконец я собрал удочку. Несмотря на клев, я решил поискать другое место: занозой сидело во мне желание встретиться с Большим ленком.

– Вряд ли, – хмыкнул Петруша. – Ленок – рыба ночная. Вот медведей тут, наверное, навалом.

«Да уж, – струхнул я. – Бродят поди, выжидают».

Но, поразмыслив немного, все же решил подняться вверх по течению.

Уже за поворотом я обнаружил залом. Вода тут бурлила, пенилась и клокотала между бревнами. Вырвавшись же на простор, сверкала серебром, будто кто-то бросил в реку горсть рыбьей чешуи.

Я вспрыгнул на комель огромного тополя и глянул между бревен: глубока и черна была вода. А слева, в заводи, прозрачна и голубовато-зелена. И стайку хариусов увидел я в заводи: рыбы стояли носом против течения и шевелили хвостами.

Я размотал удочку и забросил снасть. Веселился, покачиваясь на воде поплавок, болталась пред рыбьими носами красная с золотыми крапинками мушка, но клева не было.

«Что за чертовщина?! – думалось мне. – Там ловится, здесь нет. Кознодеевы штучки».

Помучившись немного, я перелез на другое дерево, забросил удочку и растянулся на мшистом зеленом коврике старого тополя.

Солнце пригревало. В кронах деревьев переливались радужные кольца, которые сверкали ослепительными искорками и опускались все ниже, ниже…

Неожиданно набежали тучи. Вокруг потемнело. Кроны деревьев приблизились и окружили меня своими теплыми лапами. Щебечущий день быстро превратился в тихий вечер, который заговорил на своем глухом вечернем языке.

– Тебе не надоело валяться? – услышал я деревянный голос и увидел перед собой человека.

Это был капитан-двойник. Он сидел на ветке и побалтывал болотными сапогами.

– Хватит плавать по мелководью, – сказал капитан-двойник, не теряя деревянности в голосе. – Пора поднимать парус и выходить на большую волну. Или тебе нравится валять дурака?

Я был удивлен появлением малознакомого, но страха не почувствовал.

– Так ты хочешь или нет на большую волну?

– Но как? – спросил я каким-то трухлявым голосом.

– Я возьму тебя с собой, – ответил капитан, доведя деревянность в голосе до крепости дуба. – Я дам тебе бамбуковую удочку и ореховый этюдник. Хочешь – пиширисуй, а хочешь – складывай в этюдник рыбу. Мы будем шляться по морям и океанам…

Удивительно, но предложение капитана-двойника не показалось мне неожиданным. Идти в моря с этюдником и бамбуковой удочкой я был готов, но как оставить домашних? К тому же я не умею готовить кашу…

Я поднялся, спустил ноги с тополя и почесал небритость на щеке. Нужно решать…

Тут ветки зашевелились, и из багряной листвы высунулась голова егеря Ухватова.

– Надо держаться хвостов, парень, – произнесла ухватовская голова. – Зачем тебе эта сырость?

– Не слушай его, – сказал капитан-двойник надтреснувшим дубовым голосом. – У него в голове одни кедровые шишки. Тебе не нужны хвосты.

– Но в хвостах вся надёжа, – произнес егерь и выставил из листвы шишкообразное плечо.

– Не надо! – дубовато бухнул капитан. – В океане простор, ветер, йодированные водоросли… А хвосты приведут тебя в стадо.

– А чем плохо стадо? – спросил егерь Ухватов и выставил из листвы второе шишкообразное плечо.

– Чем? Стадо – это рога, копыта, зов пастуха, а ему нужна крепкая палуба и морские узлы, – не теряя взятого направления, продолжал капитан-двойник.

– Из хвостов тоже можно вязать морские узлы, – не унимался егерь.

– Ха… Кому нужны на суше морские узлы? – отбивался капитан.

«На суше, на море, – подумал я, слушая капитана и егеря. – Я-то чего хочу? Крепкий хвост или йодированную водоросль? Никогда не задумывался над этим, да, видно, пришло время разобраться в себе: хвост или водоросли, водоросли или хвост?»

Тут я почувствовал в руках что-то твердое и дрожащее – это был кабаний хвост.

«Все-таки подсунул мне хвост шустрый егеришка», – подумал я.

Хвост вырывался из рук и тянул за собой. Я сжал его крепче и приоткрыл глаза. Кабаний хвост быстро превратился в бамбуковую удочку, которая трепыхалась в моих ладонях. Вместе с хвостом исчезли капитан-двойник и егерь Ухватов, а солнце растопило вечернюю мглу.

Я дернул удочку и выхватил из воды жирного ленка. Уже через полчаса в моем ведерке на берегу обживалось больше десятка ленков…

«Да… наваждение, – подумал я, вспомнив капитана-двойника, когда клев неожиданно прекратился. – Есть что-то в Кум-Куме, раз пуговица сработала. На пару с Кознодеем стараются, подбрасывают свои штучки».

Но скоро я забыл о хвостах и водорослях, сосредоточившись на поплавке. Мне хотелось поймать еще пару рыбин, хотя и без того настроение было хорошим – не каждый день отлавливаешь ведро ленков. На поплавок вновь замер посреди бревенчатой заводи.

Авдотька и медведи

Устав глядеть на поплавок, я переключился на куликов, бродящих по песку. У воды обитает множество птиц, но любопытней всего для меня кулики. Особенно болотный, красноногий…

Как-то с отцом в час безрыбья мы так же сидели на берегу речушки и смотрели на речную рябь. День был серый и мокрый.

И тут появился красноногий кулик. Сначала он прыгал по кочкам, обросшим кустами, то и дело опуская нос в жидкую грязь, а затем перебрался на песчаный берег.

– Авдотька – кулик болотный! – сказал, повеселев, отец. – Красив! Все скопом живут, а этот один… Щеголь!

Я стал разглядывать кулика: серый с черными пестринами верх, белый низ. А еще светлая полоска на крыле и длинные красные ноги…

«И правда красив!» – подумалось мне.

– А что за имя такое – Авдотька? – спросил я отца.

– Не знаю, – выждав, ответил отец. – Может, от Авдотьина дня, что в августе… На него обычно дожди выпадают, а кулик, он сырость любит.

Я и отец смотрели на кулика-авдотьку, который бродил по берегу и выковыривал из песка то червячка, то козявку.

– А еще авдотькой, – продолжил отец, – рыбу-лежень и полевой хмель называли… Сейчас уж не знаю как…Все меняется.

«Меняется, – подумал и я. – И неясно: хорошо это или плохо? Могло бы уж что-нибудь и не меняться».

Я посматривал то на куликов, то на поплавок и вспоминал давнюю рыбалку, когда за спиной послышался шум.

Я оглянулся и похолодел от ужаса: у ведра с рыбой копошился огромный зверь. Он был лохмат и многоголов. Зверь фыркал и шерудил лапами в ведре.

Я окаменел.

Но зверь как будто не видел меня: он жрал ленков тремя головами. Я затаился, разглядывая гидру и дрожа от страха.

Нажравшись, гидра развалилась на части: медведицу и двух медвежат.

И в этот момент дернулось удилище – клюнула рыба. Слабо соображая, я рванул снасть. Большой ленок, вылетев из воды, сорвался с крючка и, описав дугу, шлепнулся рядом с медведями.

Медвежата тут же захрустели ленком, а медведица подняла морду и посмотрела в мою сторону.

«Бежать! – мелькнула мысль. – Догонит! Главное – не смотреть в глаза! – лихорадочно думал я. – Спокойно! Лови рыбу… лови рыбу! Не смотреть…»

Я судорожно воткнул поплавок в бревенчатую заводь, и его тут же повело. Взмахнув удочкой, я выхватил второго ленка. Он, как и первый, исполнив дугу, упал рядом с медведями…

Краем глаза я видел неподвижную медведицу и, набросившихся на рыбу, медвежат.

«Закормлю!»

С этой панической мыслью забросил я удочку в третий раз.

И ленок не подвел… Третьего моего ленка слопала медведица.

Теперь медведи сидели на берегу и ждали рыбу, а я все забрасывал и забрасывал удочку…

Такого самопожертвования от рыбы я не ожидал – ленки прикрыли меня собой.

Трудно сказать, сколько продолжался «медвежий» клев. Но вот медведица поднялась, потянула носом воздух и заковыляла прочь. Медвежата побежали за ней. Остановившись у безрукой коряги, медведи поковыряли гальку, а затем побрели дальше.

Еще дважды останавливались они на берегу, пока не повернули в чащу и не скрылись в кустах орешника.

Я тут же слетел с тополя, схватил ведро и приударил в противоположную сторону. За поворотом я увидел Андрюху с Петрушей, которые сматывали удочки.

– Поймал что-нибудь? – поинтересовался Андрюха.

Я открыл рот, чтобы произнести слово, но не смог: на меня будто свалился мешок картошки.

– Что с тобой? – почувствовав мою мешковатость, спросил Андрюха. – Смотри, какой бледный.

Я по-прежнему открывал рот, но слова упирались и не шли наружу. Меня стало трясти.

Андрюха с Петрушей переглянулись.

– Мед-ведь, – наконец выдавил я.

– Быстрее отсюда! – взвизгнул Петруша и ускорил собирание пожиток.

И мы, выстроившись гуськом, бодро зашагали по тропе. Хотя бодро шли Андрюха с Петрушей, а я шел в серединке раненым бойцом: картофельный куль давил на плечи, а отдельные картофелины, путая мысли, кружили в голове…

Керосиновый клещ

Петруша, Андрюха и Егорыч к рассказу о «медвежьей» рыбалке отнеслись по-разному: кто-то посмотрел на меня прищурив глаз, кто-то ухмыльнулся в усы… Поверил лишь Петров.

– Однажды, – сказал Петров, – когда я промышлял тайменя в верховьях Анюя, рядом рыбачил медведь. И когда у него пропал клев, я предложил ему свое место, свой улов и даже…удочки.

Петров потеребил ус и продолжил:

– В рыбацком деле важна взаимопомощь! А тут накормлена целая семья!

Речь имела успех: я заслужил жидкие аплодисменты.

«Верьте не верьте, – думал я, – главное, что наловил ведро ленков, медведя увидел и цел остался».

Я сидел у костра, грыз баранки, немного радовался и чуть-чуть жалел себя.

«Даже ведро не бросил!» – размышлял я.

Над тайгой в это время взошла бесприютная луна, осветив берег и реку серебристым светом. И роковая печаль разлилась по медвежьим углам.

– Эх! – выдохнул я, громко хрустнул баранкой и хлебнул стоградусного чая, даже не дунув на него: наверное, от легкой обиды на свою нелепую жизнь с полоумными медведями, бумажными яхтами и холстами, раскрашенными не в те цвета…

Трещал костер, разгораясь ярче, гуще становилась темнота. Я жевал баранку, не ощущая вкуса, запивал чаем и смотрел на огонь.

– Чего не спишь? – раздался голос Егорыча.

– Не хочу, – ответил я.

– Напереживался.

Егорыч подошел к костру, держась за поясницу.

– Но молодец, я бы побег.

Я промолчал.

– Пора домой, на печку, – продолжил Егорыч, ощупывая перцовый пластырь, налепленный на спине. – Поясница – верный признак.

Я посмотрел на Егорыча, облепленного пластырями.

Как-то любили Егорыча пластыри, не желали с ним расставаться: казалось, что пластырь с лысины старого плотохода незаметно съехал к нему на спину.

А поутру природа подала и вовсе определенный знак: Петрова укусил клещ. Он коварно вцепился в капитанскую грудь ночью.

Мы тут же окружили Петрова и стали соображать, что делать с клещом.

Петруша предложил обмазать его зубной пастой, а Егорыч – залить керосином.

– Верно! – поддержал я. – Пусть сначала погибнет от удушья, а потом захлебнется в керосине.

После моих слов Андрюха ухмыльнулся и добавил:

– А если не захлебнется, мы его подожжем – пусть сгинет в огне.

Я тут же представил себе керосинового клеща, который мечется в дымящихся кущах капитанской груди, и мне стало жалко Петрова.

Но Петров был мужественно спокоен.

– Пассатижи! – коротко сказал он.

Петруша подал инструмент.

Петров взял пассатижи и, применив правило буравчика, выдернул кровожадное насекомое.

Тень, бродившая по лицу капитана с утра, сошла на нет. А через мгновение уже бодрым голосом Петров дал команду трубить сбор.

Когда солнечный луч ударил в макушку, плот отчалил от берега. Тут же он был подхвачен быстрыми водами Чуи и весело, с удалью, помчался вниз по течению реки.

Я снова сидел на своем месте и вертел головой, но уже не чувствовал себя странствующим пассажиром. В какой-то миг я ощутил себя членом команды резинового корабля и в глубине души даже простил кораблю его воздушность и отсутствие паруса.

Долго плыли мы: может, час, может, два. Только когда день стал затухать, Петров изрек:

– А не завернуть ли нам в гости к деду Авдею? Дед Авдей – мужик хороший.

– Отчего же не завернуть, – согласились мы. – Завернем, раз мужик хороший.

Дед Авдей

Сказано – сделано. Не успел я расспросить Петрова, кто такой дед Авдей, как открылось нашему взору целое хозяйство на берегу: избушка, банька, лодка и даже пчелиные ульи, которые прятались в траве крошечной деревенькой.

Приставал «Кижуч» к берегу под громкий лай собак. Хвосты же у собак закручивались кольцами, будто ручки у кружек.

На лай собачий высунул голову из избушки и сам хозяин, дед Авдей. Сначала он прищурился, осмотрел нас, пришельцев, а потом заморгал глазами-бусинками, засветился серебристой щетиной. И тут же прикрикнул на собак:

– Чего разбрехались? Ишь! Чай хороших людей от плохих не отличаете?

Узнал дед Авдей Петрова – видно, не впервой гостил Петров в этом доме. И сразу спросил:

– Помогла тебе настойка или как?

– Спасибо, Авдей Кондратьевич! Помогла! С год уже как новенький хожу! – кинул леща деду Авдею Петров.

– А то как же! – весело воскликнул дед Авдей и пригласил всех в дом.

По душе пришелся мне дом деда Авдея: неказистый снаружи, да приглядный внутри. У окна и по стенам – занавеси из лесных трав, в углу – ружье, на топчане – медвежья шкура.

А еще на столе самовар. Не маленький, электрический, а большой, настоящий, с трубой-кочергой, причудливыми ручками и ажурным вентилем на кране.

Захотелось мне попить чаю из этого самовара, но дед Авдей распорядился по-своему: сначала в баньку, а уж потом дойдет очередь и до самовара.

Так и сделали: натаскали с речки воды, растопили березовыми поленьями печурку, а когда из щелей баньки пошел дым да пар, нырнули в парилку.

Ох и охаживали мы себя березовыми и дубовыми веничками, пока не стали красными, как вареные раки. Даже глаза у нас стали рачьи: выпученные и круглые. А Петрова с Андрюхой и вовсе было не отличить от ракообразных, когда они, растопорщив усы, выскочили из баньки и стали пятиться к реке. Лишь окунувшись в холодную воду, они приняли человеческий облик, и то ненадолго, потому как опять стали хлестать себя вениками без устали и наливаться красным рачьим цветом.

А после баньки расселись мы вокруг самовара. Сидим, отражаемся в самоварных зеркалах, а он пыхтит, раздувает латунные щеки.

Я же пристроился между столом и окном: то в окошко погляжу, тихому закату порадуюсь, то в самовар глянусь, над собой посмеюсь.

Крутил я так головой туда-сюда, от чая отдувался, пока не обратил внимание на толстый слой серого вещества между стеклами. Присмотрелся получше…

Что за ерунда?! Никак не пойму, что это такое.

– Что это в окне между стеклами? – наконец отважившись, спросил я деда Авдея.

– Да комары это, – ответил дед Авдей. – Сушеные.

– И что же вы их не уберете?

– А зачем? – пожал плечами дед Авдей, удивляясь моей наивности. – Когда делать нечего, я им носики обрываю, настаиваю да пью помаленьку.

Все тут же смерили деда Авдея провизорскими взглядами, и над столом повис немой вопрос…

Даже самовар перестал пыхтеть и затаился.

– Для чего? – наконец хором спросили мы.

– Как для чего?! – ответил дед Авдей. – Чтобы летать!

Мы переглянулись. Самовар же тихонько засвистел.

– А зачем человеку летать? – после паузы, как бы поддерживая шутку, спросил я. – Человек по земле ходить должен.

– Ходить должен, – согласился дед Авдей и на мгновение задумался. А потом добавил, прищурившись:

– И летать тоже – хоть маленько, хоть как пичужка малая. А то всю жизнь будешь к земле жаться…

– Так мы же не ангелы, чтоб крылышками махать, – вставил Петруша.

– Ангелы – другая песня. А у тебя, паря… дай-ка пощупаю, – дед Авдей протянул руку и пощупал Петрушины лопатки, –…у тебя, паря, крыльев нет – будешь всю жизнь березовым веником махать.

Все сразу приосанились, заерзали лопатками, пытаясь ощутить крылья – вениками махать никому не хотелось.

– А вот у него есть! – показал пальцем на меня дед Авдей. – только хромает на одно крыло… Но ничего – я тебе настойки дам. Человек, он иногда в облаках летать должен.

«Да, – подумал я. – Может, и были крылья, только где они сейчас – разлетелись по перышку».

Далее разговор с небес опустился. Особенно после того, как зажгли керосиновую лампу и отведали дедаавдеева угощения: картошечки да самоварного чая.

Мы тоже были не лыком шиты: угостили деда Авдея ленками.

– Хороши ленки! Молодцы! – похвалил дед Авдей непонятно кого: то ли нас за то, что поймали ленков, то ли ленков за то, что они хороши. Но неважно это. Все равно приятно было услышать такие слова от хорошего человека деда Авдея.

Сидели мы, ели картошечку и говорили о предстоящем лете и будущих грибах, а я все старался понять: смог бы я здесь летать, как дед Авдей, на берегу таежной реки, и в чем тогда был бы смысл моих летаний?

И ничто путного мне в голову не лезло, пока разговор сам на эту колею не вышел.

– И хочется тебе, Кондратьич, тут куковать? Какой смысл? – спросил Петров деда Авдея.

– А я тебе вот как скажу, – ответил дед Авдей. – Смыслов их вон сколько – в темном углу, под печкой – один смысл, меж болотными кочками – другой, а уж между березами или в синем небе – десятый, двадцатый. Так что лови-хватай, какой по нраву, выбирай по вкусу. И тут уж каждый сам решать должен,: какого смысла ему придерживаться…

Я посмотрел в окно. На тайгу опустилась ночь, и в стекле, среди отражений самовара и керосиновой лампы, объявилась полная луна. Большая белая бабочка ударилась в стекло. Я вспомнил о Димке и Наталье: как они там без меня? И почувствовал, что в избушке стало душно… Может быть, от керосиновой лампы, а может, от жаркого самовара. Я открыл окно.

– Комары сожрут, – возмутился кто-то.

Я не ответил, а вдохнул ночной воздух, наполненный ароматом липы и трав, посмотрел на зеркало реки, на чернеющий на сопке лес, подумал о том, что не мешало бы в этом году съездить со своими на море, а еще, как хорошо, что сейчас только июнь и впереди целое лето…

Дом народного творчества

Фото Игоря СИМОНОВА

О главном

В.М. Данилова и И.А. Тарасова на закрытии Всероссийского фестиваля любительских театров «Дальневосточный бенефис»

В ожидании Года культуры

Год назад мы рассказали о мероприятиях на 2013 год и теперь с радостью и не без гордости можем отчитаться перед вами: все задуманное и запланированное выполнено. И даже чрезвычайное положение, объявленное в Хабаровском крае в связи с небывалым наводнением, не внесло ощутимых изменений в плотный график конкурсов и фестивалей. Сегодня в преддверии Года культуры мы строим новые планы, которые будут способствовать развитию народного творчества в нашем регионе. В Год культуры будет вестись работа по сохранению всех жанров народного творчества, так же как и все предыдущие, он будет насыщен яркими мероприятиями, которые запомнятся не только их участникам, но и зрителям.

А откроет наш фестивальный год событие, посвященное приближающемуся юбилею Великой Победы. Летом в Курске, в дни празднования 70-летия Курской битвы, стартовал Всероссийский фестиваль народного творчества «Салют Победы», в открытии которого принимал участие премьер-министр России Д.А. Медведев. В феврале в Хабаровске в торжественной обстановке состоится открытие его краевого этапа. Этой дате будет посвящен и наш ежегодный традиционный фестиваль популярной песни «Нам рано жить воспоминаниями», на котором, не сомневаюсь, прозвучат лучшие песни военных лет в исполнении старшего поколения участников художественной самодеятельности, многие из которых хорошо известны и любимы хабаровскими зрителями. Затем всех любителей хоровой музыки ждет увлекательное красочное онлайн-шоу, а в апреле мы приглашаем талантливых исполнителей эстрадной песни принять участие во Всероссийском конкурсе исполнителей эстрадной песни «Голоса XXI века».

В мае, накануне Дня города, в Хабаровск вновь приедут лучшие военные оркестры России, а также стран ближнего и дальнего зарубежья, чтобы в третий раз принять участие в Международном фестивале военных духовых оркестров «Амурские волны». Одновременно пройдет и Всероссийский конкурс гражданских духовых оркестров. И опять на целую неделю Хабаровск окажется во власти духовой музыки, которая будет звучать на улицах и площадях нашего любимого города воинской славы.

В июне, июле и августе детей из творческих коллективов ждут краевые смены «Дети Амура. Жизнь и творчество», «Славянский дом», «Юный дальневосточник», а также краевой фестиваль-эстафета обрядовых и фольклорных праздников коренных народов Амура «Бубен дружбы», местом проведения которого станет село Вознесенское Амурского муниципального района.

Осень – это фестиваль национально-культурных центров «Лики наследия», Всероссийский фестиваль детских театральных коллективов «Хабаровские театральные встречи», Дальневосточный фестиваль исполнителей народной песни «Традиции живая нить».

Уже сейчас наши коллективы приглашаются на конкурсы и фестивали, которые проходят за пределами края. Десять детей, обладающих яркими вокальными данными, поедут на зимние Олимпийские игры в Сочи, чтобы принять участие в сводном хоре на закрытии игр. Во Владивостоке пройдет региональный этап Всероссийского фестиваля народного творчества «Салют Победы», где от Хабаровского края ожидается театрализованное представление, посвященное этой великой дате.

Так что наступающий год принесет немало интересных событий в культурную жизнь Хабаровского края, и хочется видеть как можно больше ярких творческих коллективов из районов края на наших мероприятиях. Ждем вас, дорогие друзья!

Варвара ДАНИЛОВА,
директор Дома народного творчества ГАУК «КНОТОК».
Фото Елены КОСТЮЧЕНКО

Образцовый детский коллектив Министерства образования и науки РФ ансамбль танца «Мазлтов». Биробиджан

Фото Игоря Симонова

Хореографический ансамбль «Махаон». Танец «Лотосы». Хабаровск

Фото Игоря Симонова

IX Международный фестиваль хореографического искусства стран Азиатско-Тихоокеанского региона «Ритмы планеты»

Шекспир, Лопе де Вега, «Дальневосточный бенефис»...

Открытие фестиваля

Елена КОСТЮЧЕНКО
Фото автора

В Хабаровске завершился Всероссийский фестиваль любительских театров «Дальневосточный бенефис», который проходил в краевой столице со 2 по 6 октября. В нем приняли участие 11 любительских театральных коллективов из Республики Саха (Якутия), Хабаровска, Комсомольска-на-Амуре, Благовещенска, Южно-Сахалинска.

Актер Майинского народного театра Спиридон Григорьев получает награду за лучшую мужскую роль

Яркие театральные постановки смогли увидеть все желающие, посетив в дни фестиваля конкурсные просмотры в Хабаровском краевом театре драмы и комедии. Большое количество отзывов получила постановка Майинского народного театра им. народного артиста СССР Д.Ф. Ходулова из Республики Саха (Якутия) – «Отелло» по Уильяму Шекспиру. И хотя спектакль играли на якутском языке, известный сюжет позволил понимать происходящее на сцене без перевода, а прекрасная игра актеров-любителей не оставляла сомнений, что великий драматург именно такими изобразил своих героев.

Жюри фестиваля под председательством Всеволода Богатырева – доктора искусствоведения, профессора, декана факультета искусств Санкт-Петербургского института экономики, культуры и делового администрирования, доцента Санкт-Петербургской театральной академии, отметило постановку комедии Лопе де Вега «Собака на сене» народного театра «Глобус» Амурского государственного университета (Благовещенск) и трагедию А. Ставицкого «Трагический поединок» в постановке народного театра «Криница» (Комсомольск-на-Амуре). «Было трудно, но мы старались рассудить это

Хореографический номер Майинского народного театра имени народного артиста СССР Д.Ф. Ходулова. Республика Саха (Якутия)

творческое состязание», – сказал от имени жюри Всеволод Богатырев.

В рамках фестиваля народный театр «Глобус» дал благотворительный спектакль в центре «Созвездие» для детей, пострадавших от паводка. «Очень приятно, что участники фестиваля не остались равнодушными к трагедии, произошедшей в нашем регионе, – поделилась доцент, заведующая кафедрой сценической речи Хабаровского государственного института искусств и культуры, член жюри фестиваля Наталья Москвитина. – Пострадавшим от паводка сейчас необходимы поддержка и внимание. Они должны знать, что рядом с ними есть люди, готовые помочь».

Итак, лауреатами фестиваля стали: народный театр «Криница» (руководитель Нина Аюпова, г. Комсомольск-на-Амуре) – за спектакль «Трагический поединок», народный театр «Диалог» (руководитель Галина Коваленко, управление культуры и искусств Советско-Гаванского муниципального района) – за спектакль «Фрекен Жюли», театр-студия «Алый парус» (руководитель Сергей Кидин, Дворец детского творчества «Маленький принц», г. Хабаровск) – за спектакль «Когда кончается лето», образцовый театральный коллектив «Веснушки» (руководитель Марина Ефремова, центр театрального искусства «Бенефис», г. Хабаровск) – за спектакль «Шиш».

«Мы рады, что этот фестиваль прошел успешно, – поделилась в интервью заведующая отделом театрального искусства Государственного Российского Дома народного творчества Марина Куц. – Отрадно, что на Дальнем Востоке есть профессиональные режиссеры и сильные любительские театры, которым под силу даже сложнейшие классические постановки». А в своем выступлении на церемонии закрытия фестиваля отметила: «Спасибо режиссерам за их смелость. Очень важно и нужно – а самое главное, надо иметь большое мужество – работать в любительском театре. Но еще сложнее отвечать за то, что вы сделали. А вы молодцы! Вы умеете держать удар так же, как умеете делать замечательные спектакли».

От имени Государственного Дома народного творчества Марина Куц пригласила для участия во Всероссийском фестивале сельских театральных коллективов Майинский народный театр им. народного артиста СССР Д.Ф. Ходулова из Республики Саха (Якутия) с постановкой «Отелло» У. Шекспира и во Всероссийском фестивале «Успех», который пройдет в мае 2014 года в музее-заповеднике А.Н. Островского – образцовый театральный коллектив «Веснушки» Хабаровского центра театрального искусства «Бенефис» со спектаклем «Шиш».

Сцена из спектакля «Шиш» образцового театрального коллектива «Веснушки»

События

Феерия «Бубна дружбы»

Надежда КИМОНКО

В национальном селе Булава Ульчского района в июле 2013 года состоялось торжественное открытие краевого фестиваля-эстафеты фольклорных и обрядовых праздников «Бубен дружбы». Шестнадцатый по счету фестиваль собрал шестнадцать творческих коллективов и солистов из г. Хабаровска, Хабаровского, Нанайского, Амурского, Комсомольского, Ванинского, Ульчского районов Хабаровского края.

Программа фестиваля была очень насыщенной и интересной. На конкурсном просмотре творческих коллективов участники фестиваля представили зрелищные и интересные выступления: инсценированные песни, скороговорки, танцы, легенды и сказания народов Приамурья. Особенно запомнились зрителям нанайские песни в исполнении Ноябриста Гейкера, интересные постановочные фольклорные номера ульчских ансамблей «Гива», «Хоста», «Диро», нанайских коллективов «Сиун», «Нани» и др.

Богатой по разнообразию произведений декоративно-прикладного искусства стала выставка народных мастеров «Пакчи», где были представлены творческие работы как ведущих профессионалов, так и начинающих. В программе фестиваля проходили также конкурсы национальной кухни и национальных жилищ «Хамира». Жительницы Булавы Ульчского района, Верхнего Нергена, Найхина Нанайского района представили гостям праздника самые редкие и оригинальные национальные блюда.

Продолжением фестиваля стал гала-концерт фестиваля «Бубен дружбы». Во время выступления коллективов, на большом экране транслировались видео- и фотосюжеты самых ярких моментов фестиваля. А завершился «Бубен дружбы» факельным шествием творческих коллективов, обрядом кормления духа огня Подя, фееричным огненным шоу и праздничным фейерверком.

Фото из архива КНОТОК

Маленький садик

Декоративно-прикладное искусство

Фантазии из ярких картинок

Тамара Ивановна Долганова делает яркие картины из журнальных вырезок и открыток. Она придумывает миры, в которых обитают райские птицы и крылатые рыбы, а на полянах растут фантастические грибы. И это очень похоже на сны. Таким Тамара Ивановна видит мир – ярким и радостным, и своей радостью она поделилась на выставке «Моя вселенская красота», которая проходила в Арт-подвальчике Хабаровского краевого благотворительного фонда культуры.

Все наоборот, или Пикирующий бомбардировщик

Тамара Ивановна Долганова родилась в Хабаровске в 1938 году, в 1958-м закончила Хабаровский горный техникум, получив специальность техника-строителя. Она работала штукатуром, маляром, строительным мастером в разных строительных управлениях, в том числе на Сучанской ГРЭС, преподавала в профессионально-технических училищах в Хабаровске, Еврейской автономной области, Чукотском автономном округе. Позднее работала старшим инженером по технике безопасности в Хабаровском домостроительном комбинате, на заводе объемно-блочного домостроения и в УМР-3 треста механизированных работ, а потом, до ухода на пенсию, служила страховым агентом.

С детства Тамара Ивановна собирала красивые картинки, а став взрослой, покупала книги по искусству, выписывала большое количество журналов. Она поклонница фантастики, кино, изобразительного

Маски. 2009

искусства. Ее любимые картины – «В голубом просторе» Аркадия Рылова и «Земные праотцы» Николая Рериха, любимая книга – «Русь Великая».

Как говорит сама Тамара Ивановна, красота в той или иной степени была в ее жизни всегда. И еще непреодолимое желание творчества. Она фантазировала, экспериментировала в разных техниках. Так родилось большое декоративное панно к Новому году для детей, выполненное акварелью, появились забавные клоуны на стекле масляными красками, мультяшные герои из поролона, расписанного акварелью. А в 2009 году она стала создавать свои картины. Представляя зрителям персональную выставку «Моя вселенская красота», Тамара Ивановна сделала это, прежде всего, в память о своих предках – крепостных крестьянах: «Я их гордость и крепость духа и силы воли. Я их память, их след на земле…»

Семар и его сыновья Гаренг, Багонг, Петрук

«…И оживают куклы»

Татьяна ТРИШКИНА

Кукольный театр ваянг – одно из самых любимых зрелищ у народов Индонезии. И еще одна яркая составляющая традиционного искусства островов Ява и Бали.

Представление теневого театра

Яванский театр теней возник более тысячи лет назад на основе ритуала поклонения умершим предкам. Существовало представление, что ушедшие в мир иной обладают магической силой и могут оказывать потомкам покровительство и помощь. Первоначально в каждом доме люди вызывали души умерших предков, задабривали их угощением и благовониями. Это делал у яванцев, как правило, глава семьи в собственном доме. Позже это стало миссией определенных людей – жрецов, шаманов, а потом появилась специальная профессия – кукловоды, или *даланги*. В Индонезии представление театра теней всегда было традиционным ритуальным действом, а не развлечением. Кукловод-даланг приравнивался к служителю культа. Он оживлял кукол, читал текст, выполняя все это с огромным достоинством. Театр теней назывался *ваянг кулит* или *ваянг полек* (в зависимости от типа кукол). Слово «ваянг» обозначает всякое театральное искусство, но оно также означает и «тень», поэтому название яванского театра теней можно перевести и «театр теней бо-

Куклы деревянные объемные ваянг голек *Рама и Сита.*
Из коллекции Т. Тришкиной

гов», и «театр умерших предков». Представления теневого кукольного театра – один из самых распространенных и любимых видов искусства в Индонезии. Еще в VIII веке представления сцен из известных индийских эпосов «Рамаяна» и «Махабхарата» разыгрывались далангами для пропаганды идей и ценностей индуизма. И сейчас в Индонезии народ хорошо знает героев древних эпосов, давно ставших излюбленными персонажами теневого театра ваянг. Так, Арджуна, Рама – положительные, добрые герои, олицетворяющие смелость, отвагу, справедливость. А Равана – зло, коварство, жестокость. Есть и представления с мусульманскими героями, порой комичные, но всегда поучительные. Еще одна группа известных персонажей ваянг – Семар и три его сына: Гаренг, Багонг и Петрук. Их еще называют *понокаваны*. Несмотря на внешнюю уродливость, это мудрые и преданные слуги и учителя знатных рыцарей и особ королевской крови, воспитатели подрастающего поколения богов. Театр теней ваянг проповедует жизненную мудрость, идеалы добра, а порой помогает решать назревшие в стране экономические и социальные проблемы, например снижение рождаемости (в Индонезии сейчас около 250 миллионов человек при общей площади 1,9 млн кв. км).

Куклы теневого театра настолько выразительны, что легко можно отличить добрых и злых героев. У благородных рыцарей (кшатриев) и особ королевской крови длинная шея, тонкий стан, непропорционально длинные руки, лицо и туловище золотистого или белого цвета, у отважного воина – черного. Сжатые губы означают остроту ума, голова украшена изысканным головным убором или прической. У коварного злодея (например Раваны) лицо красного цвета, оскаленный в улыбке рот, короткие толстые ноги. У труса лицо зеленого цвета.

Все куклы теневого театра, кожаные и деревянные, относятся к тростевым. Теневых кукол ваянг кулит вырезают, как правило, из кожи буйвола. Кожу растягивают так, чтобы она стала тонкой, почти прозрачной, выбивают специальными инструментами тончайший сквозной узор, потом промасливают и раскрашивают, кожаные фигурки делают с подвижными сочленениями рук, к которым прикрепляют палочки. Актер держит куклу одной рукой за основную трость, а другой – за эти палочки, водит куклой близко к экрану. Снизу на экран подается свет, цветные тени ажурных, тонко вырезанных кукол выглядят фантастически красиво на освещенном полотне, они оживают и кажутся объемными. Звуки народных музыкальных инструментов яванского оркестра *гамелан* усиливают торжественность, значительность этого таинственного действия. Такой оркестр есть даже в самой маленькой индонезийской деревне. Музыка в исполнении гамелана непривычна для европейцев, ее темп и громкость постепенно нарастают от тихих волшебных звуков, словно

Оркестр гамелан

Кукла кожаная ваянг кулит *Злодей Равана*

Кукла кожаная ваянг кулит *Кришна*
Из коллекции Т. Тришкиной

растворяющихся в пространстве, до впечатляющих громких ритмов, затем так же медленно затихает. Высокие женские голоса ведут сольную партию, порой без слов.

Бывают и черно-белые теневые спектакли *ваянг голек* и *ваянг клитик*: белое – это освещенный экран, а черное – тени кукол, сделанных из дерева, которое не пропускает света. У кукол ваянг голек, деревянных объемных кукол, голова поворачивается с помощью вставленной в нее деревянной трости, за которую кукловод держит куклу снизу, одета она в традиционную яванскую юбку *саронг* из ткани батик. К рукам так же подвижно привязаны палочки. В паре Раму и Ситу различают по богатству головного убора: у Рамы головной убор более высокий, искусно вырезан и раскрашен, у Ситы – чуть ниже, другой формы. Другой тип – деревянные плоские куклы ваянг клитик. Искусно выполненный вручную рисунок на черном фоне с обеих сторон, традиционные мотивы юбок саронг, те же подвижные соединения на руках и основная трость внизу.

Очень интересна и необычна сама форма яванской плоской куклы теневого театра ваянг, в изготовлении которой применен плоскостной разворот фигур с изображением головы, рук и ног в профиль, а плеч и торса – в фас. Такое условное расположение тел в пространстве выглядит очень выразительно при свободном перемещении кукол вдоль экрана. У кукол удлиненные руки с большими кистями и острыми локтями, согнутые в коленях ноги и выдвинутая голова на длинной шее.

Кукол яванского театра теней можно увидеть в музее театральных кукол Государственного академического центрального театра кукол (ГАЦТК) в Москве и… в галерее современного искусства «Метаморфоза» города Комсомольска-на-Амуре, где они живут уже восемь лет, бесконечно радуя взрослых и детей.

Первых кукол для своей коллекции я купила в Индонезии в 2004 году, когда мы с мужем жили на острове Ява в течение года. Во время очередной экскурсии к храму Боробудур увидела у уличного торговца необыкновенных экзотических кукол с деревянными головами, в длинных юбках из ткани батик. В руках мужчины кукла мгновенно ожила: несколько поворотов головой, движения рук – нас поприветствовали и поклонились, окончательно очаровав и покорив. Стали выбирать куклу, у которой юбочка красивее, и вдруг – торговец, глаза к небу, печаль на лице: «Мадам, мистер, это же Рама и Сита, они так долго друг друга искали, а вы хотите их разлучить!» Действительно, как можно? Покупаем обе куклы, по богатству головного убора учимся различать Раму и Ситу. Позже я узнала, что это деревянные объемные куклы яванского теневого театра ваянг голек. Затем появились плоские деревянные куклы ваянг клитик с тонко выполненным с обеих сторон узором, тоже Рама и Сита. Друзья сказали, что это батик на дереве. При первой же возможности съездили в деревню на Центральной Яве, где делают деревянные сувениры в этой технике – кукол, маски, подносы, зеркала и даже сандалии сабо.

В студии Хади Сукирно

А вот встреча с волшебными куклами из кожи буйвола ваянг кулит произошла в 2007 году в студии Хади Сукирно на Центральной Яве. Сначала я обошла магазин, полный подлинных сокровищ (ну чем не пещера Аладдина!): кожаные куклы, картины, выбитые на кожаных полотнах и обрамленные массивным деревянным багетом, мастерски вырезанным вручную, ширмы, ажурные веера, абажуры и многое другое. Здесь же идет неспешная беседа за чашкой чая, весело щебечут птицы в клетках. Зашедший к хозяину солидный американец сказал мне, что покупает кукол только здесь, это самая надежная студия, у хозяина и своя мастерская есть. Отправились в мастерскую, где Хади Сукирно любезно показал мне весь процесс изготовления кожаных кукол. Снимала камерой больше часа, едва веря своим глазам. Как по мановению волшебной палочки, из бесформенного куска тщательно выделанной воловьей кожи рождается ажурное чудо – кукла. А позже меня пригласили в зал, где проходят представления теневого театра, да еще и свой оркестр гамелан есть у хозяина с полной труппой музыкантов! В тот раз моя коллекция пополнилась двумя кожаными куклами (опять же Рама и Сита!). Через год, во время очередной поездки на Яву, к ним добавились два отважных воина, герои «Махабхараты» Арджуна и Кришна. Показывая кукол в родном Комсомольске-на-Амуре в галерее «Метаморфоза», часто слышала от детей и взрослых вопрос, как же выглядят отрицательные герои «Рамаяны» и «Махабхараты». И вот в апреле

Ки Мантеб Сударсоно

Куклы деревянные плоские ваянг клитик *Рама и Сита*

Батик на дереве. Из коллекции Т. Тришкиной

2013 года привезла кожаного Равану – злодея, коварного ракшаса, который украл у Рамы любимую жену Ситу. Как и положено по канонам, у Раваны лицо красного цвета, толстые ноги и оскаленный рот. Надеюсь, что появится у меня и достойный Хануман, царь обезьян, необыкновенно выразительный персонаж с белым лицом благородного героя (он помог Раме вызволить Ситу из плена Раваны).

В Индонезии представления теневого театра проходят как в специальных залах с профессиональным оборудованием, так и в сельской местности на площади, где просто натянуто белое полотно, стоят светильники, народ рассаживается вокруг экрана. Можно увидеть и цветные тени на экране, и сам процесс манипуляции куклами, то есть закулисную сторону спектакля. Можете даже сами поиграть на музыкальных инструментах. Кукловод-даланг сидит лицом к экрану, перед ним в центре срубленного дерева банана – *гунунган*, мировое дерево или символ мира и вечности гора *Меру*. В отверстиях по левую сторону от гунунгана располагаются отрицательные персонажи, по правую – положительные. В Индонезии кукловод должен быть настоящим виртуозом, ведь он ведет весь спектакль один, поочередно используя нужных кукол. Так, в представлении некоторых сюжетов «Махабхараты» участвуют более 200 кукол. Кукловод водит куклой близко к подсвеченному экрану, зрители видят цветную тень (если кукла кожаная). Если зрители местные, нет необходимости читать текст, всем понятны знакомые излюбленные сюжеты, просто играет оркестр гамелан.

Один из самых известных сейчас на острове Ява кукловодов (далангов) – Ки Мантеб Сударсоно, ему 65 лет. К своей работе относится очень серьезно, считает, что ваянг – для интеллектуалов, потому что заставляет думать. В ваянге надо размышлять, чувствовать. Ки Мантеб часто дает представления для высоких гостей в своей стране, а в 2004 году представлял Индонезию в Париже, когда ЮНЕСКО объявила ваянг достоянием человечества. Ему также принадлежит рекорд среди далангов по длительности представления: оно длилось 24 часа 28 минут. Ки Мантеб говорит, что уже написал завещание с просьбой похоронить его с куклами ваянг, ведь в них вся его жизнь, через театр он выражает себя, размышляет, молится и даже занимается политикой. Часто во время спектакля читает текст на древнеяванском языке кави. Ки Мантеб – само воплощение яванских традиций. На нем юбка саронг из ткани батик ручной работы, изысканная традиционная яванская шапочка, редкой красоты яванский кинжал *крис* с рукояткой из слоновой кости и ножнами, украшенными драгоценными камнями.

В июле 2013 года в галерее «Метаморфоза» открылась выставка «Нити судьбы», где кроме индонезийских тканей, шарфов, покрывал ручной работы были представлены все три вида кукол театра ваянг и маски. Ведь, как уже говорилось, часто роспись кукол и масок имеет много общего с мотивами батика.

БУЛАНОВА
Нина Федоровна –
заместитель начальника отдела геологии и лицензирования по Хабаровскому краю

БЫКОВА
Евгения Витальевна –
искусствовед, член Союза художников России

ДАВЫДОВА
Татьяна Алексеевна –
искусствовед, член Союза художников России, заслуженный работник культуры РФ

ДУБИНИНА
Марина Ильинична –
пианистка, преподаватель Хабаровского колледжа искусств

ДЫМИНСКИЙ
Сергей Александрович –
главный архитектор отдела генеральных планов института «Хабаровскгражданпроект»

ЖАБИНА
Нелли Яковлевна –
преподаватель философии, автор двух книг по проблемам истории философии, краевед-исследователь

ЗИМИН
Сергей Константинович –
художник, литератор (Москва)

КИРПИЧЕНКО
Татьяна Васильевна –
старший научный сотрудник отдела краеведческой литературы ДВГНБ, председатель клуба «Краевед»

КОЛЕСНИКОВ
Олег Николаевич –
заместитель председателя правления Краевого историко-просветительского общественного движения «Мемориал»

КОПЫТИНА
Татьяна Игоревна –
ответственный секретарь Хабаровского отделения Союза театральных деятелей РФ (Всероссийское театральное общество)

КРИВЧЕНКО
Любовь Анатольевна –
главный специалист отдела использования и публикаций Государственного архива Хабаровского края

ЛЕПЕТУХИН
Александр Петрович –
доцент кафедры изобразительного искусства ДВГГУ, член Союза художников РФ, член Союза писателей РФ

ПЕЧОРИН
Герман Анатольевич –
профессор Хабаровского государственного института искусств и культуры, лауреат джазового конкурса

ПОЗИНА
Наталья Сергеевна –
заведующая сектором истории, культуры и искусства Краевого музея имени Н.И. Гродекова

ПРИВАЛОВА
Ольга Юрьевна –
искусствовед, член Союза художников России, директор галереи современного искусства «Метаморфоза» (Комсомольск-на-Амуре)

САМЫНИНА
Марина Витальевна –
начальник организационно-методического отдела Государственного архива Хабаровского края

СИМОНОВ
Игорь Александрович –
фотограф, заслуженный работник культуры РФ

СТАРУН
Наталия Ивановна –
завсектором русского искусства Дальневосточного художественного музея

ТОКАРСКИЙ
Валерий Николаевич –
фотограф, краевед

ТРИШКИНА
Татьяна Аркадьевна –
коллекционер, автор проекта «Индонезия – любовь моя» (совместно с галереей современного искусства «Метаморфоза», Комсомольск-на-Амуре)

ЦВЕТНИКОВА
Марина Яковлевна –
композитор, пианистка, художественный руководитель музыкального центра «Стретта»

ШИШИГИН
Иван Ильич –
главный архитектор ОАО РПИИ «Якутгражданпроект», заслуженный архитектор Республики Саха (Якутия), почетный архитектор России, профессор МАА (г. Якутск)

ШИШКИНА
Виктория Авенировна –
доктор педагогических наук, профессор кафедры дизайна ДВГГУ, член Союза художников России, искусствовед

Журнал «Словесница Искусств»:
подписка на 1-е полугодие 2014 года

Подписной индекс – **14 396** (каталог МАП)

Подписку можно оформить в любом отделении
Почты России по Хабаровскому краю

Тема следующего номера –
«Вложить себя в поток культуры»

Резелда Ершова. Художница. 2013
Холст, масло. 60х70

ГУРИКОВ Александр Викторович
(1941–2005)

Живописец, график. Заслуженный художник России.

Александр Викторович Гуриков родился в Комсомольске-на-Амуре. Занимался в детской художественной школе у педагога Н.Г. Заславского, затем поступил на художественно-графический факультет Хабаровского педагогического института, который окончил в 1965 году.

В художественных выставках стал участвовать с 1966 года, с этого же времени и до 1977 года преподавал на кафедре рисунка и живописи в родном институте. С 1975 по 1981 год Александр Гуриков возглавлял Хабаровское отделение Союза художников СССР. В этот же период художник представлял свои произведения на всесоюзных, республиканских, зональных, региональных, краевых, городских, персональных и международных выставках. В 1985 году он стал участником биеннале графики в г. Любляна (Югославия). Целая серия работ А.В. Гурикова посвящена БАМу. В своих «графических репортажах» он отразил пульс большой стройки (офорты «Разговор о дороге», «Репортаж с БАМа», «Рождение поселка», «Таежные дали»). В 1996 году награжден медалью «За строительство Байкало-Амурской магистрали». В 2001 году Гурикову присвоено звание заслуженного художника России.

Произведения А.В. Гурикова находятся в собраниях Государственной Третьяковской галереи (Москва), Дальневосточного художественного музея (Хабаровск), Картинной галереи им. А.М. Федотова (Хабаровск), Музея изобразительных искусств Комсомольска-на-Амуре, галереи современного искусства «Метаморфоза» (Комсомольск-на-Амуре), Краеведческого музея Нанайского района (с. Троицкое, Хабаровский край), Музея современного искусства ЕАО (Биробиджан), Музейно-выставочного центра Забайкальского края (Чита), Сахалинского государственного областного художественного музея (Южно-Сахалинск).

У водоема. 2004
Линогравюра

Дорогами БАМа. Из серии «Хроника таежных километров»
Офорт

Рыбаки. *Офорт*